

*Посвящается памяти
д.э.н., профессора
Виктора Георгиевича
Растянникова
(1928–2015)*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СТРАНАХ ВОСТОКА:

**ТЕНДЕНЦИИ,
НЕРАВНОМЕРНОСТЬ,
НЕРАВЕНСТВО
СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Коллективная монография

Книга 1

Москва
ИВ РАН
2020

УДК 330.34
ББК 65.2/4
Э40

Ответственный редактор и составитель
к.э.н. И.В. Дерюгина

Рецензенты:
д.э.н. В.А. Исаев, д.и.н. А.И. Яковлев

*Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
Института востоковедения РАН*

Э40 Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития: Коллективная монография. В 2-х кн. Кн. 1 / Отв. ред. и сост. И.В. Дерюгина; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВРАН, 2020. – 280 с.

ISBN 978-5-89282-973-1
DOI: 10.31696/978-5-89282-9731

Коллективная монография посвящена проблемам социально-экономического развития в странах Востока, быстрые темпы экономического роста в которых создают иллюзию всеобщего преуспеяния. В монографии исследуются структурные характеристики и модели современного экономического роста, уделяется повышенное внимание условиям и факторам его неравномерности. Проводится как пространственный (межрегиональный, межстрановой), так и динамический анализ. Изучена острейшая проблема стран Востока – социальное неравенство, на основе современных концепций оценен уровень расслоения общества в различных странах. Проанализированы тенденции экономического роста в Китае, Индонезии, Пакистане, Турции, Египте, странах Персидского залива.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей, занимающихся современными проблемами экономики стран Востока, преподавателей, студентов, аспирантов по специальности Международная экономика.

ISBN 978-5-89282-973-1
ББК 65.2/4

© Коллектив авторов, 2020
© ФГБУН ИВ РАН, 2020
© Растяникова Е.В., дизайн обложки, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

**ECONOMIC GROWTH
IN THE EAST:
TRENDS,
UNEVENNESS,
INEQUALITY
IN SOCIAL DEVELOPMENT**

Collective Monograph

Book 1

Moscow
IOS RAS
2020

UDC 330.34

Edited and compiled by
Dr. I.V. Deryugina

Reviewers:

D.Sc. (Econ.) V.A. Isaev, D.Sc. (History) A.I. Yakovlev,

*Approved for printing Editorial and Publishing Council
Institute of Oriental Studies RAS*

Economic Growth in the East: Trends, Unevenness, Inequality in Social Development: Collective monograph. In 2 books. Book 1 / Ed. and compiled by I.V. Deryugina; Institute of Oriental Studies RAS. – M.: IOS RAS, 2020. – 280 pp.

ISBN 978-5-89282-973-1

DOI: 10.31696/978-5-89282-9731

The collective monograph is devoted to the problems of socio-economic development in the Eastern countries, where rapid economic growth creates the illusion of universal prosperity. The monograph explores the structural characteristics and models of modern economic growth, paying special attention to the conditions and factors of its unevenness. Both spatial (inter-regional, inter-country) and dynamic analysis is carried out. The most acute problem of the Eastern countries-social inequality – has been studied. Based on modern concepts, the level of stratification of society in different countries is estimated. Economic growth trends in China, Indonesia, Pakistan, Turkey, Egypt, and the Persian Gulf countries are analyzed.

The book is of interest to a wide range of readers who are engaged in modern problems of the economy of the Eastern countries.

ISBN 978-5-89282-973-1

© Group of authors, 2020

© IOS RAS, 2020

© E.V. Rastyannikova, design cover art, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА I. НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И СТРАНЫ ВОСТОКА: КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.	17
§1.1. Неравномерность экономического роста в современных концепциях	17
§1.2. Сравнительный анализ важнейших параметров и социальных последствий экономического роста: Китай, другие развивающиеся и развитые страны (1980–2010-е гг.).....	33
§1.3. Неравномерность развития мирового сельского хозяйства: модернизация vs неформальные институты.....	58
§1.4. Неравномерность ресурсного потенциала в мировой добывающей промышленности	88
§1.5. Роль распределенной электрической генерации в ликвидации региональных диспропорций развития стран Азии и Африки.....	109
§1.6. Пакистан: неравномерности экономического развития зависимого государства	121
§1.7. Турция: социально–экономическая эволюция Востока и Юго-Востока с точки зрения концепции инклюзивного развития (2008–2017 гг.).....	139
ГЛАВА II. НЕРАВЕНСТВО СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОТ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ К ЧАСТНЫМ РЕШЕНИЯМ	158
§2.1. Неравенство социально–экономического развития: страны и страты	158
§2.2. Глобальные потрясения в мире и их влияние на рост экономического неравенства в начале XXI в.	173

§2.3. Неравенство в распределении доходов в странах Азии и Африки и роль ТНК	197
§2.4. Проблемы социального неравенства в современной Японии.....	217
§2.5. Индикаторы социального расслоения в Японии	240
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	260
 Приложение к §1.1. Большие (Кондратьевские) циклы в агросфере стран Востока и Запада	260
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	275

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важнейшим трендом начала XXI в. стал процесс перехода экономических структур к «наукоемкому», или инновационному этапу развития. Этот переход в первую очередь означал становление новой системы производительных сил, которые предполагают информатизацию всех сфер экономики¹. В современный период происходит создание не обособленных элементов информационных производительных сил – этот этап был пройден еще в конце XX в., а глобальной мировой информационной системы, которая как гигантский спрут втягивает в себя различные экономические структуры, как уже перешедшие к новым производительным силам, так и оставшихся на более ранних этапах развития.

Мировая экономика в процессе такого перехода попадает в ловушку неравномерности экономического роста, ибо переход захватывает выборочно отдельные части экономики, не преобразуя всю систему производительных сил. В результате в одной стране, в одной отрасли и даже в одном хозяйстве консервируются различные уклады, усиливая гетерогенность структуры. Причем неравномерность экономического роста возрастает, образно говоря, в пространственно-временном континууме, обусловленная как усилением диспропорций развития, так и повторяющимися шоками и кризисами различного генеза. Одной из болезненных точек экономического роста является то обстоятельство, что неравномерность соединяется с проблемой неравенства социально-экономического развития и способствует расслоению общества.

Выявить современные тенденции экономического роста в странах Востока, оценить степень и причины его неравномерности, изучить вырвавшиеся вперед и отстающие звенья

¹ Новая система производительных сил и страны Востока: (коллективная монография) / Отв. ред. А.В. Акимов, С.А. Панарин, науч. ред. И.В. Дерюгина, Н.Н. Цветкова; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН. 2019.

экономической системы, проанализировать степень социального неравенства стало центральной задачей настоящей коллективной монографии.

Монография, состоящая из 2-х книг, начинается с анализа неравномерности экономического роста в странах Востока, в рамках этого анализа показаны современные подходы и методы исследования неравномерности. Большое внимание уделено изучению региональной неравномерности в различных отраслях мировой экономики, в частности, в добывающей промышленности, сельском хозяйстве, электроэнергетике. Причем основной акцент сделан на особенностях экономического роста в странах Азии и Северной Африки.

Экономическое и социальное неравенство в мире характеризуется межстрановыми различиями в уровнях социально-экономического развития, доступом населения к жизненно-важным ресурсам (продовольствие, социальные и медицинские блага, образование), социальным и имущественным расслоением внутри стран. Если оценивать страны по уровню доходов на душу населения, то примерно 17% мирового населения живет в странах с высокими доходами, 45% со средними, 39% с низкими. В мире в целом от недостатка продовольствия хронически страдают более 10% населения, преимущественно в Южной Азии и странах Африки к югу от Сахары. Имущественное неравенство растет как в развивающихся странах, так и в развитых. Доля 10% самых богатых граждан в национальном доходе варьируется от 37% в Европе до 61% на Ближнем Востоке. Также в монографии сделаны попытки ответить на вопрос, в какой степени ТНК несут ответственность за усиление неравномерности в распределении доходов в развивающихся странах.

Отдельное исследование посвящено проблеме социального расслоения в Японии. Долгое время для Японии в плане распределения доходов была характерна весьма высокая степень равенства. Однако с начала 1990-х гг. под влиянием целого ряда факторов в стране начались процессы социального расслоения. К

настоящему времени о нарастании остроты проблемы имущественного неравенства свидетельствует заметное повышение коэффициента Джини. Среди основных факторов обострения в Японии данной проблемы выделяются такие моменты, как увеличение доли старших возрастов в демографической структуре общества, увеличение доли непостоянного найма и рост различий в доходах разных категорий работающих, а также сохранение и увеличение гендерных различий в карьерных возможностях и оплате труда. Государство старается сдерживать негативные явления за счет системы социального обеспечения и налогообложения. Но встает вопрос, достаточно ли мер государственной политики социальной защиты для решения этой проблемы?

С конца XX в. «загадками» экономического роста, в том числе его неравномерности, являются противоречия развития таких стран Востока, как Китай и Индонезия, Пакистан и Индия, Турция и Египет, которые будут проанализированы в монографии.

В настоящее время наибольший интерес представляет собой парадокс экономического роста в Китае. Поэтому в работе рассмотрены различные аспекты этой актуальной темы. Во-первых, проанализированы и уточнены тренды, детерминанты и последствия долговременного развития страны в глобальном контексте. В результате показано, что: а) Китаю удалось совершить беспрецедентно быстрый и крупный по своим масштабам рывок в экономическом и социальном развитии не только в результате проведения широкого комплекса рыночных реформ (при сохранении командных позиций государства) и значительного увеличения нормы вложений в физический и человеческий капитал, но и вследствие активного использования внешних факторов и развития инновационного потенциала; б) форсированный экономический рост Китая был вызван не только экстенсивными, но и в немалой мере интенсивными факторами, роль которых оказалась, хотя и ниже, чем в развитых государствах, но существенно выше, чем в среднем по другим развивающимся странам; в) экономический прогресс страны сопровождался возникновением и

обострением серьезных финансовых, экологических и социальных проблем, неотложное решение которых стало важнейшим императивом успешного продолжения Китаем догоняющего (перегоняющего) развития. Во-вторых, изучена смена моделей экономического роста в Китае на протяжении последних 40 лет, описана перспективная экономическая модель, основанная на инновациях и определены условия ее реализации. С другой стороны, показано, что слабейшим звеном в экономике Китая продолжает оставаться сельское хозяйство. Несмотря на достигнутые огромные успехи в области самообеспечения продовольствием – страна является мировым лидером по производству большой номенклатуры продуктов питания, показатели экономической эффективности не соответствуют эффективности промышленного производства, что формирует отраслевую неравномерность. И, наконец, подняты вопросы современного понимания социальной справедливости с точки зрения руководства Китая и приемлемого уровня контроля социального поведения личности, подчеркнуто, что предпринимаемые руководством меры уничтожают старый социальный порядок. Хотя китайская новая модель, основанная на инновациях, опирается на достижения научно-технического прогресса, ее гуманистическая составляющая и универсальность вызывают сомнения.

Для исследования неравномерности экономического роста в стране с зависимой экономикой был выбран Пакистан, развитие которого в исторической динамике претерпевало и продолжает претерпевать заметные колебания. Экономическое развитие страны анализируется в период ее существования в нынешних границах – с 1971 г. Зависимость Пакистана вытекает из решающего значения, которое имеют с точки зрения чередования ритмов роста внешнеполитические факторы. Причина зависимости кроется в низком потенциале внутреннего развития, недостатке национальных сбережений, хроническом дефиците торгового баланса, нестабильном притоке прямых иностранных инвестиций. Также рассмотрены тенденции, которые лежат в основе социально-

экономического развития Пакистана в современный период, в частности, распространения эпидемии COVID–19.

В монографии на примере Востока и Юго-Востока Турции изучаются методы измерения инклюзивного экономического роста и оценивается его влияние на степень преодоления региональной отсталости. Для этой цели использован комплекс показателей инклюзивности, который был разработан Азиатским банком развития применительно к реалиям Турции.

Арабская Республика Египет – самое крупное государство арабского мира, играющее важную роль в экономических процессах на Ближнем Востоке и в Северной Африке, исследована в монографии с двух сторон. Во-первых, комплексно проанализирована структура экономики Египта, проведён анализ социального неравенства, предложена классификация регионов Египта по уровню развития инфраструктуры и человеческого капитала. Во-вторых, определено направление социально-экономического развития Египта после арабской весны 2011 г. и выявлены вызовы, связанные с быстрыми темпами роста населения.

С точки зрения изучения закономерностей экономического развития Ближнего Востока затронута такая острая тема как Исламский халифат, ставший самостоятельным и нелегальным образованием на захваченной военным путем части территорий Сирии и Ирака. Он предстает в работе как казусное явление и прямое следствие иностранной интервенции против Ирака, которая спровоцировала консолидацию религиозных экстремистских сил и их стремление институционально оформиться в виде государства. Созданный джихадистами феномен оказался ожидаемо провальным и лишенным необходимых признаков полноценного государства. Его экономическая функция была во многом несостоятельной, социальная воспринималась как ущербная, а демократия в общепринятом смысле слова вообще отсутствовала. Повседневная практика халифата носила все черты криминальной активности, отвечающей интересам лишь наиболее непримиримой группы фанатиков. Последствия соседства с ними быстро дали о себе знать

и на сопредельных территориях – образованием здесь конкурирующих с официальными структурами власти криминальных формирований, положивших начало многочисленным злоупотреблениям, насилию и экономическим преступлениям. Несмотря на то, что Халифат, как воплощение деструктивной идеи, уничтожен, корни его остаются, и сохраняется опасность возникновения новой подобной угрозы в лице сил, готовых дезавуировать ислам, как одну из ведущих мировых религий.

Продолжая тему экономического развития стран Ближнего Востока, исследуются проблемы диверсификации отраслевой структуры экономики в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Поскольку зависящая от экспорта нефти модель экономического роста испытывает все большие трудности в условиях глобальной трансформации рынка энергетических ресурсов, их положение остается сложным, вызывая необходимость ускорения перестройки отраслевых структур хозяйства. Все эти проблемы еще сильнее проявились в условиях последнего кризиса, связанного с падением цен на нефть под влиянием пандемии COVID–19. Текущий кризис подорвал функционирование ряда секторов сферы услуг, прежде всего, туризма. В рамках стратегий диверсификации отраслевой структуры страны ССАГПЗ на сегодня, несмотря на определенные успехи в диверсификации, поставлены перед вызовом переноса центра тяжести в диверсификации на группу производственных отраслей и на внедрение инновационных технологий.

В монографии подняты вопросы зеленой экономики на примере Марокко. Инновации являются неотъемлемым условием зеленого развития. С целью стимулирования внедрения инноваций в такие сектора марокканской экономики как возобновляемая энергетика, водное хозяйство, устойчивое сельское хозяйство, переработка отходов в стране разработан ряд организационных, регуляторных и финансовых механизмов. Государство играет ведущую роль в инновационном развитии, однако страна стоит перед необходимостью развития государственно-частного партнерства.

Высокие темпы экономического роста в странах Юго-Восточной Азии, сопровождавшиеся сокращением социальных проблем, реальным улучшением продовольственной безопасности, представляют собой еще одну «загадку» неравномерности экономического роста. Поэтому в работе предлагается исследование динамики и реальных итогов социально-экономического развития Индонезии в XXI в. с учетом вклада в этот процесс важнейших факторов – затрат труда, капиталовложений, совокупной факторной производительности. В результате можно сказать, что высокие темпы экономического роста Индонезии сопровождаются относительно медленной перестройкой ее отраслевой структуры, возрастающим вкладом экстенсивных факторов (особенно капиталовложений), а повышение качества жизни существенно отстает от динамики экономического роста.

Процесс глобализации, охвативший сегодня многие страны мира, тесно связан с развитием международной транспортной инфраструктуры и, в первую очередь, морского транспорта, на долю которого приходится наибольшая часть грузоперевозок. Морское судоходство – важный инструмент этого процесса. Одновременно высокие темпы интеграции международного сотрудничества заставляют искать все новые пути повышения эффективности транспорта, чтобы отвечать требованиям времени. Отсюда появление международных транспортных коридоров и нововведений, опирающихся на последние достижения науки и техники. Самым наглядным проявлением глобализации является свободное перемещение товаров, людей, информации и капиталов через национальные границы. За годы глобализации резко возросли объемы внешнеторговых грузоперевозок. В рамках темы влияния глобализации на транспортный потенциал рассмотрены два вопроса: международный транспорт Японии и перспективы российско-китайского транспортного сотрудничества.

Оценивая с высоты птичьего полета, события начала XXI в. можно заключить, что мир вступает в новую эпоху, когда международный экономический порядок приобретает иные

очертания по сравнению с предыдущими десятилетиями. Многие развивающиеся страны Востока наращивают свою экономическую мощь, а развитые страны Запада вынуждены пересматривать свое отношение к быстрорастущим экономикам. Проблемы бедности и неравенства становятся более острыми, как на Западе, так и на Востоке. Современный кризис, вызванный эпидемией COVID–19, обнажил слабости мировой экономической системы, особенно в отношении миллионов людей за пределами «золотого миллиарда», наглядно показал масштабность задач по созданию нового мирового устройства, основанного на социальной справедливости.

Авторский коллектив:

КНИГА 1

ПРЕДИСЛОВИЕ – Дерюгина И.В.

ГЛАВА I

- §1.1 – Дерюгина И.В.
- §1.2 – Мельянцев В.А.
- §1.3 – Дерюгина И.В.
- §1.4 – Растяникова Е.В.
- §1.5 – Борисов М.Г.
- §1.6 – Белокреницкий В.Я.
- §1.7 – Ульченко Н.Ю.

ГЛАВА II

- §2.1 – Акимов А.В.
- §2.2 – Юрлов Ф.Н.
- §2.3 – Цветкова Н.Н.
- §2.4 – Стрельцов Д.В.
- §2.5 – Лебедева И.П.

ПРИЛОЖЕНИЕ – Дерюгина И.В.

КНИГА 2

ГЛАВА III

- §3.1 – Филоник А.О.
- §3.2 – Гукасян Г.Л.
- §3.3 – Соловьева З.А.
- §3.4 – Кандалинцев В.Г.
- §3.5 – Максимова Е.И.
- §3.6 – Матюнина Л.Х.
- §3.7 – Дерюгина И.В.
- §3.8 – Бойцов В.В.
- §3.9 – Орлов И.А.
- §3.10 – Бочаров И.А.
- §3.11 – Замаева Н.А.

ГЛАВА IV

- §4.1 – Авдаков И.Ю.
- §4.2 – Семенова Н.К.

ПРИЛОЖЕНИЕ – Орлов И.А.

ПОСЛЕСЛОВИЕ – Дерюгина И.В.

ГЛАВА I.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И СТРАНЫ ВОСТОКА: КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.

§1.1. Неравномерность экономического роста в современных концепциях

Широта понятия «неравномерность экономического роста» дает большую свободу его трактовок. Неравномерность экономического роста может иметь место как в пространственном масштабе, проявляясь в неодинаковости/неравенстве уровня развития различных стран, так и во временном континууме, принимая форму волновой динамики, или цикличности экономического роста.

Понятие современного экономического роста большинство экономистов связывают с первой промышленной революцией, начавшейся в Великобритании в конце XVIII в. Сегодня, когда мир переживает четвертую промышленную революцию, предпринимается множество попыток понять, почему – не только время вступления на путь современного экономического роста было отличным для разных стран мирового сообщества, но и скорость вхождения в этот период по странам сильно различалась. Если ответом на первый вопрос для стран Востока могут быть жесткие исторические реалии в виде колонизации, то однозначного ответа на второй вопрос не существует.

Не однажды к проблеме ретроспективного измерения долгосрочного экономического роста обращались известные ученые-экономисты, например, Энгас Мэддисон¹, также они не оставляли

¹ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг.: очерки по макроэкономической истории / Пер. с англ. М., 2015.

попытки объяснить неравномерность экономического роста (Иммануил Валлерстайн, Джованни Арриги)². В последние годы наибольшее внимание привлекает изучение «великого расхождения» стран Востока и Запада (Кеннет Померанц), которое помогает пролить свет на скачок темпов экономического роста в некоторых странах Востока, в частности в Китае³.

Пространственная неравномерность экономического роста

С конца XX в. «загадки» неравномерности экономического роста представляют собой такие страны Востока, как Китай и Индия, Пакистан и Индонезия, Турция, Египет.

Что же лежит в основе пространственной неравномерности экономического роста – быстрого в одних странах и более медленного в других. Современные теоретические концепции принимают за основу три системных блока, которые определяют уровень, скорость, направление экономического роста: институциональная система страны; макроэкономическая политика страны; внешние шоки⁴.

Институциональная система страны включает формальные институты (законы, конституции) и неформальные институты (традиционные социальные нормы, условности, принятые кодексы поведения). Реформирование экономики предполагает институциональные изменения, которые подразделяются на дискретные и инкрементные. Дискретные изменения происходят в результате радикальных преобразований в формальных нормах и правилах и относятся к изменениям институциональной среды.

² Валлерстайн И. Мир-система Модерна. В 4-х томах / Пер. с англ. М., 2015–2016; Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть, истоки нашего времени / Пер. с англ. М., 2006.

³ Померанц К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики / Пер. с англ. М., 2017.

⁴ Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы – сравнительный анализ / Научный редактор Л. Бальцерович и А. Жоньцы / Пер. с польск. М., 2012.

Преобразование экономики по траектории дискретных изменений (содержащей определенные скачки, институциональные шоки) означает, что исходные институты должны закончить свое существование, а их функции в экономике начнут выполнять другие институты. Инкрементные изменения связаны с изменениями институциональных соглашений, локальных неформальных норм, и, соответственно, траектория, формируемая ими, предполагает постепенную трансформацию, но не исчезновение, определенного института⁵.

В реальном проявлении институциональная система пронизывает практически всю экономическую и социальную жизнь страны. Даже технические измерители (определители) неравномерности экономического роста, такие как накопление физического капитала и человеческого потенциала, производительность ресурсов (капитала и труда), структура занятости и строение капитала, рост совокупной факторной производительности – обусловлены состоянием институтов в стране. Институты определяют структуру собственности, правовую систему (в том числе трудовое право), мотивацию и выбор производственных решений, методы внеэкономического принуждения, систему распределения доходов, отношение к накоплению знаний и др.

Макроэкономическая политика, направленная на ускорение экономического роста, предполагает различные модели реформирования/модернизации экономики. Так как в данном параграфе не ставится задача описать разработанные теоретические модели экономического роста, сосредоточимся на механизмах роста, отвечающих за его ускорение и неравномерность в странах Востока.

Первый механизм – рост, основанный на инновациях. Первоначально в странах Востока этот механизм основывался на технологических трансфертах из-за рубежа (опыт НИС), но со временем

⁵ Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., 2017. С. 246.

инновационный рост приобретает эндогенный характер. Так как реформирование на основе инноваций предполагает перенаправление ресурсов в научно-технологические отрасли, то они могут быть сосредоточены на ограниченных прорывных отраслях (Индия – Программа «Лук и стрелы» на 2017–2032 гг.), либо на широком инновационном развитии (13-й пятилетний план КНР)⁶.

Второй механизм – экономический рост в рамках ресурсной модели развития – основан на реализации абсолютных преимуществ в международной торговле. В рамках данного механизма макроэкономические реформы направлены на повышение эффективности использования ресурсов. Наиболее продуктивно этот механизм действует при курсе на развитие добывающей промышленности. При высоком спросе на ресурсы на мировом рынке реализация этой модели позволяет поддерживать высокие темпы экономического роста, сопровождающиеся улучшением благосостояния населения. Страны, развивающиеся в рамках ресурсной модели подвержены воздействию шоков различного генеза как внутренних, например, ценовых, так и внешних – политических, военных, стихийных бедствий и др.

Третий механизм предполагает привлечение иностранного капитала в промышленный сектор. Данный механизм основан на реализации относительных преимуществ дешевого труда и получении иностранными компаниями более высокой нормы прибыли. В настоящее время базовым стимулом такой модели становятся не только (и не столько) дешевый руд, но жесткие требования к экологии во многих странах. Таким образом, фундаментом механизма выступает вынос из более развитых стран в менее развитые ресурсозатратных, в частности, трудозатратных, экологически грязных производств, а агентами-проводникам становятся крупные ТНК.

Страны Азии и Африки, нацеленные на ускорение экономического роста, находятся в прокрустовом ложе этих трех

⁶ Растяжникова Е.В. Страны БРИКС на пороге четвертой промышленной революции: добывающая промышленность. М., 2019. С. 192–201.

механизмов. Наиболее успешным из них удается, накопив финансовые ресурсы и подняв уровень человеческого потенциала через использование второго и третьего механизма, перейти к развитию в рамках первого механизма – ярким примером такого поступательного движения является Китай.

Конечно, в современном мире существуют страны, а чаще большие анклавы в странах, которые продолжают развиваться в рамках, условно говоря, традиционной экономической системы, используя Официальную помощь в целях развития или другие виды дотаций. Такие страны в значительной степени формируют очаги отсталости и усиливают разрыв в неравномерности экономического роста.

Внешние шоки подразумевают исторические изменения в условиях экономического роста. Они определяются политической стабильностью/нестабильностью, в том числе личностными компетенциями людей, определяющих экономическую политику. Политическая система оказывает влияние на неравномерность экономического роста в различных странах не только через институты, уже сложившиеся в стране, но и другими путями, например через неограниченную власть (в том числе диктатуру) или через прорывные трансформации, в том числе революционные преобразования⁷.

Описанные выше механизмы и модели – это только верхушка айсберга, глубинные пласты которого могут порождать неравномерность мирового развития, проявление которой можно наблюдать в различных сферах экономики, например, в формировании экономических циклов, в разбалансировке фазовых переходов между системами производительных сил как между странами, так и между отраслями внутри страны и др.

В пределах *современного* экономического роста поступательное развитие отраслей и экономических систем в целом

⁷ Здесь можно привести множество примеров, как положительного, так и отрицательного воздействия, например, реформы 1978 г. в КНР под руководством Дэн Сяопина vs политика *сонгун* в КНДР.

(модернизация) осуществляется через смену этапов технико-экономического развития (ТЭР).

Этапы ТЭР, которые определяются развитием производительных сил, делятся на трудоемкий, капиталоемкий и наукоемкий⁸. Известно, что в сложных системах, в нашем случае – экономических, поступательное движение подчиняется законам неоднородности развития частей системы. Поэтому экономики сталкиваются с проблемой многоукладности, дихотомии или диспропорций в модернизации отдельных структур, в частности, секторов, отраслей народного хозяйства страны. Наиболее несбалансированное развитие наблюдается в странах, осуществляющих ускоренную модернизацию, пропуская некоторые этапы ТЭР.

Все это предопределяет «рваный ритм» технологического прогресса, временную неравномерность технологических преобразований, при которой даже в рамках одной отрасли экономики технологически качественно обновившееся производственное звено оказывается органически связанным (в рамках единого производственного процесса) с пока застывшим в своем прежнем техническом облике другим производственным звеном⁹. Неравномерность, свойственная процессу технологических инноваций, отражается на смене этапов ТЭР.

Исторический опыт показывает, что слабейшим звеном экономической системы в странах Азии и Африки наиболее часто выступает сельское хозяйство. Именно институты, действующие в аграрных обществах стран Востока, формируют межотраслевую, межсекторную и даже межхозяйственную неравномерность. Ниже приведем характеристику этапов ТЭР на примере экономического роста в отрасли сельского хозяйства.

⁸ Дерюгина И.В. Сельское хозяйство стран Азии и Северной Африки: экономический рост и модернизация. М.: ИВ РАН, 2018. С. 25, 39.

⁹ Растянкин В.Г. НТР и проблемы стадий капиталистической эволюции в развивающихся странах Востока // Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию Виктора Георгиевича Растянкина / Отв. ред. А.В. Акимов, И.В. Дерюгина. М. 2018. С. 41.

Трудоемкий этап базируется на использовании доиндустриальных и раннеиндустриальных производительных сил (ПС). Доиндустриальным ПС присущ традиционный тип хозяйства, использование низкоквалифицированного ручного труда, натуральный или простой товарный обмен. С раннеиндустриальных ПС начинается частичное применение машин на отдельных операциях, развивается товарное производство. Частичное использование современных средств производства (в аграрном производстве – это минеральные удобрения, высокоурожайные семена) ни в какой степени не уменьшает трудоемкости такого хозяйства. При трудоемком этапе в сельском хозяйстве стран Азии и Африки целью производственной деятельности является по преимуществу личное потребление, проявляется сильное влияние неформальных институтов, хозяйство отличается слабой степенью индивидуализации, т.е. пока еще не вычленено из коллективных связей.

Капиталоемкий этап стартует с развития индустриальных ПС и характеризуется ростом фондовооруженности труда и фондоемкости продукции. *Индустриальные* ПС сочетают комплексную механизацию (частичную автоматизацию производства) с развитым товарным обменом. В современном мировом сельском хозяйстве капиталоемкий этап проявляется в двух вариантах – капиталоемкий этап с нарастающим трудосберегающим эффектом и капиталоемкий этап с ограниченным трудосберегающим эффектом – в этом проявляются особенности двух технологических способов производства (землесберегающего и трудосберегающего), имеющих принципиальные различия для стран Востока и Запада. Деление капиталоемкого этапа на два виртуальных варианта определяется главным образом целями использования капитала в процессе аграрного производства в странах с различными технологическими способами производства. Одновременно это связано с использованием избыточного труда, который деформирует показатели экономической эффективности производственной деятельности. Более подробно проблемы неоднородности мирового

сельскохозяйственного комплекса будут рассмотрены в §1.3. Однако следует заметить, что на капиталоемком этапе избыточная рабочая сила влияет на неравномерность экономического роста не только в сельском хозяйстве, но и в других сферах экономики, отражаясь в низких показателях производительности труда (см., например, сравнительный анализ показателей эффективности в мировом горнодобывающем комплексе в §1.4).

Наукоемкий этап, связан с применением постиндустриальных и информационных ПС. Постиндустриальные ПС определяются гибким автоматизированным производством, резким усилением интернационализации мировой экономики. Информационные ПС соединяют в себе материальное производство, основанное на компьютерном управлении/роботизации, и глобализацию. Наукоемкий этап связан с экономией ресурсов производства, как трудовых, так и природных. На этом этапе сглаживаются диспропорции в показателях эффективности, которые вопиюще проявлялись в период капиталоемкого этапа.

Закон неоднородности развития больших – в нашем случае экономических – систем заключается в том, части системы вступают на различные этапы ТЭР неодновременно. Таким образом формируется межотраслевая неравномерность – одни отрасли могут находиться на наукоемком этапе, а другие оставаться на трудоемком. Ярким примером такой неравномерности экономического роста выступают сектор ИТ-технологий и аграрный сектор в Индии. Причем неоднородность действует не только между отраслями, но внутри самих отраслей, когда одни агенты уже перешли новому этапу ТЭР, а другие остались на предыдущем. Более того, эти же законы неоднородности действуют при создании цепочки стоимости, формируя ее из отдельных производств, функционирующих на различных этапах ТЭР.

В таблице I-1.1 показана классификация стран по этапам ТЭР в мировом сельском хозяйстве. Неравномерность межотраслевого развития проявляется в том, что страны в таблице классификации по другим секторам мировой экономики займут совершенно иное место.

Таблица I-1.1. Классификация этапов технико-экономического развития (ТЭР) в мировом сельском хозяйстве

ТЭР	Трудоемкий	Капиталоемкий с ограниченным трудосберегающим эффектом	Капиталоемкий с нарастающим трудосберегающим эффектом	Наукоемкий
Производительные силы	Доиндустриальные, раннеиндустриальные	Индустриальные	Индустриальные	Информационные (постиндустриальные)
Страны	Алжир Бангладеш Вьетнам Индия Индонезия Пакистан Таиланд	Египет Иран Китай Малайзия Узбекистан	Австралия Казахстан Канада Польша Россия Турция	Великобритания Нидерланды США Франция Япония Южная Корея

При измерении неравномерности социально-экономического развития, обусловленного законами современного экономического роста, наиболее часто используются следующие показатели:

1. Темпы прироста валового внутреннего продукта (ВВП);
2. Накопление физического капитала и человеческого потенциала;
3. Производительность и продуктивность основных факторов производства – капитала, труда, природных ресурсов;
4. Совокупная факторная производительность;
5. Величина подушевого ВВП и неравенство распределения доходов.

Именно на сочетании этих показателей базируется оценка неравномерности социально-экономического развития в странах Востока, представленная в настоящей монографии. В то же время перечисленные факторы не могут полностью объяснить

неравномерность экономического роста без учета влияния социальных, экономических и политических институтов¹⁰.

Темп роста ВВП является базовым показателем, характеризующим скорость экономического роста. Поэтому на начальном уровне изучения неравномерности его использование может быть оправдано, но при более глубоком исследовании применяются дополнительные параметры.

Накопление физического капитала, или увеличение основных фондов является, пожалуй, в странах, не вступивших в наукоемкий ТЭР, одной из главных составляющих ускорения экономического роста. Но при переходе к наукоемкому этапу главенствующую роль начинает играть качество человеческого потенциала. Поэтому для капиталоемких производственных структур неравномерность оценивается через показатели фондоотдачи, фондоемкости, а при измерении динамики наукоемких систем более важным становится сравнение индекса человеческого развития (ИЧР) обществ.

Показатели эффективности производственной деятельности – производительность труда, продуктивность единицы природных ресурсов, отдача капитала – чрезвычайно важные характеристики не просто неравномерности развития, а неоднородности основополагающих принципов (способа) производства. Как будет показано ниже, несмотря на то что производительность труда в большинстве развивающихся экономик Азии и Африки ниже, чем в развитых странах Европы и Северной Америки, продуктивность единицы природных ресурсов, отдача капитала чаще всего выше или по меньшей мере сравнима с ними.

Совокупная факторная производительность (СФП) – это остаток в модели Солоу, который влияет на выпуск продукции, но не зависит от количества использованных в производстве труда и капитала. По мнению Э. Хелпмана, СФП – «этот необъяснимый остаток» – может рассматриваться как мерилло долгосрочных технологических изменений и может объяснить больше половины

¹⁰ Хелпман Э. Загадка экономического роста / Пер. с англ. М., 2011.

различий в уровне экономического развития стран¹¹. СФП в §1.2 рассматривается как важнейший коэффициент конкурентоспособности при сравнении Китая и развитых государств, а рост данного коэффициента соотнесен с периодом, когда Китай опередил развитые государства.

Экономический рост – это не просто загадка, над которой ломают голову экономисты. Предпринимаются попытки оценить его влияние на благосостояние людей во всем мире, определить почему быстрые темпы роста ВВП не всегда в равной степени увеличивают уровень жизни населения. В связи с этим было введено понятие инклюзивный рост, что означает экономическое развитие, в рамках которого возникают возможности для всех слоев населения, в том числе имеет место справедливое распределение материальным и нематериальным богатствам. Инклюзивность экономического роста предполагает равную доступность всех членов общества к пользованию благами – образованию, медицинскому обслуживанию, полноценным экономическим возможностям и социальной защищенности.

Однако неравномерность в распределении доходов в странах Азии и Африки, несмотря на ее некоторое снижение, остается достаточно высокой. Для измерения социального неравенства используются такие показатели как средняя величина подушевого ВВП – как по номинальным величинам, так и по паритету покупательной способности (ППС), индекс Джини. Здесь хотелось бы отметить, что по мнению многих экономистов, занимающихся развивающимися странами Азии и Африки, сравнение по индексу Джини развитых и развивающихся стран часто не дает репрезентативный результат, это объясняется рядом причин – сложностью корректной выборки, реальной оценкой доходов и, соответственно, разбивкой на доходные группы, большой долей неофициальной экономики в странах Азии и Африки. В то же время с учетом определенных поправок индекс Джини в совокупности с

¹¹ Хелпман Э. Загадка экономического роста / Пер. с англ. М., 2011.

оценками ООН уровня бедности дают вполне корректную картину социального расслоения в этих странах¹².

Циклическая неравномерность экономического роста

Как было отмечено выше, мировая экономика сталкивается не только с пространственной неравномерностью экономического роста, но и с динамической (циклической). Исследуя долгосрочную динамику экономического роста в различных странах, можно выделить периоды ускоренных темпов роста и периоды спадов в темпах. В то же время на этих долгосрочных траекториях видны короткие периоды сбоя в темпах экономического роста. Если первая тенденция объясняется действием различного рода экономических циклов, то вторая – влиянием шоков. Причем шоки могут для экономики быть как внутренними (мировые цены, инфляция, условия международной торговли, финансовые кризисы), так и внешними, ярким примером которых в 2020 г. стала эпидемия COVID-19, но чаще мир сталкивается с политическими или военными шоками.

Из множества экономических циклов Большие циклы Н.Д. Кондратьева, уже целый век будоражат научную мысль, причем с начала XXI в. интерес к ним воспылал с удвоенной силой. На вопрос – что же случилось? – есть однозначный ответ: экономический рост вошел в «инновационную эпоху», когда поступательное движение определяют инновации в «чистом виде».

Н.Д. Кондратьев, выдвинув идею Больших циклов, появление которых, по его мнению, совпало с началом периода современного экономического роста, объяснял их «прогрессом техники (в широком смысле слова, т.е. включая сюда усовершенствование орудий производства, средств сообщения, организации предприятий и т.д.) и связанным с ним (прогрессом) ростом

¹² Human Development Report 2019. Inequalities in Human Development in the 21st Century. Briefing note for countries on the 2019 Human Development Report. UNDP. N.Y. 2019

производительности труда»¹³. По его мнению, Большие циклы – это отклонения от динамического равновесия экономической системы, в которой она бы развивалась не имея внутренних импульсов, в частности, в виде научных открытий¹⁴.

Кондратьевские циклы находили соприкосновение (а впоследствии объяснение) с инновационной теорией Й. Шумпетера¹⁵. Фаза подъема, согласно этой теории, связана с внедрением в экономику научных открытий, после того как их потенциал реализован начинается фаза спада. На спаде в мире идут поиски принципиально новых знаний и технологий, наконец, открытия превращаются в практические разработки, и начинается следующая фаза подъема, или новый цикл.

Динамика экономических показателей свидетельствует, что существует цикл экономической активности длиной 50-55 лет, из них примерно четверть века приходится на фазу подъема и четверть века – на фазу спада¹⁶. Каждый век мировая экономика проходит два полных цикла. На подъеме мы наблюдаем повышенные темпы роста экономики, а на спаде – их сокращение на уровень ниже средних значений.

Большой поклонник Кондратьевских циклов И. Валлерстайн объясняет циклическую неравномерность экономического роста как нарушение равновесия экономической системы. Импульсом к нарушению равновесия могут выступать инновации, которые на определенный период времени создают «квазимонополию», позволяющую продавать инновационные продукты по

¹³ Кондратьев Н.Д. Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров (К вопросу о теории относительной динамики и конъюнктуры) // Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. Кн. 2. М. 1993. С. 246.

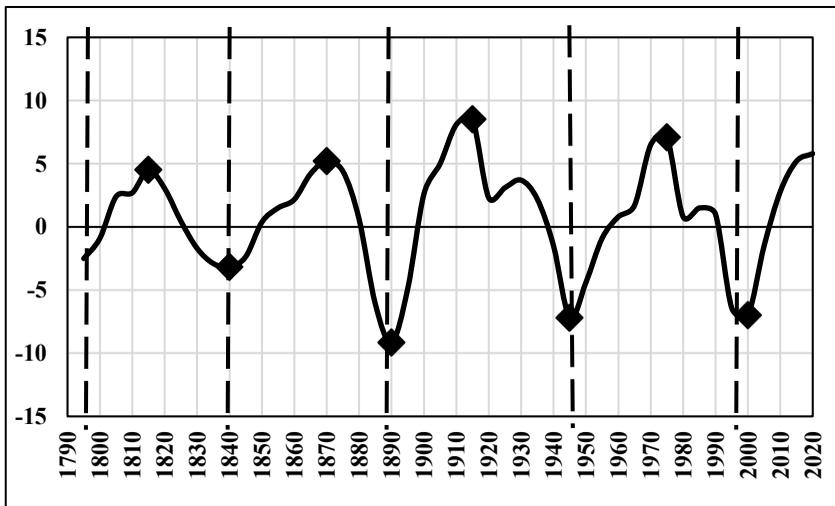
¹⁴ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. «Большие циклы» в агросфере. XX век. Опыт межстранового сравнительно-исторического анализа М.1997.

¹⁵ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. 1982.

¹⁶ Изначально такая длительность цикла была рассчитана Н.Д. Кондратьевым в 1925 г. на основании статистических данных за 1780–1920 гг.

ценам, существенно превышающим производственные затраты. Также он считает, что для сохранения «квазимонополии» крупных фирм или «квази-монополизированных отраслей» помощь может оказывать государство-гегемон, используя свою геополитическую силу¹⁷. Со временем такая искусственная монополия исчезает, инновации начинают широко внедряться, экономика проходит фазу подъема, преимущества инновационного роста заканчиваются, и плавно наступает фаза спада.

Рисунок I-1.1. Большие (Кондратьевские) циклы динамики урожайности зерновых культур в России, 1790–2020 гг.

Источник: Расчеты автора

Именно в последние 20 лет, когда мировая экономика стала входить в наукоемкий этап ТЭР, и доходность научной идеи на рынке опередила по значимости промышленный капитал, создавая

¹⁷ Валлерстайн И. Структурный кризис, или почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? // И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. Сборник статей. М. 2015. С. 26-32.

резкие всплески деловой активности. В результате экономисты вновь обратились к анализу Кондратьевских циклов¹⁸.

Для того, чтобы проиллюстрировать циклическую динамику экономического роста, приведем графические очертания больших (Кондратьевских) циклов, пережитых Россией в 1790–2020 гг. На примере движения урожайности зерновых культур было выделено два больших цикла в XIX в., два – в XX в. и незавершенный цикл – в XXI в., (см. рис. I-1.1). Фазы (подъема и спада) каждого цикла, а также экстремумы (верхний и нижний) представлены в таблице I-1.2.

Таблица I-1.2. Фазы и экстремумы больших (Кондратьевских) циклов урожайности зерновых культур в России в 1790–2020 гг.

Фаза подъема	Верхний экстремум – точка пика большого цикла	Фаза спада	Нижний экстремум – точка дна большого цикла
<i>Первый большой цикл XIX в.</i>			
конец XVIII в. – середина 1810-х гг.	1815 г.	середина 1810-х – начало 1840-х гг.	1840 г.
<i>Второй большой цикл XIX в.</i>			
начало 1840-х – начало 1870-х гг.	1870 г.	начало 1870-х – начало 1890-х гг.	1890 г.
<i>Первый большой цикл XX в.</i>			
начало 1890-х – середина 1910-х гг.	1913 г.	середина 1910-х – конец 1940-х гг.	1947 г.
<i>Второй большой цикл XX в.</i>			
конец 1940-х – начало 1970-х гг.	1975 г.	начало 1970-х – конец 1990-х гг.	1999 г.
<i>Первый большой цикл XXI в.</i>			
конец 1990-х гг. – не завершена			

Источник: Рисунок I-1.1.

¹⁸ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., 2017. С. 116-172.

Один большой цикл представляет собой двухфазную волну, включающую *фазу подъема* – от нижнего экстремума до верхнего экстремума – и *фазу спада* – от верхнего экстремума до следующего нижнего экстремума (см. рис. I-1.1). По результатам графического анализа было доказано, что длина двухфазной волны в России за исследуемые 230 лет составляла 50–55 лет¹⁹.

Следует обратить особое внимание на такое явление циклической динамики урожайности, как компенсационный рост. В России он выделяется на графиках первого и второго большого цикла XX в. (см. рис. I-1.1). В первом большом цикле XX в. компенсационный подъем волны, обусловленный политикой НЭП, пришелся на конец 1920-х гг., а во втором большом цикле XX в. компенсационный подъем был связан с политикой перестройки и зафиксирован на графике в конце 1980-х гг.

Исследуя движение урожайности сельскохозяйственных культур и производительности труда в различных странах Востока и Запада с конца XIX в. до начала XXI в., был получен «единый» Кондратьевский сельскохозяйственный цикл, который включает два полных цикла в XX в. и один незавершенный цикл в XXI в. Однако фазы и экстремумы циклов несколько сдвинуты по временной оси, что объясняется лагом в скорости внедрения новых технологий в сельскохозяйственной производство, например, в развивающихся странах Востока фазы подъема и спада запаздывают примерно на 5–10 лет (см. Приложение к §1.1).

¹⁹ Наиболее полно исследование циклической неравномерности динамики урожайности зерновых культур в России, ее причины и движущие силы см.: Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М. 2009. С. 111-123.

§1.2. Сравнительный анализ важнейших параметров и социальных последствий экономического роста: Китай, другие развивающиеся и развитые страны (1980–2010-е гг.)¹

По Саймону Кузнецу, внесшему огромный вклад в создание концепции, практику измерений, исследование траекторий и факторов *современного экономического роста*, его важнейшими характеристиками являются: существенное увеличение подушевого ВВП (ПВВП), неравномерность динамики и интенсивность сдвигов в структуре его составляющих, инновации, производительность и неравенство распределения доходов². Попробуем, используя эти категории, новые данные и статистические разработки, проанализировать основные тренды и социальные последствия экономического роста Китая – ключевого игрока в мировой экономике в последние сорок лет, – в сравнении с другими развивающимися странами (РС, ДРС) и развитыми государствами (РГ).

Исследуя долгосрочные тенденции (в основном за 1980–2019 гг.), было бы, однако, неразумно недооценивать весомые факторы «текущего момента», в том числе такой мощный ингибитор глобального роста, которым в 2020 г. стала пандемия коронавируса COVID–19. Быстро распространяясь по миру, она, выражаясь метафорически, превратилась из «черного лебедя» Нассима Талеба в подобие «черного дракона», вызвавшего панику и спад на финансовых рынках, частичную дезинтеграцию и резкое повышение неустойчивости мировой экономики.

Вместе с тем, приведя в заключение достаточно жесткие предварительные оценки воздействия COVID–19 на ее состояние

¹ Параграф подготовлен в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

² См.: Kuznets S. *Economic Growth of Nations*. Cambridge (Mass.), 1971.

(собранные автором на этапе завершения рукописи статьи), полагаю, что, судя по уже прилагаемым усилиям, Китай и многие ДРС и РГ в целом справятся с этой напастью. Однако, вне всякого сомнения, пандемия стала мощнейшим триггером глобального экономического кризиса, демографические, финансово-экономические и социально-политические последствия которых эксперты будут еще не раз уточнять.

Оценки дивергенции и конвергенции в мировой экономике

За прошедшее тысячелетие в мире зарегистрировано несколько *волн дивергенций и конвергенций по уровням развития*. Страны Востока и Юга десять веков назад в целом превосходя западные сообщества в *сфере инноваций*, а также по *ПВВП и индексу человеческого развития (ИЧР)* в 1,5–2 раза, к концу прошлого столетия отстали от последних соответственно в 6–6,5 и 2,5–2,8 раза. Но к началу 2020–х гг. сумели сократить оба разрыва примерно до 4-х и 2-х раз³ (см. рис. I-2.1, I-2.2).

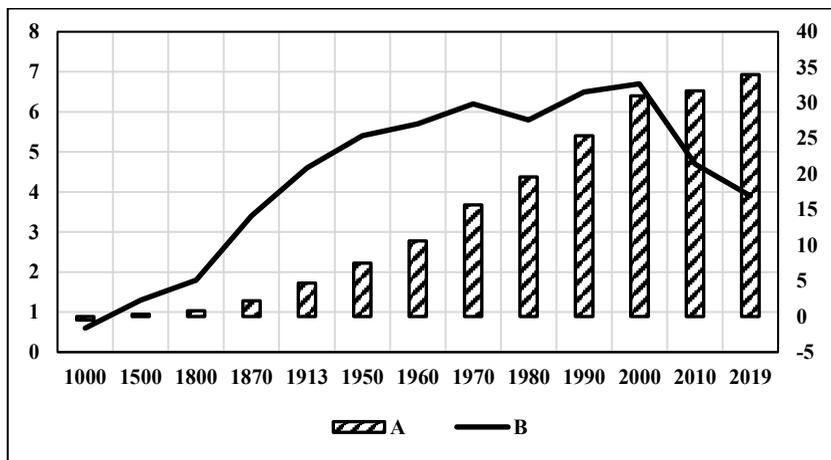
При этом *коэффициент вариации в ПВВП* по 180 странам мира (по которым были сопоставимые данные), выросший в 1980–2000 гг. на 1/10, затем к 2018 г. сократился на 1/5 до 108%⁴, что, однако, по принятым критериям, втрое выше *порога приемлемой дифференциации*. Эта конвергенция в уровнях ПВВП и ИЧР и возникшая в последние десятилетия дивергенция (в пользу РС) в среднегодовых темпах прироста (СГТП) таких показателей, как, например, ПВВП и ВВП (см. рис. I-2.3), вызвана не только *парадоксом Солоу* (торможением динамики ВВП и производительности в РГ в условиях НТП), но и масштабным экономическим

³ Заметим, справедливости ради, что *абсолютный разрыв* в средних уровнях ПВВП между группой РГ и РС продолжал (правда, меньшими темпами) расти даже в 2000–2010–е гг., несмотря на сокращение его *относительного разрыва* (см. рис. I-2.1).

⁴ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1.

подъемом ряда РС, прежде всего Китая, эволюцию которого целесообразно проанализировать на фоне ДРС и РГ⁵.

Рисунок I–2.1. Динамика абсолютного (А) и относительного (В) разрывов по ВВП в расчете на душу населения между ныне развитыми и развивающимися странами

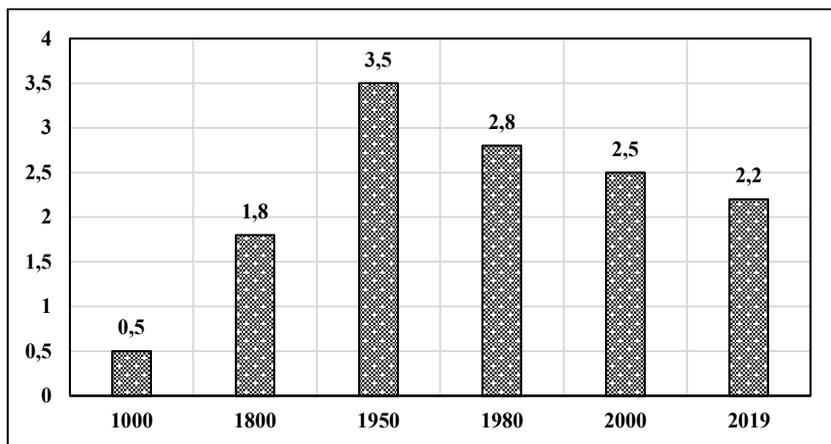
Источник: Data Bank. World Development Indicators. <https://data-bank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed 04.03.2020); IMF. World Economic Outlook, 2019. October. Washington, D.C. 2019. P. 126, 147; The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C. 2020, January. P. 4; Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris. 2003. P. 164, 174, 232–233; Мельянцеv В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е гг.). М. 2019. С. 13.

Примечание:

А – Абсолютный разрыв (правая шкала) измерен в тыс. долл. по ППС 2011 г.
 В – Относительный разрыв (левая шкала) – кратное от деления показателя по развитым государствам на показатель по развивающимся странам.

⁵ Мельянцеv В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е гг.). М. 2019. С. 23–56.

Рисунок I–2.2. Динамика относительного разрыва по индексу человеческого развития (ИЧР) между ныне развитыми и развивающимися странами, 1000–2019 гг.

Источник: См. источники к рис. I-21.1; UNDP.Data (<http://hdr.undp.org>).

Примечание.

1. Индекс человеческого развития – среднее геометрическое невзвешенное показателей душевого ВВП в ППС, среднего числа лет обучения взрослого населения и средней продолжительности ожидаемой жизни (от рождения), отнесенных к уровню развитых государств в 2019 г.
2. Относительный разрыв – рассчитан так же, как и в рис. I-2.1.

Основные тренды и детерминанты экономического роста

КНР за последние четыре десятилетия, (1) проведя примерно на порядок *больше экономических реформ*, чем в среднем какая-либо другая развивающаяся или развитая страна, (2) повысив, как минимум, в 1,5–2 раза (к уровню РГ) *эффективность госуправления*, (3) вдвое увеличив *долю вложений в ВВП в физический и человеческий капитал* (она выше на 2/3, чем в ДРС и на 1/4, чем в РГ), (4) резко продвинувшись в *использовании зарубежных и своих инноваций*, (5) подняв *уровень стратегической (но контролируемой по финансам) открытости и глобализации своей экономики*

втрое (в целом по ДРС он вырос на 2/5, в РГ – на 1/3)⁶, (6) максимально используя во многом созданный ею же *демографический дивиденд*, сумела, даже *по скорректированным оценкам*, обеспечить весьма высокий СГТП ПВВП (5,7–5,9%)⁷.

Рисунок I–2.3. Развитые государства (РГ) и развивающиеся страны (РС), 1961–2019 гг.: коэволюция темпов прироста ВВП, %

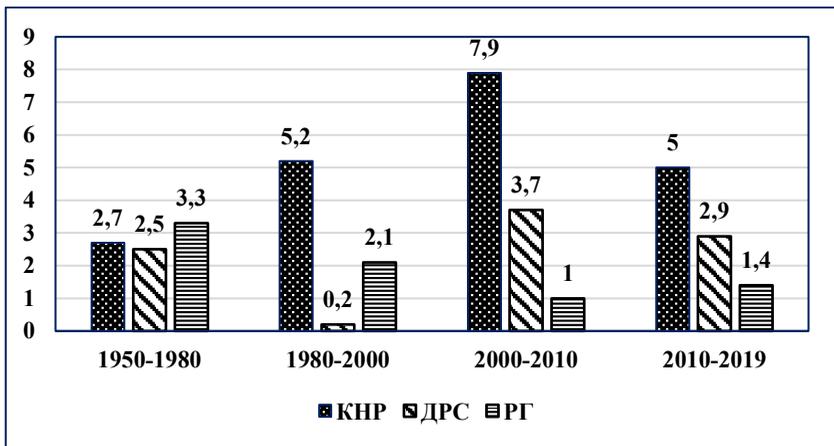
Источник: См. источники к рис. I-2.1.

⁶ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1, а также: The KOF Globalisation Index. <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed 31.01.2020); The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports> (accessed 28.01.2020).

⁷ Судя по ряду новейших исследований, официальный показатель СГТП ВВП превышен не только по Китаю (в 1980–2000 гг. и 2000–2019 гг. соответственно примерно на 3 и 2 проц. пункта), но, согласно расчетам известного индийско-американского экономиста Арвинда Субраманьяна, также и по Индии (в 2010- е гг. более чем на 2 проц. пункта). См.: Мельянцеv В.А. КНР и США, кто кого: сравнение основных параметров экономического развития // Азия и Африка сегодня. 2019, № 8. С. 6; Chen W., Chen X., Hsieh C., Song Z. A Forensic Examination of China’s National Accounts // Brookings Papers on Economic Activity. BPEA Conference Drafts. 2019, March (<https://www.brookings.edu/bpea-articles/a-forensic-examination-of-chinas-national-accounts/>). P. 46, 49; Findlay St. India Predicts Economic Growth Will Rebound from Five-Year Low // The Financial Times. 04.07.2019. <https://www.ft.com/content/a7e3cfba-9e3d-11e9-9c06-a4640c9fceb8> (accessed 04.07.2019).

Он, хотя и колебался по подпериодам (см. рис. I-2.5), в среднем за 1980–2019 гг. оказался вдвое больше, чем в 1950–1970-е гг., втрое – чем в последние сорок лет в целом и по ДРС и РГ (1,6–1,7%), и не ниже, чем в среднем по группе новых индустриальных стран (НИС) в период их экономического рывка (см. рис. I-2.4).

Рисунок I-2.4. КНР, ДРС и РГ, 1950–2019 гг.: среднегодовой темп прироста подушевого ВВП, %

Источник: См. Источники к рис. I-2.1; Chen W., Chen X., Hsieh C., Song Z. A Forensic Examination of China's National Accounts // Brookings Papers on Economic Activity. BPEA Conference Drafts. 2019, March (<https://www.brookings.edu/bpea-articles/a-forensic-examination-of-chinas-national-accounts/>). P. 46, 49.

Примечания.

1. ДРС – другие развивающиеся страны, РГ – развитые государства.
2. По Китаю – наши расчеты по скорректированным данным китайских и западных экономистов.

В результате, доля КНР в приросте мирового ВВП выросла с 1/6 в 1980–2000 гг. до 1/3 в 2000–2010-е гг., составив 4/5 от соответствующей доли ДРС и на 1/4 превысив ее по РГ. Если уровень ПВВП в целом по ДРС к РГ в 1980–2019 гг. не изменился (1/5), то по Китаю он вырос в пять раз – почти до 2/5. По объему ВВП

в ППС 2018 г. Китай, в 1980 г. не превышавший 26–27% от США, в 2019 г. превзошел их более чем на $\frac{1}{4}$ ⁸.

Экономический рывок Китая, как отмечалось, следствие многих факторов. Весьма важны *ключевые характеристики исходного уровня развития*. Британский философ Бертран Рассел, объясняя феноменальный успех первой азиатской страны, ставшей развитой, – Японии, подчеркивал, что она «была экономически, но никогда не была культурно отсталой страной». Япония в 1870–1890 гг., отставая по показателю подушевого ВВП в среднем втрое–вчетверо от ведущей пятерки западных стран⁹, по уровню развития человеческого потенциала¹⁰ достигала $\frac{3}{4}$ от их средней «планки»¹¹. Этот фактор способствовал эффективному использованию «преимуществ отсталости» (по Александру Гершенкуну¹²), в т.ч. через продуктивное заимствование и имитацию инноваций более продвинутых стран.

Китай к началу своих реформ, при всех сбоях и перекосах в развитии на протяжении предыдущих трех десятилетий своего существования, увеличил подушевой ВВП в 2–2,5 раза, среднюю продолжительность ожидаемой жизни от рождения ~ вдвое до 66–67 лет, долю грамотных среди взрослого населения ~ втрое до $\frac{2}{3}$ и среднего числа лет его обучения – в 2,5–3 раза до 4,5–5 лет. К концу 1970–х гг. он располагал огромной массой сравнительно более дешевой, дисциплинированной и примерно в полтора раза

⁸ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1, I-2.5.

⁹ Великобритания, США, Франция, Германия и Италия.

¹⁰ Здесь взят как среднее невзвешенное двух показателей (числа лет обучения взрослого населения и средней продолжительности ожидаемой жизни от рождения), отнесенных к соответствующим средним показателям по приведенным выше странам Запада.

¹¹ Рассчитано по: Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М. 1996. С. 145.

¹² Автор этой концепции – профессор Гарвардского университета.

более квалифицированной, чем в основной группе ДРС, рабочей силой¹³. Это для него стало существенным конкурентным преимуществом при рыночной трансформации и глобализации экономики.

Китай, что бы там ни говорили его критики¹⁴, создал крупнейшую для небогатой страны финансовую систему¹⁵. Уровень *финансовой глубины* его экономики¹⁶, выросший в последние четыре десятилетия примерно в пять раз, в 2018 г. (265% ВВП) оказался вдвое выше, чем в среднем по Индии, Бразилии и России (134%) и примерно соответствовал среднему уровню по Германии, США и Японии (267%), подушевой ВВП которых почти втрое больше, чем у Китая¹⁷.

¹³ См.: Мельянцева В.А. Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000 – е гг.). М. 2009. С. 206; Jin K. China's 70 Years of Progress // The Project–Syndicate. 30.09.2019. <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-70th-anniversary-celebration-agenda-ahead-by-keyu-jin-2019-09> (accessed 30.09.2019).

¹⁴ См. подробнее: Xu G., Gui B. From Financial Repression to Financial Crisis? // Asian Pacific Economic Literature. 2019, vol. 33, N 1. P. 48–52. doi: 10.1111/apel.12249.

¹⁵ Китайская финансовая система находится под сильным контролем государства и сравнительно мало (что в нынешних условиях – плюс) глобализована. Доля иностранной собственности в совокупной стоимости активов китайских банков, рынка акций и облигаций, занимавших по своим масштабам в 2018 г. соответственно 1–е, 2–е и 3–е места в мире, не превышала в целом 6%, что намного меньше, чем, например, в США (соответственно по банкам 13%, по акциям 22 и облигациям 41%). См.: Woetzel J., Seong J., Leung N., Manyika J., Madgavkar A., Ngai J., Lund S., Mironenko A. Reimagining Global Ties: How China and the World Can Win Together. McKinsey&Company. N.Y.2018. P. 10; Woetzel J., Seong J., Leung N., Manyika J., Madgavkar A., Ngai J., Lund S., Mironenko A. China and the World Inside the Dynamics of a Changing Relationship. N.Y.: McKinsey Global Institute. 2019. P. 2.

¹⁶ Сумма показателей внутренних кредитов, выданных финансовой системой страны всем секторам и субъектам ее экономики, и рыночной капитализации компаний, зарегистрированных в стране, отнесенных к ВВП.

¹⁷ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1, а также: The WEF. Global Competitiveness Report, 2019. Geneva. P. 113, 157, 241, 281, 309, 485, 585.

Он в результате сумел обеспечить беспрецедентно высокую и растущую *долю валовых внутренних сбережений в ВВП*¹⁸. Составляя в 1960–1970–е гг. около 1/3 его объема, она в начале 2000–х годов превысила 2/5 и в течение последнего десятилетия достигала около половины ВВП, что вдвое больше, чем в среднем по ДРС¹⁹. По *доле чистых скорректированных сбережений в ВНД*²⁰ в 2015–2017 гг. Китай (20–21%) превосходил в среднем на 3/5 ДРС (12–13%) и в 2,4 раза – РГ (8–9%)²¹.

Внешикономические факторы сыграли важную роль в экономическом прогрессе Китая. При всех имевшихся флуктуациях, *средняя доля притока ПИИ в ВВП* КНР в 1990–2010–е гг. (около 3%) оказалась в полтора раза выше, чем в целом по ДРС²².

Китай, у которого в дореформенный период *доля экспорта товаров и услуг* в его ВВП не превышала в среднем 3%–4%, сумел, опираясь на собственные компании и филиалы многочисленных зарубежных ТНК²³, ее увеличить к моменту его вступления в ВТО

¹⁸ Высокая склонность китайского населения к сбережению определялась как особенностями национального менталитета, так и отсутствием в течение длительного времени сколько–нибудь развитой системы социального, в т.ч. пенсионного обеспечения, а также ограничением числа возможных кормильцев в старости вследствие реализации с конца 1970–х по середину 2010–х гг. политики «одна семья – один ребенок».

¹⁹ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1.

²⁰ Показатель сбережений в валовом национальном доходе с учетом инвестиций в основной и человеческий капитал (расходов на образование) за вычетом амортизации капитала и истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения.

²¹ Составлено и рассчитано по: The UNDP. Human Development Report, 2019. N.Y. 2019. P. 344–346.

²² Рассчитано по источникам к рис. I-2.1.

²³ Число транснациональных китайских фирм выросло в 2010–2018 гг. более чем втрое до 37 тыс. В 2018 г. Global Fortune 500 включал 110 фирм из КНР и Гонконга (для ср: 126 фирм из США). Общее число иностранных предприятий, работающих в Китае, увеличилось с 203 тыс. в 2000 г. до 540 тыс. в 2017 г. Доля иностранных и совместных предприятий в китайском экспорте достигала в 2015–2018 гг. 2/5. См.: Woetzel J., Seong J., Leung N., Manyika J., Madgavkar A.,

(в 2001 г.) в 6 раз (до 20%), затем почти удвоив ее накануне мирового финансового кризиса конца 2000–х годов (36%)²⁴. Китай стал крупнейшим источником импорта товаров и услуг для трети стран мира²⁵. Коэффициент экономической сложности его экспорта²⁶ в 1995–2017 гг. вырос более чем вчетверо, и по его значению Китай переместился с 51-го на 18-е место в мире, опередив многие РГ (всего в рейтинге 133 страны)²⁷.

По нашим расчетам, выполненным за 2000–2010–е гг. по нижеприведенной модели, опережение Китаем РГ по СГТП ПВВП (6,5%:1,2%) было вызвано примерно на 2/5 «преимуществом отсталости» (более низким уровнем ПВВП в 2000 г., 5,8:40,8 тыс. долл. США по ППС 2018 г.), на 1/3 – более высоким значением у него (по сравнению с РГ) средней за период доли капиталовложений в ВВП (38%:22,5%²⁸) и на 1/4 – более высоким СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (соответственно 12,2%:3,7%).

Lund S., Mironenko A. Reimagining Global Ties: How China and the World Can Win Together. McKinsey&Company. N.Y. 2018. P. 7; Woetzel J., Seong J., Leung N., Manyika J., Madgavkar A., Ngai J., Lund S., Mironenko A. China and the World: Inside the Dynamics of Changing Relationship. McKinsey Global Institute. N.Y. 2019. P. 2–3, 118.

²⁴ Впоследствии, к концу 2010–х годов, ввиду ограничения мирового спроса и действия американских торговых санкций, этот показатель вернулся на отметку двадцатилетней давности (19–20%). Тем не менее, он более чем в полтора раза превышал уровень второй экономики мира – США (12–13%).

²⁵ См.: Woetzel J., Seong J., Leung N., Manyika J., Madgavkar A., Ngai J., Lund S., Mironenko A. China and the World: Inside the Dynamics of Changing Relationship. McKinsey Global Institute. N.Y. 2019. P. 2.

²⁶ Разработан гарвардским профессором Рикардо Хаусманном.

²⁷ Составлено и рассчитано по: источникам к рис. I-2.1, а также: Country Complexity Rankings. <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings/2017?country=> (accessed 24.01.2020).

²⁸ Без учета изменения запасов.

$$\begin{aligned} \text{GRY/Pi} &= -0,000066 * \text{Y/Poi} + 0,12 * \text{mPKi} + 0,16 * \text{GRXi} \\ (\text{p} &= 0,00036) \quad (\text{p} = 0,0005) \quad (\text{p} = 0,0031) \\ \text{R}^2 \text{adj.} &= 0,89, \quad \text{N} = 20, \quad \text{T} = 2000\text{--}2010\text{-е гг.} \end{aligned}$$

Источник: Рассчитано по источникам к рис. I-2.1.

Примечания.

1. **GRY/Pi**, **GRXi** – среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП и физического объема экспорта товаров и услуг в стране **i** (%); **Y/Poi** – исходный уровень подушевого ВВП (\$ в ППС 2011 г.); **mPKi** – средняя за период доля капиталовложений в ВВП (%).
2. Расчеты выполнены по 20 наиболее крупным развитым и развивающимся странам. Все параметры статистически значимы. Скорректированный коэффициент детерминации достаточно высок (вариации зависимой переменной почти на 9/10 могут быть объяснены вариациями трех регрессоров).

Опережение Китаем ДРС по СГТП ПВВП за тот же период (6,5%:3,3%) объяснялось примерно на 3/5 более высокой у него средней доли капвложений в ВВП (38%:21,5%) и на 2/5 – более высоким у него СГТП экспорта (соответственно 12,2%:4%)²⁹.

Человеческий потенциал, инновации, производительность

Преодоление Китаем своего отставания от РГ по уровню ПВВП (составлявшего в 1950–1980 г. 11–13 раз, в 2000 г. – 7, в 2019 г. – 2,7 раза) в немалой мере связано с прогрессом в развитии человеческого потенциала и инноваций. Китай сравнительно быстро подтягивается к РГ по *показателю среднего числа редуцированных лет обучения взрослого населения* – с 1/6 в 1950 г. до более 1/3 в 1980 г. и 1/2 в 2019 г. (9,3:18,5 лет)³⁰. По нашим расчетам, основанным на данных о достигнутом количественном и качественном уровне образования населения в возрасте 25–54 лет, Китай в 2015–2018 гг. отставал от РГ (среднее по Германии, Японии

²⁹ Фактор «преимущества отсталости» не играл роли, так как в 2000 г. ПВВП Китая и ДРС были весьма близки.

³⁰ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1, I-2.2, I-2.5.

и США) на 2/5, но на 2/3 перегонял ряд ДРС (среднее взвешенное по Индии, Индонезии, Турции, Египту, Нигерии и Бразилии)³¹.

По показателю *доли расходов на НИОКР в ВВП* в 2016–2018 гг. Китай (2,1%), превывсив на $\frac{3}{4}$ средний индикатор по ДРС (1,2%), достиг 4/5 от уровня РГ (2,6%), а по *их абсолютному объему* (в ППС), более чем в 10 раз обогнав РФ, достиг 9/10 от уровня США. Китай, за последние два–три десятилетия резко увеличив выпуск научных статей, а также патентов на изобретения, в т.ч. с весомым импакт-фактором, сильно продвинулся вперед во многих областях науки и в инновационной сфере³².

Поскольку в Китае в 2013–2018 гг. СГТП его парка *промышленных роботов* (ПР, 37%) был почти втрое выше, чем в целом по миру (13%), его доля в общем числе действующих в мире ПР выросла с 1/10 до более $\frac{1}{4}$. Если в 2010 г. в Китае число ПР в расчете на 10 тыс. занятых в обрабатывающей промышленности было втрое меньше, чем в среднем по миру, то в 2018 г. он уже на 2/5 превышал общемировую показатель (хотя все еще вдвое–втрое отставал от РГ, см. рис. I-2.5).

Китай в 2010-е гг. стал активно конкурировать с США по производству суперкомпьютеров (СК). В течение пяти лет (до 2018 г.) он обладал наиболее производительным СК в мире. Несмотря на то, что в конце 2019 г. *самый мощный суперкомпьютер* КНР (93 петафлопса³³, мировой рейтинг №3) более чем на треть уступал по производительности своему аналогу в США

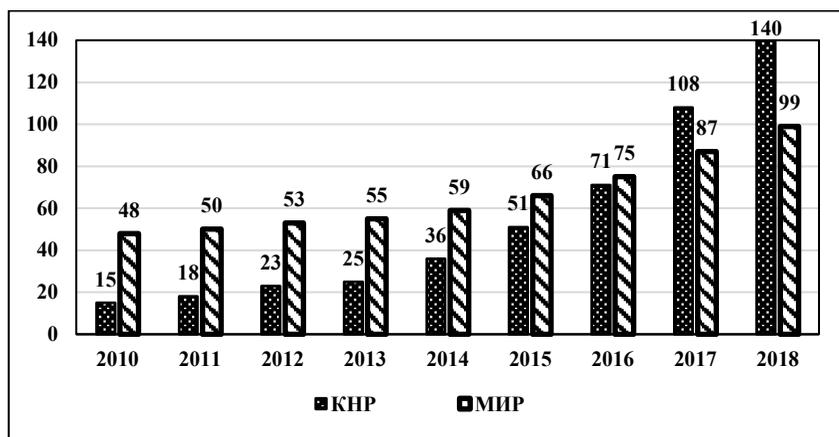
³¹ Рассчитано по: The World Economic Forum. The Global Human Capital Report, 2017. Geneva, 2017. URL: <https://weforum.ent.box.com/s/dari4dktg4jt2g9xo2o5pksjpatvawdb>. P. 71, 80, 90, 98, 107, 108, 114, 146, 177, 182; The World Bank. Human Capital Index. URL: https://data-bank.worldbank.org/data/download/hci/HCI_2pager_CHN.pdf (accessed 09.03.2020).

³² См.: Мельянцева В.А. КНР и США, кто кого: сравнение основных параметров экономического развития // Азия и Африка сегодня. 2019, № 8. С. 7–9.

³³ Петафлопс – квадриллион операций в секунду.

(148,6 петафлопса, мировой рейтинг № 1), по их общему числу из Top–500, которое в КНР в 2001–2019 гг. выросло в 76 раз (!) до 228 штук, КНР стала примерно вдвое превосходить США³⁴, заняв с 2017 г. первое место в мире³⁵.

Рисунок I-2.5. Число промышленных роботов в расчете на 10 тыс. занятых в обрабатывающей промышленности, 2010–2018 гг., шт.

Источник: IFR. World Robotics, 2019. Industrial Robots. Executive Summary. Shanghai, 2019. <https://ifr.org/downloads/press2018/IFR%20World%20Robotics%20Presentation%20-%202018%20Sept%202019.pdf> (accessed 24.01.2020).

Ныне между двумя странами развернулась борьба за лидерство в производстве и освоении СК нового поколения с быстрой скоростью, превышающим 1 эксафлопс (квинтиллион или миллиард миллиардов операций в секунду). Они могут позволить, в частности, намного эффективней моделировать климатические и

³⁴ В последних их число в Top–500 в 2006–2019 гг. сократилось более чем в 2,6 раза до 117 штук

³⁵ Составлено и рассчитано по: Top 500. <https://www.top500.org/> (accessed 19.01.2020).

космические явления, генетические закономерности, а также ядерные взрывы³⁶.

Китай добился впечатляющего прогресса в развитии индустрии, быстро развивая e-commerce, пятое поколение мобильной связи. По охвату населения широкополосным интернетом он, в 2010 г. отставая от РФ в среднем почти втрое (9,2%:24,7%), в 2018 г., в пять раз превысив среднюю планку по ДРС (5,7%), достиг 9/10 от показателя РФ (28,5%:31,6%). По уровню развития ИКТ Китай в 2019 г. занял 18-е место среди 141 страны (что намного выше его рейтинга (№ 28) по глобальной конкурентоспособности), а по инновационному индексу вышел на 14-е место (среди 129 стран), опередив ряд РФ³⁷.

Вышеперечисленные достижения обусловили то, что в Китае СГТП производительности труда увеличился по сравнению с дореформенным периодом втрое до 5,2–5,8%. Ее вклад в прирост ВВП вырос почти вдвое – с 2/5 в 1950–1980 гг. до 3/4 в 1980–2019 гг.³⁸.

В Китае более чем вдвое увеличилась интенсивность сдвигов в макроотраслевой структуре занятости³⁹ – с 0,7% в 1952–1978 гг. до 1,5% в 1978–2019 гг.⁴⁰ – за счет ее перемещения

³⁶ Waters R. How the US and China Are Calculating on Supercomputer Dominance // The Financial Times. 06.03.2020. <https://www.ft.com/content/ad9b2c28-5efe-11ea-b0ab-339c2307bcd4> (accessed 06.03.2020).

³⁷ Составлено и рассчитано по источникам к рис. I-2.1, а также: The WEF. The Global Competitiveness Report, 2019. Geneva, 2019. P. 155–156; Cornell University, INSEAD, and WIPO. Global Innovation Index 2019. Geneva, 2019. P. XXXIV–XXXV.

³⁸ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1, I-2.5, I-2.8.

³⁹ Интенсивность сдвигов в структуре занятости (J) рассчитана по следующей формуле:

$$J = \left\{ \left[\left(100 + \sum_{i=1}^n |A_{it} - A_{i0}| \right) / 100 \right]^{1/\Delta t} - 1 \right\} * 100, \%$$

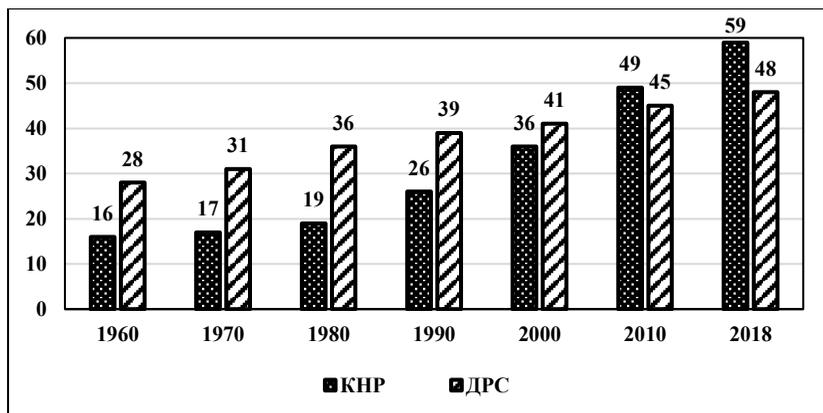
где A_i – доля сектора i в занятости в проц. пунктах в начальном или конечном моментах периода (0, t), n – число секторов (в данном случае – три: аграрный, индустриальный, третичный).

⁴⁰ Подчеркнем, интенсивность этих структурных изменений в Китае оказалась почти в полтора раза выше, чем в ДРС в 1980–2015 гг. Рассчитано по источникам к рис. I-2.1, а также: Мельянцева В.А., Матюнина Л.Х. Очерки

из аграрного сектора в несельскохозяйственный (доля последнего в ее структуре выросла с примерно 1/6 в 1952 г. до менее 1/3 в 1978 г. и почти 3/4 в 2019 г.⁴¹).

Об этом также свидетельствует и быстрый рост урбанизации в Китае (в 1980–2018 гг. с 19 до 59%; в 1952–1980 гг. всего на 6 % – с 13 до 19%, см. рис. 6)⁴².

Рисунок I-2.6. КНР и ДРС, 1960–2018 гг.: динамика доли городского населения, %

Источник: См. источники к рис. I-2.1.

По нашим подсчетам, в КНР сдвиги в структуре занятости в пользу более продуктивных отраслей обеспечили в 1950–1970-е гг. 1/2 прироста производительности труда и 1/5 – увеличения ВВП, в 1980–2010-е гг. соответственно 1/3 и 1/4 и в целом

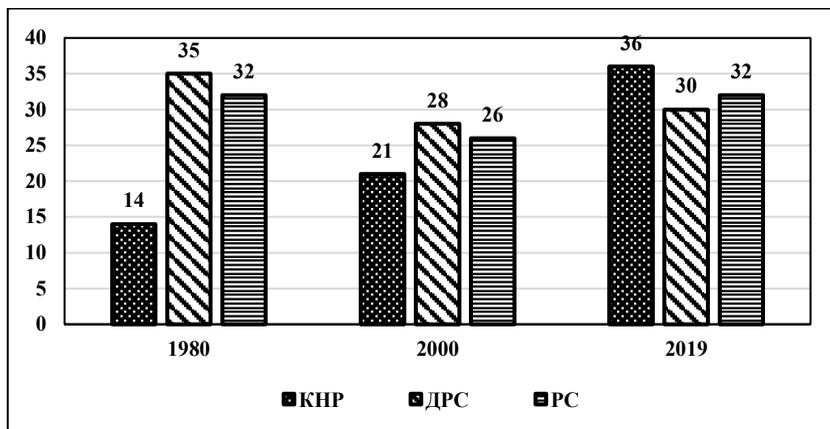
макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е гг.). М. 2019. С. 38.

⁴¹ В 1980–2010-е гг. производительность труда в несельскохозяйственном секторе КНР была в 5–7 раз выше, чем в аграрной сфере. Составлено и рассчитано по источникам к рис. I-2.1, а также: Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris. 1998. P. 171–172.

⁴² Составлено и рассчитано по данным рис. I-2.6, а также: Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris. 1998. P. 77.

примерно треть величины ускорения СГТП ВВП в последние со-
рок лет по сравнению с дореформенным периодом развития КНР⁴³.

Рисунок I-2.7. Динамика уровня совокупной факторной
производительности (СФП, % от развитых государств),
1980–2019 гг.

Источник: См. источники к рис. I-2.1, I-2.2, I-2.5, а также: Мельянцев В.А. Раз-
вившиеся и развивающиеся страны в эпоху перемен. М. 2009. С. 208–209, 182–183;
The Conference Board. Productivity Brief 2019. Washington, D.C. 2019.
https://www.conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TED_ProductivityBrief_20191.pdf&type=subsite (accessed 22.01.2020). P. 9, 17–19.

Примечание. Рассчитано по следующей формуле:
 $\text{TFP}_{ct}/\text{TFP}_{ut} = (Y_{ct}/(L_{ct}^{0.65} * K_{ct}^{0.35})) / (Y_{ut}/(L_{ut}^{0.65} * K_{ut}^{0.35}))$, где TFP_{ct} и TFP_{ut} , Y_{ct} и

⁴³ Расчеты произведены по источникам к рис. I-2.1 и I-2.5 с использованием сле-
дующей формулы:

$$\Delta Y/L = \sum_{i=1}^n \Delta \left(\frac{Y_i}{L_i} \right) * Li_0/L_0 + \sum_{i=1}^n \Delta \left(\frac{L_i}{L} \right) * (Y_{i0}/L_{i0}) + \sum_{i=1}^n \Delta \left(\frac{Y_i}{L_i} \right) * \Delta \left(\frac{L_i}{L} \right)$$

где Y/L , Y_i/L_i , Y_{i0}/L_{i0} – производительность труда, в т.ч. в i -й отрасли и в базо-
вом периоде; L_i/L , L_{i0}/L_0 – доля i -й отрасли в совокупной занятости, в т.ч. в базо-
вом периоде. Рост производительности труда декомпозируется на три эф-
фекта: рост производительности труда по отраслям экономики, межотраслевого
перемещения занятости, совместный эффект роста производительности и меж-
отраслевого перемещения занятости.

$Y_{\text{ит}}$, $L_{\text{ет}}$ и $L_{\text{ит}}$, $K_{\text{ет}}$ и $K_{\text{ит}}$ – соответственно средние уровни СФП, ВВП, объемов занятости и основного капитала в РС, в т.ч. КНР и ДРС, а также в среднем по развитым государствам в рассматриваемый год.

Повышение в Китае СГТП *совокупной факторной производительности (СФП)* с 0,1% в 1950–1980 гг. до 1,9% в 1980–2019 гг. означало, что (а) он по этому важнейшему параметру международной конкурентоспособности опередил РГ (1,1%) в среднем почти на 3/4, а ДРС (в целом 0,7–0,8%) – в 2,5 раза; (б) увеличение СГТП китайского ВВП в постреформенный период (прежде всего в 1980–2000-е гг.) определялось не возросшей динамикой затрат труда и физического капитала, а повышением *вклада в его прирост СФП*. Этот вклад в целом в последние сорок лет (в среднем около 1/3), хотя и уступал РГ (1/2), но был на 3/5 выше, чем по группе ДРС (1/5). При этом, если в последних в целом в рассматриваемый период не обнаружилась тенденция к сокращению разрыва в уровне СФП с РГ, то в Китае на фоне замедления СГТП СФП в последних (с 2,6% в 1950–1980 гг. до 1,6% в 1980–2000 гг. и 0,6% в 2000–2019 гг.) его относительный уровень СФП к РГ вырос почти в 2,5 раза (см. рис. I-2.7)⁴⁴.

Финансовые, экологические и социальные проблемы роста

Однако, с конца 2000-х гг., вследствие (а) ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры, связанного с мировым финансовым кризисом (МФК) 2008–2009 гг. и его последствиями, частичной деглобализацией мировой экономики, усилением протекционизма (в т.ч. применением режима внешнеторговых санкций США против КНР); (б) исчерпания в Китае *демографического дивиденда*, многих экстенсивных и ряда наиболее «легких» из интенсивных источников роста⁴⁵, (в) принятия правительством КНР

⁴⁴ Рассчитано по данным и источникам к рис. I-2.8.

⁴⁵ В Китае происходит быстрое старение населения. В 2017 г. *медианный возраст его населения*, превысив показатель по Нигерии (17–18 лет) вдвое, по Индии и Индонезии (27–28 лет) более чем на треть и в Бразилии и Турции (30–31 год) – на 1/5, практически сравнялся с США (37–38 лет), отставая при этом от

ряда *спорных экономических решений* (в том числе по массовой накачке дешевыми кредитами госпредприятий и сокращения доступа к ним частного сектора⁴⁶), в Китае произошло заметное ухудшение ряда параметров макроэкономической результативности.

В КНР, ставшей в постреформенный период весьма зависимой от внешнеэкономических связей, с конца 2000-х по конец 2010-х гг. индекс экономической глобализации снизился примерно на 1/5⁴⁷, экспортная квота в ВВП уменьшилась, как минимум, вдвое до 16–18%. Чистый экспорт товаров и услуг (в % от ВВП) сократился в 10–12 раз, приблизившись к нулевой отметке, а СГТП физического объема экспорта, возросший с 6,4% в 1952–1978 гг. до 14,8% в 1978–2000 гг. и 22,5% в 2000–2007 гг., затем уменьшился до 7,5% в 2007–2012 гг., менее 4% в 2012–2019 гг. В результате нарушения воспроизводственных процессов, вызванных последствиями распространения в Китае и других странах

последних по ПВВП более чем втрое. СГТП *численности рабочей силы* в Китае снизился с 1,4% в 1990–2000 гг. до 0,5% в 2000–2010 гг., 0,3% в 2010–2017 гг. и (–)0,3% в 2018–2019 гг. Вследствие многократного роста зарплат, увеличились *трудоовые издержки*, сделавшие китайскую рабочую силу, несмотря на повышение уровня ее квалификации, в целом менее конкурентоспособной. В результате активизировался процесс переноса трудоинтенсивных бизнесов из Китая в страны ЮВА и Южной Азии. Произошло также *снижение интенсивности перемещения рабочей силы* из аграрного в другие сектора экономики, игравшего в прошлом немалую роль в увеличении производительности труда. Составлено и рассчитано по источникам к рис. I-2.1, а также: The World Economic Forum. The Global Human Capital Report, 2017. Geneva. 2017. <https://weforum.ent.box.com/s/dari4dktg4jt2g9xo2o5pksjpatvawdb> . P. 71, 80, 107, 108, 146, 177, 182.

⁴⁶ В Китае *доля в общем объеме выданных кредитов частного сектора*, в котором эффективность капиталовложений примерно вдвое выше, чем в государственном, сократилась с 1/2 в начале 2010-х гг. до 1/4 в конце десятилетия. См.: Mitchell T., Liu X. China's Private Sector Struggles for Funding as Growth Slows // The Financial Times. 21.10.2019. <https://www.ft.com/content/56771148-1d1c-11e9-b126-46fc3ad87c65> (accessed 21.10.2019).

⁴⁷ Рассчитано по: The KOF Globalisation Index. <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed 31.01.2020).

коронавируса, его экспорт в долларовом исчислении в первые два месяца 2020 г. (к аналогичному периоду 2019 г.), по предварительным оценкам, уменьшился на $1/6$ ⁴⁸.

В 2010-е гг. произошло существенное снижение темпов прироста китайского ВВП. По ряду оценок, СГТП китайского ВВП в 2010–2019 гг. был на 1,5–2 проц. пункта ниже официального и составил 5–6%, в т.ч. в 2016–2019 гг. примерно 4%⁴⁹. Коэффициент предельной капиталоемкости роста ВВП вырос более чем на $3/5$ – с 5,4 в 2001–2010 гг. до 8,9 в 2011–2019 гг.⁵⁰, оказавшись, хотя и меньше на $1/5$, чем в среднем по РГ (10,6), но почти в полтора раза больше, чем в целом по ДРС (6,1)⁵¹.

СГТП СФП Китая, сократившийся на $1/3$ – с 2,3% в 1980–2000 гг. до 1,5% в 2000–2010-е гг. (в среднем по РГ – на $3/5$ до 0,6%), оставаясь в целом за этот период выше в полтора раза, чем в среднем по ДРС (1,0%) и в 2,5 раза – чем в целом по РГ, продолжал в тенденции снижаться: с 1,9% в 2000–2010 гг. до примерно

⁴⁸ Составлено и рассчитано по источникам к рис. I-2.1, а также: Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris. 1998. P. 56; Wong S.–L. China Exports Plummet by 17% as Coronavirus Takes Its Toll // The Financial Times. 07.03.2020. <https://www.ft.com/content/248396a6-5f89-11ea-b0ab-339c2307bcd4> (accessed .07.03.2020).

⁴⁹ Встречаются и более жесткие оценки роста китайской экономики за последние пять лет – до 2–3% в год. См.: Лянь Хуа. Новым данным по росту ВВП Китая никто не верит. 20.01.2016. <http://inosmi.ru/economic/20160120/235108703.html> (accessed 20.01.2016); Pettis M. China's Growth Miracle Has Run Out of Steam // The Financial Times. 2017.11.19. <https://www.ft.com/content/cb6bbf84-cb8e-11e7-ab18-7a9fb7d6163e> (accessed 19.11.2017); Wildau G., Fleming S. Nervous Markets: How Vulnerable Is China's Economy? // The Financial Times. 04.01.2019. <https://www.ft.com/content/5839f5dc-0fdd-11e9-a3aa-118c761d2745> (accessed 04.01.2019).

⁵⁰ В Китае в 2010–е гг. корреляционная связь между наращиванием объема кредитов к ВВП и темпами его прироста оказалась по шкале Чеддока высокой, отрицательной ((–)0,83) и значимой:

$$GRGDP = 12,3 - 0,03*(CRED/GDP), R^{2adj.} = 0,69$$

$$(p=4,85E-05) (p=0,006)$$

GRGDP – темп прироста ВВП, CRED/GDP – доля кредитов в ВВП.

⁵¹ Рассчитано и составлено по источникам к рис. I-2.1 и I-2.5.

1%–1,1% в 2010–2019 гг. При этом, по нашим расчетам, в Китае заметно уменьшился вклад СФП в прирост ВВП снизился с 35%–36% в 1980–2000 гг. до 22%–23% в 2000–2010 гг. и 18%–19% в 2010–2019 гг.⁵².

В 2001–2019 гг. совокупный долг (от ВВП) вырос в КНР более чем вдвое, достигнув, как минимум, 305%–310%. Он оказался, хотя и меньше, чем в среднем по РГ (380%), но на 4/5 больше, чем в ДРС (175%)⁵³. Рост совокупной задолженности РС в этот период на 2/3 обеспечивался за счет действия *китайской debt-fueled model*. Справедливости ради подчеркнем, что долг Китая преимущественно внутренний. Но не исключено, что, учитывая значительный объем теневого кредитования в Китае, размер его совокупного долга, возможно, занижен статистикой не менее чем на 1/5, а проблемный долг эквивалентен 1/4 его ВВП⁵⁴.

Возросшие проблемы финансово–экономического развития Китая можно проследить и по динамике его фондового рынка,

⁵² Рассчитано по источникам к рис. I-2.8, а также: China's Industrial Policy Has Worked Better Than Critics Think // The Economist. 04.01.2020. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/01/04/chinas-industrial-policy-has-worked-better-than-critics-think> (accessed 04.01.2020).

⁵³ См.: China's Debt Ration Is Growing as Its Economy Loses Steam // Bloomberg News. 17.07. 2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-16/china-s-debt-growth-keeps-marching-on-as-economy-loses-pace> (accessed 17.07.2019); Wheatley J. China's Debt Problem Is Really an Asset Problem // The Financial Times. 12.03.2020. <https://www.ft.com/content/17943d46-62fa-11ea-b3f3-fe4680ea68b5?desktop=true&segmentId=d8d3e364-5197-20eb-17cf-2437841d178a#myft:...> (accessed 12.03.2020); Plender J. The Seeds of the Next Debt Crisis // The Financial Times. 04.03.2020. <https://www.ft.com/content/27cf0690-5c9d-11ea-b0ab-339c2307bcd4>. (accessed 04.03.2020).

⁵⁴ Составлено и рассчитано по: Weinland D. China's Shadow Banking Industry Roars Back // The Financial Times. 25.09.2019. <https://www.ft.com/content/4c66b622-dea5-11e9-9743-db5a370481bc?desktop=true&segmentId=d8d3e364-5197-20eb-17cf-2437841d178a#myft%E2%80%A6>. (accessed 25.09.2019); Distress Test: Beware China's \$3tn of Troubled Debt // The Financial Times. 30.01.2019. <https://www.ft.com/content/27950522-22dc-11e9-b329-c7e6ceb5ffdf> (accessed 30.01.2019).

который после МФК 2008–2009 гг., в отличие от США, так и не восстановился, имея годовую волатильность⁵⁵ в 2007–2019 гг. на 2/3 более высокую, чем у последних (513%:310%)⁵⁶ и существенно возросшую в начале 2020 г. вследствие распространения коронавируса.

Ресурсозатратная экономическая модернизации в Китае стала причиной *серьезных экологических проблем*. Хотя (а) в Китае в 1990–2016 гг. доля *территории страны, занятой лесами выросла* на 1/3, (б) на него в последние годы приходится свыше половины мировых инвестиций в возобновляемые источники энергии, в Китае произошло массивное наращивание *выбросов двуокиси углерода (ДУ)*.

По имеющимся данным, в 1980–2014 гг. в Китае рассматриваемый показатель в расчете на душу населения вырос в пять раз (с 1,5 до 7,5 тонн), превысив его значение в целом по ДРС (2,2 тонны) более чем втрое, и достиг почти 4/5 в среднем от уровня РГ, в которых он с начала века сократился более чем на 1/10. При этом доля Китая в общемировом показателе антропогенно вызванного выброса ДУ увеличилась с 1/3 в 1980–2000 гг. до 3/5 в 2000–2014 гг., вдвое превысив его вклад в прирост мирового ВВП в последние два десятилетия.

Несмотря на то, что в Китае относительный показатель загрязнения воздуха (твердыми микрочастицами в расчете на куб. м) сократился в 2010–2017 гг. примерно на 1/4, он все еще примерно в 3,5 раза выше, чем в среднем по РГ⁵⁷. При этом, в отличие от

⁵⁵Рассчитано по следующей формуле:

$F = \{[\sum(y_i - \bar{y})^2] * n^{-1}\}^{0.5} * (\bar{y}^{-1}) * 100$, (%), где F – коэффициент флуктуации, y_i и \bar{y} – соответственно темп прироста индекса в i -м году и среднегодовой темп прироста индекса за период, охватывающий n лет.

⁵⁶ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1, а также: Shanghai SE Composite Index. <https://markets.ft.com/data/indices/tearsheet/summary?s=SHI:SHH> (accessed 01.02.2020).

⁵⁷ Рассчитано и составлено по источникам к рис. I-2.1, а также: Woetzel J., Seong J., Leung N., Manyika J., Madgavkar A., Ngai J., Lund S., Mironenko A. China and

Индии, которая в конце 2010-х годов по основным *индексам экологического развития* находилась в последней децили распределения стран мира, Китай, сумевший принять ряд мер по улучшению экологической обстановки, расположен несколько выше – в конце 7-й – середине 8-й децили⁵⁸.

Хотя экономический рывок Китая в последние сорок лет привел к *резкому сокращению доли критически бедных* (с 4/5 до 1/20), в результате чего *их общее число в мире* снизилось на 2/3, *доля бедных* в Китае во второй половине 2010-х гг. все еще составляла, как минимум, $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$ ⁵⁹. Но при этом была вдвое меньше, чем в среднем по ДРС (3/5)⁶⁰.

Неравенство в распределении доходов между странами, вследствие ускорения динамики ПВВП в последние десятилетия в ряде РС и ее замедления в РГ, как отмечалось выше, оставаясь высоким, имеет тенденцию к снижению. Но оно заметно выросло в *немалом числе стран*, что неблагоприятно сказывается на устойчивости их социального и экономического развития.

По нашим расчетам, сделанным по 20 наиболее крупным РС, на которые приходится $\frac{3}{4}$ численности населения РС, *корреляционная связь между исходным уровнем неравенства в распределении доходов и СГТП их ПВВП* за последние сорок лет оказалась существенной, отрицательной (–0,58) и значимой ($p=0,007$). Увеличение неравенства с 0,30–0,35 до 0,40–0,45 и с 0,40–0,45 до 0,50–0,60 Джини–пунктов, при прочих равных условиях, вело к

the World: Inside the Dynamics of Changing Relationship. McKinsey Global Institute. N.Y. 2019. P. 2.

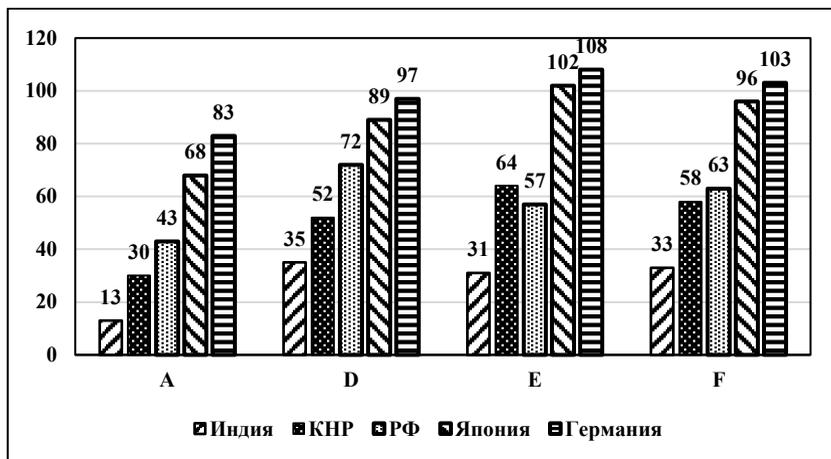
⁵⁸ Рассчитано по: Environmental Performance Index Report 2018. <https://epi.envirocenter.yale.edu/>. (accessed 03.02.2020); 2019 Social Progress Index. <https://www.socialprogress.org/> (accessed 03.02.2020).

⁵⁹ В качестве критерия взят имеющийся в базе данных Всемирного банка (сравнительно невысокий) показатель дневного потребления менее 5,5 долл. в ППС 2011 г.

⁶⁰ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1.

снижению СГТП ПВВП соответственно в 1,7 раза (с 3,4 до 2 %%) и в 3,3 раза (с 2 до 0,6 %%).⁶¹.

Рисунок I-2.8. Расширенный индекс развития (РИР), 2019 г.
США = 100

Источник: См. источники к рис. I-2.1; The Environmental Performance Index. <https://epi.envirocenter.yale.edu> (accessed 28.01.2020); Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports> (accessed 28.01.2020).

Примечание.

A – подушевой ВВП в ППС 2018 г., **D** – индекс человеческого развития (среднее геометрическое невзвешенное показателей подушевого ВВП в ППС 2018 г., среднего числа лет обучения взрослого населения и средней продолжительности ожидаемой жизни (от рождения), отнесенных к уровню США в 2019 г.), **E** – среднее геометрическое невзвешенное уровней технологического и экологического развития, качества основных институтов, равенства распределения доходов. **F** – среднее геометрическое невзвешенное семи индикаторов, входящих как компоненты в субиндексы **D** и **E**.

В КНР, строящей, судя по программным документам КПК, гармоничное общество, коэффициент Джини по располагаемым

⁶¹ Рассчитано по источникам к рис. I-2.1, I-2.5, а также: The World Bank. World Development Report, 1983. P. 200–201; 1998/1999. P. 198–199. Washington, D.C.

доходам вырос за годы реформ, по официальным данным, на 1/3 до 0,39–0,43, а по ряду обследований, в 1,5 раза до, как минимум, 0,5. По данным Credit Suisse, в Китае в 2000–2019 гг. доля топового 1% населения *в его совокупном богатстве* увеличилась в 1,5 раза до 30%, оказавшись более чем на треть выше, чем в среднем по Японии, Франции, Великобритании и Италии (22%), но на треть ниже, чем в среднем по США, Бразилии, Индии и РФ (46%).

Если за этот период в среднем по миру *число долларовых миллионеров* выросло в 3,3 раза, то в Китае – в 117 раз до 4,4 млн. Доля Китая от их общего числа повысилась в 32 раза с 0,3% до 9,5%. При этом, по данным Forbes, Китай перегнал США по *увеличению числа долларовых миллиардеров* (в 2010–2019 гг. соответственно с 64 до 324 и с 404 до 607 человек), но он все еще вдвое отстает от последних по доле от их общего числа в мире (в 2019 г. 15%:28%). *Коэффициент Джини по распределению богатства* в Китае вырос с 0,60 в 2000 г. до 0,70 – в 2019 г. Он ниже, чем, например, в Индии, Бразилии и США (0,83–0,85), но заметно выше, чем в Японии (0,63) и Республике Корея (0,61)⁶².

Таким образом, Китай, в исторически сжатые сроки, не превышающие два поколения людей, осуществив комплекс прагматичных реформ, создав смешанную экономику (с немалым участием государства) и активизировав внутренние и внешние источники роста, сумел в целом добиться весьма весомых результатов в экономической и социальной сферах, став при этом одним из наиболее влиятельных игроков в глобальной экономике и политике. По ИЧР, в 1980 г. составляя $\frac{3}{4}$ от ДРС и не превышая 1/3 от

⁶² Составлено и рассчитано по: Credit Suisse. Global Wealth Data Book, 2019. Geneva. 2019. P. 143, 147, 168–169, 171; Billionaires. <https://www.forbes.com/billionaires/#6fd5dfd0251c> (accessed 14.03.2020); Kanbur R., Wang Y., Zhang X. The Great Chinese Inequality Turnaround // The VoxEU. 15.03.2019. URL: <https://voxeu.org/article/great-chinese-inequality-turnaround>. (accessed 15.03.2019); Мельянцева В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е гг.). М. 2019. С. 44.

РГ, он к концу 2010–х гг. перегнал первых на 1/3 и превзошел 1/2 от уровня последних⁶³. По построенному нами *семифакторному индексу развития* (см. рис. I-2.8), Китай в 2019 г. превосходя на 3/4 Индию, составляя 9/10 от РФ, достиг 3/5 от среднего уровня США, Германии и Японии.

Но *финансовая, экологическая и социальная цена его экономического рывка* оказалась немалой. Более того, его прогресс в конце 2010–х гг. был сильно приторможен как внешними, так и природными факторами. Речь идет о введенных против него внешнеторговых санкциях США, которых он весьма существенно теснит в глобальной экономике, а также о распространении коронавируса COVID–19, ставшего мощным депрессантом не только для Китая, но и для ДРС и РГ. По прогнозным оценкам, сделанным рядом влиятельных аналитических агентств, темп прироста ВВП Китая и мира в 2020 г. сократится по сравнению с 2019 г., *по меньшей мере*, на 5–6 проц. пунктов соответственно до 1 п.п. и (–) 3 п.п. Вместе с тем, судя по имеющейся информации, китайское государство (после некоторой прокрастинации в первые полтора месяца после возникновения эпидемии), проявив решимость и твердость, сумело в целом достаточно четко провести операцию по сдерживанию ее распространения на своей территории⁶⁴.

Однако для возобновления динамичного роста, осуществления планов догоняющего и перегоняющего развития Китаю необходимо безотлагательно реализовать серию институциональных и экономических реформ, направленных на одновременное повышение эффективности госуправления и активизацию частного предпринимательства.

⁶³ Рассчитано по источникам к рис. I-2.9.

⁶⁴ См.: Growth Projections. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>. (accessed 23.04.2020); Baldwin R., Weder di Mauro B. Economics in the Time of COvid–19 // VoxEU. 07.03.2020. <https://voxeu.org/article/economics-time-covid-19-new-ebook>.; OECD Interim Economic Assessment. Coronavirus: The World Economy at Risk. P., 2020. P. 1, 4.

§1.3. Неравномерность развития мирового сельского хозяйства: модернизация vs неформальные институты

В современный период регулярно возникает вопрос, каковы главные факторы, которые формируют региональную неравномерность экономического роста в мировом сельском хозяйстве? Живой организм мирового сельского хозяйства представляет собой уникальный объект. С одной стороны, он функционирует по законам современного экономического роста, а с другой – вносит в универсальные экономические законы специфические элементы. Именно они в первую очередь ответственны за региональную неравномерность социально-экономического развития в сельском хозяйстве.

Воздействие таких элементов на экономику сельского хозяйства в концепциях ученых объясняются в различной понятийной парадигме. Например, Дуглас Норт предложил свой подход к институциональной теории, разделив институты на формальные и неформальные¹. В дальнейшем А.А. Аузан, взяв за основу теорию неформальных институтов, определил «формулу социокультурной модернизации», подчеркнув, что именно неформальные институты ответственны за динамику, направление, скорость трансформации социально-экономической системы².

По моему глубокому убеждению, действие неформальных институтов в современных экономических системах особенно ярко проявляется в сельском хозяйстве. Так, «неформальные институты, к которым относятся обычаи, правила, нормы поведения, сам смысл бытия традиционного общества, могут выступать, во-первых, мощным фактором торможения социально-экономических трансформаций, являющихся экзогенными для традиционной

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера М. 1997.

² Аузан А.А., Никишина Е.Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов. Журнал экономической теории. 2013. №4. С. 48–57.

хозяйственной системы», а, во-вторых, они запускают трансформации по иной траектории, не всегда определяемой универсальными законами современного экономического роста (формальными институтами)³.

На волне подъема интереса к крестьяноведению, нельзя не вспомнить Теодора Шанина, который объяснял действие специфических законов при социально-экономических преобразованиях в сельском хозяйстве через теорию эксплоярной экономики⁴. Эксплоярная экономика определялась им как анклав, включающий присутствие в хозяйственной структуре укладов, которые по принципам функционирования и исторического развития отличаются от доминирующих в экономике структур. В частности, в хозяйственном механизме существуют включения, которые управляются не универсальными экономическими законами, а сложившимися традиционными укладами, сохраняющими в процессе развития свою целостность, внутреннюю самоорганизацию, способность к саморегулированию⁵.

Глубинный смысл подобных концепций состоит в том, что в сельском хозяйстве – как ни в одной отрасли мирового хозяйства – существуют анклавы роста, расположенные вне зоны современного экономического роста и, соответственно, подчиняющиеся иным законам и моделям. Складывались такие анклавы в течение длительного исторического развития под действием

³ Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. Отв.ред. А.М. Петров. М. 2011. С. 371-373.

⁴ Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанина. Под ред. А. В. Гордона. М. 1992; Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925. М. 2019.

⁵ Самсонов В.В. Гносеологические возможности применения концепции эксплоярных структур Т. Шанина в исследованиях неформальной экономики. Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. Том 8. Выпуск 1. С. 102–108.

традиционных факторов, причем в странах Востока и Запада условия их формирования отличались принципиально⁶.

В результате в аграрных секторах стран Востока и Запада сложились особые технологические способы производства, которые встраиваясь в систему мирового хозяйства, делают сельскохозяйственную отрасль не просто неоднородной по экономическим показателям, а неоднородной по базовым принципам организации и «производственной ментальности». И что самое интересное – даже приближаясь к одинаковому уровню макроэкономических показателей аграрные сектора Востока и Запада катастрофически отличаются по микроэкономическим показателям, таким как эффективность производства, производительность факторов производства, рентабельность капиталовложений.

Принципиальное различие двух технологических способов производства (ТСП), исторически сформировавшихся в сельском хозяйстве стран Востока и Запада – землесберегающего ТСП и трудосберегающего ТСП – характеризуется соотношением ресурсов земли и труда, а также мотивацией производственной деятельности.

Землесберегающий ТСП, сформировавшийся в странах Востока, отражал такую технологическую организацию производства в земледелии, при которой не сбережение труда (ресурса производства, находящегося в максимуме), а сбережение земли (ресурса производства, находящегося в минимуме) образовывало детерминантные параметры экономического роста в агросфере. В результате направляющим вектором модернизации при землесберегающем ТСП становилось увеличение продуктивности земли, в частности, роста урожайности, многократного использования посевных площадей.

⁶ Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., 2017. С. 23-43.

Целевой установкой производства при трудосберегающем ТСП, сложившемся в сельском хозяйстве стран Запада, является экономия труда – ресурса, находящегося в минимуме, по сравнению с ресурсом земли. Основным результатом становится рост производительности труда, который достигается применением механизированных средств и высвобождением человеческого труда. Фактор продуктивности земли при трудосберегающем ТСП изначально отстывает на второй план и включается на более позднем этапе сельскохозяйственной эволюции. Выход НТР на уровень постиндустриальных производительных сил в сельском хозяйстве дает возможность этим странам наращивать продуктивность земли⁷.

Траектории, по которым развиваются аграрные секторы двух групп стран, целевые установки производственной деятельности, структурные характеристики сельскохозяйственного производства, направления внедрения достижений научно-технического прогресса – в каждой из этих составляющих проявляются различия между двумя ТСП⁸.

Процесс индустриализации происходил в двух группах стран по двум основным направлениям — в зависимости от исходной технологической организации производительных сил в агро-сфере. Каждый исходный ТСП, как трудосберегающий, так и землесберегающий, существует в двух вариантах. Во-первых, это классические варианты – классический трудосберегающий ТСП и классический землесберегающий ТСП. Во-вторых, это особые региональные варианты – западноевропейский трудосберегающий ТСП и ближневосточный землесберегающий ТСП (см. схему I-1.1).

⁷ Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М.: ИВ РАН, 2017.

⁸ Дерюгина И.В. Сельское хозяйство стран Азии и Северной Африки: экономический рост и модернизация. М., 2018. С.15-17.

Схема I-1.1. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Востока и Запада

Страны Востока		Страны Запада	
Землесберегающий технологический способ производства (ЗТСП)		Трудосберегающий технологический способ производства (ТТСП)	
Классический ЗТСП	Ближневосточный ЗТСП	Классический ТТСП	Западноевропейский ТТСП
Южная, Юго-Восточная, Восточная Азия	Ближний Восток, Северная Африка	Переселенческие районы из стран Западно-европейского ТТСП	Западная, Северная, Восточная (частично), Южная Европа
Индия, Китай, Япония, Республика Корея, Индонезия, Филиппины, Вьетнам, Египет	Турция, Иран, Марокко, Алжир	США, Австралия, Канада, Россия, Казахстан	Великобритания, Франция, Нидерланды, Швеция, Польша, Греция, Испания, Италия

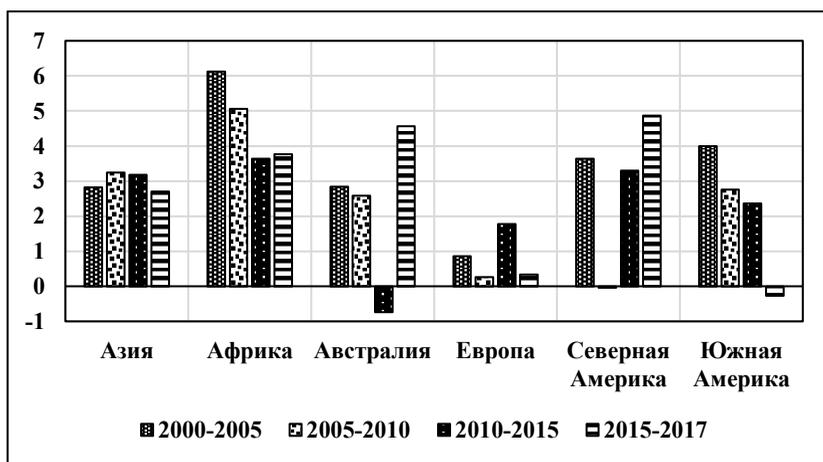
Для оценки места и роли сельского хозяйства в странах Востока и Запада был выбран показатель валовой добавленной стоимости (ВДС) сельского хозяйства (включая растениеводство, животноводство, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство), так как он является универсальным нормативом уровня отраслевого развития, который используется ФАО (Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН) и рассчитывается по универсальной методике для всех стран и регионов⁹.

Исходя из данных о темпах прироста ВДС сельского хозяйства видно, что с начала XXI в. наиболее быстро наращивал валовые объемы производства регион Африки (см. рис. I-3.1). И хотя после 2010 г. ежегодный темп прироста данного показателя несколько упал, в среднем за период 2000–2017 гг. он равнялся 4,6%. Наиболее стабильный рост показали страны Азии – в среднем за

⁹FAO Statistical Yearbook. 2013. World Food and Agriculture. Food and Agriculture Organization of the United Nations, Rome, 2013, p. 19.

означенный период ежегодный темп прироста ВДС сельского хозяйства в них составлял 3,0%¹⁰. Южная Америка с начала XXI в. показывала высокие темпы прироста ВДС сельского хозяйства, но кризис 2014–2016 гг. в Бразилии, сельское хозяйство которой вносит в объем регионального производства примерно 50%, привел к резкому сокращению показателя. В результате ежегодный темп прироста в 2015–2017 гг. упал до отрицательных значений (см. рис. I-3.1). Однако интенсивное развитие сельского хозяйства Бразилии с начала XXI в., сопровождавшееся вводом новых площадей в севооборот, позволило поддержать средний темп прироста ВДС сельского хозяйства в регионе на уровне 2,6%.

Рисунок I-3.1. Ежегодный темп прироста ВДС сельского хозяйства, %

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/МК> (03.04.2020)

В развитых странах Европы, Северной Америки и Австралии, которые в течение означенного периода переживали перевооружение аграрного производства с целью перехода к наукоемкой

¹⁰ <http://www.fao.org/faostat/en/#data/МК> (03.04.2020)

стадии эволюции, темп прироста ВДС сельского хозяйства был нестабильным – отрицательные значения показателя наблюдались в Австралии в 2010–2015 гг., в Северной Америке – в 2005–2010 гг., в Европе – в 2003, 2005, 2012, 2015 гг. В то же время средний темп прироста ВДС сельского хозяйства в период 2000–2017 гг. в Северной Америке равнялся 2,9% в год, в Австралии – 3,2%, в Европе – 1,0% в год¹¹.

Таблица I-3.1. ВДС сельского хозяйства по регионам мира в сопоставимых ценах 2010 г.

	Величина ВДС, млрд долл.		Удельный вес региона в мировом объеме ВДС сельского хозяйства, %	
	2000	2017	2000	2017
Африка	166,5	370,2	8,6	12,1
Северная Америка	142,8	195,2	7,4	6,4
Южная Америка	141,4	212,7	7,3	6,9
Азия	1080,0	1806,1	55,8	58,8
Европа	317,8	368,4	16,4	12,0
Австралия	24,6	34,4	1,3	4,0

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/МК> (31.03.2020)

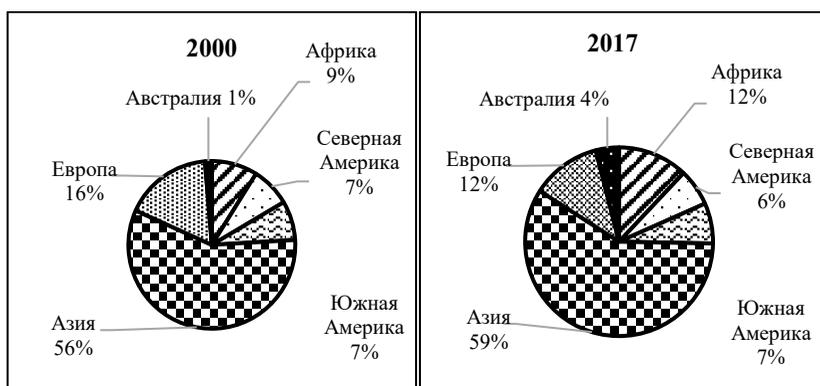
Примечание: Базой для оценок ВДС сельского хозяйства в сопоставимых ценах 2010 г., представленных ФАО, служила статистика и методология Всемирного банка, см.: World Bank national accounts data // World Bank (WDI).

Высокие темпы экономического роста в сельском хозяйстве стран Азии и Африки позволили в 2000–2017 гг. увеличить ВДС сельского хозяйства на 67% в азиатском регионе, и в 2,2 раза – в африканском регионе. На 50% вырос ВДС сельского хозяйства в странах Южной Америки, на 40% – Австралии, на 37% – Северной Америки и только в Европе показатель поднялся всего на 16% (см. табл. I-3.1).

¹¹ <http://www.fao.org/faostat/en/#data/МК> (03.04.2020)

За период 2000–2017 гг. не произошло значительных изменений в удельном весе отдельных регионов в мировом объеме ВДС сельского хозяйства. Страны Азии увеличили по этому показателю свой отрыв от остальных регионов с 55,8% до 58,8%, вклад африканского региона поднялся с 8,6% до 12,1%, Австралии – с 1,3% до 4%. В то же время удельный вес Северной Америки, Южной Америки и Европы несколько сократился (см. табл. I-3.1). На рисунке I-3.2 показано изменение удельного веса отдельных регионов в мировом объеме ВДС сельского хозяйства, происшедшее с 2000 г. по 2017 г.

Рисунок I-3.2. Удельный вес регионов в мировом объеме ВДС сельского хозяйства в 2000–2017 гг., %

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/МК> (03.04.2020)

Как видно из приведенных выше данных, картина, полученная на основе макроэкономических показателей, выглядит для стран Азии достаточно обнадеживающей. Две «зеленые революции» – 1960-х гг. и начала 2000-х гг. – в плане количественных макропоказателей дали впечатляющий эффект. Но не будем забывать, когда внедрялась первая «зеленая революция», ожидания выходили за рамки количественного роста. Несмотря на то, что в основе первой «зеленой революции» лежало создание новых

высокоурожайных сортов продовольственных культур, технологически предназначенных специально для стран Азии и Латинской Америки, ставилось по меньшей мере две задачи: во-первых, существенно увеличить урожайность зерновых культур и решить проблему голода в развивающихся странах; во-вторых, создать новый тип хозяйства, ориентированный на рынок и имеющий потенциал к саморазвитию.

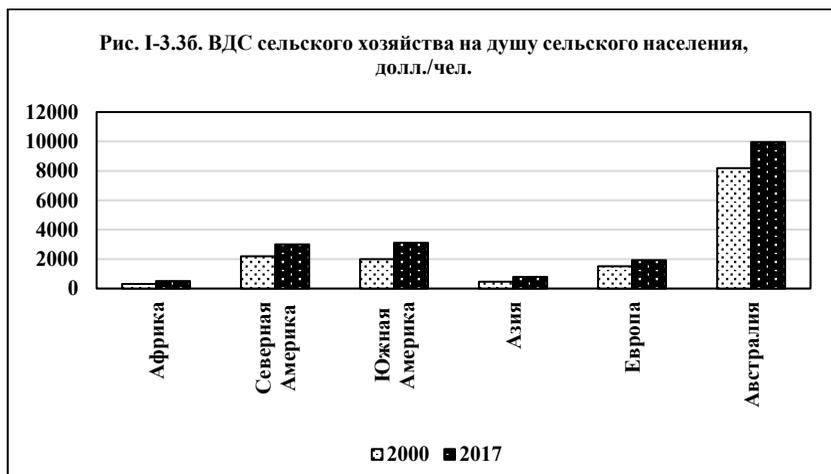
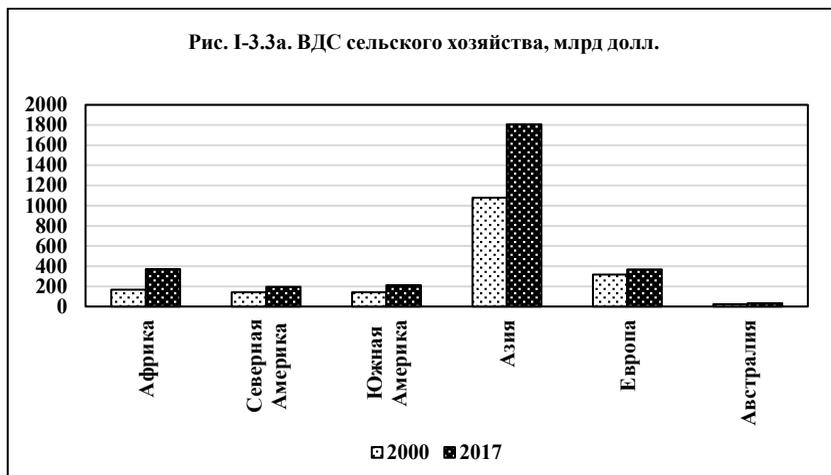
Первая задача была частично решена, но проблема голода трансформировалась в проблему недоедания и бедности, и ООН вынуждена была принять концепцию «Целей устойчивого развития» (2015–2016 гг.), направленную на искоренение нищеты и недоедания. Вторая задача решена была тоже лишь частично – мелкотоварное хозяйство, сформировавшееся в странах внедрения «зеленой революции, так и не стало полностью ориентированным на свободный рынок. Исключения составляют анклав, управляемые ТНК, преимущественно в тех аграрных структурах, которые работают на мировой рынок. Причем даже в них полноценные рыночные потоки организованы в основном для культур, выращиваемых под контролем ТНК. Остальные блоки «единого» хозяйства опутаны традиционными полунатуральными связями. В результате в таких аграрных хозяйствах формируется «расщепленный уклад», при котором одна часть хозяйства функционирует по законам рынка, а другая – подвержена влиянию традиционных отношений¹².

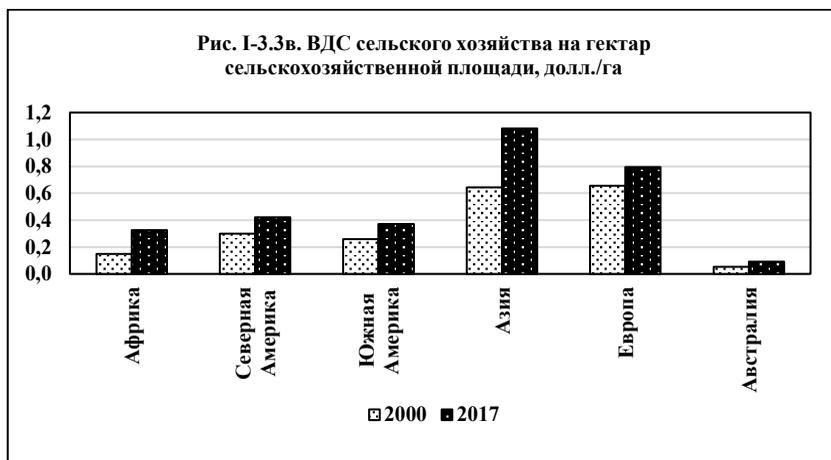
На рисунке I-3.3 показаны диспропорции в развитии сельского хозяйства, выявленные при сравнении различных регионов мира. Первое место в мире по величине ВДС сельского хозяйства занимает крупнейший по численности населения регион Азии, который уже в 2000 г. имел существенные преимущества, а к 2017 г. его значение поднялось еще выше. На второе место в 2017 г.

¹² Растянный В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М. 2004. С. 273

вышла Африка, обогнав по показателю ВДС сельского хозяйства Европу (см. рис. I-3.3а).

Рисунок I-3.3. ВДС сельского хозяйства
в сопоставимых ценах 2010 г.

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/МК> (31.03.2020)

Отметим, что частично такие межрегиональные разрывы в объемах ВДС сельского хозяйства имели место из-за больших размеров промежуточного потребления в сельском хозяйстве стран Европы и Северной Америки (см. рис. I-3.3а., табл. I-3.2). Для того чтобы оценить соотношение стоимости затрат на промежуточное потребление и ВДС сельского хозяйства приведем избирательные данные по национальным счетам отдельных стран изучаемых регионов¹³. В 2017 г. в сельском хозяйстве западных стран доля промежуточного потребления приближалась к 60% от стоимости отраслевого выпуска, в то время как в странах Африки она колебалась от 12,9% до 26,7%, а в развивающихся странах Азии составляла примерно 25% (см. табл. I-3.2). Причем отношение промежуточного потребления к стоимости отраслевого выпуска величина относительно стабильная, отражает сложившуюся структуру производства, что подтверждается данными по сельскому хозяйству

¹³ К сожалению, анализ данных национальных счетов во многих развивающихся странах представляет огромную сложность из-за отсутствия сопоставимых показателей.

Казахстана и Узбекистана, сельское хозяйство которых ранее было частью СССР. Однако следует отметить, что данный показатель в развитых странах постепенно возрастает, так в 2000 г. в Германии он равнялся 53,2%, а в США – 55,2%, в России – 45,6% (ср. с табл. I-3.2).

Таблица I-3.2. Национальные счета: счет производства по отрасли сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство в 2017 г., млн долл.

	Ресурсы	Использование		Доля промежуточного потребления в выпуске %
	Выпуск	Промежуточное потребление	Валовая добавленная стоимость (ВДС)	
Россия ¹ , млн руб.	7083535 (107466,6)	3388842 (51412,8)	3694693 (56053,8)	47,8
Казахстан	14631,8	7097,2	7534,6	48,5
Узбекистан	30186,4	12394,8	17791,6	41,1
Германия	72869,4	42390,6	30478,8	58,2
Франция	99572,9	59340,4	40232,5	59,6
США	435228,1	260628,1	174600,0	59,9
Мали	6678,3	861,5	5816,8	12,9
Нигерия	106790,8	28460,8	78330,0	26,7
Пакистан	90663,7	21313,6	69350,1	23,5
Шри Ланка	9154,3	2304,6	6849,7	25,2
Перу	19751,9	5541,1	14210,8	28,1
Чили	22529,2	11768,6	10760,6	52,2

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/МК> (08.05.2020); Российский статистический ежегодник 2018. М., 2018. С. 265.

Примечание: ¹ Данные по России приведены в национальной валюте, в скобках – оценка в млн долл.

Гораздо резче неравномерность проявляется при переходе на микроуровень, например, при сравнительном анализе *эффективности* факторов аграрного производства – производительности труда и продуктивности земли.

Производительность труда в сельском хозяйстве оценивается ФАО и Всемирным банком как показатель ВДС сельского

хозяйства в расчете на одного работника. В таблице I-3.3 приводятся статистические оценки ФАО численности работников в сельском хозяйстве и величины ВДС сельского хозяйства на одного работника. Однако на региональном уровне подобные оценки провести практически невозможно особенно в регионах Азии, Африки, Южной Америки. Поэтому в настоящей работе предлагается ориентировочная оценка уровня региональной производительности труда, для чего используется показатель ВДС сельского хозяйства в расчете на душу сельского населения.

Таблица I-3.3. Численность работников в сельском хозяйстве и ВДС сельского хозяйства в расчете на одного работника

	Численность работников в сельском хозяйстве, тыс. чел.		ВДС сельского хозяйства в расчете на работника, долл. (цены 2010)	
	2000	2017	2000	2017
Австралия	430,4	318,4	57178,9	107885,0
США	2229,6	2188,2	54754,1	76892,0
Германия	958,0	532,0	23800,0	38239,2
Россия	9430,2	4268,0	4848,2	15373,8
Бразилия	–	–	–	11819,5
Чили	777,0	765,7	6008,0	12072,3
ЮАР	1017,0	864,1	7201,5	11884,6
Мали	–	3794,9	–	1827,4
Япония	3260,0	2210,0	25108,1	22276,0
Индия	–	272700*	–	1096,3
Китай	–	498800*	–	1221,0 ¹

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/OE> (28.04.2020)

Примечание: ¹ Данные за 2013 г. см.: Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., 2017. С. 93.

Показанный на рисунке I-3.3б график дает сравнительное представление об уровнях производительности труда в разных регионах – наименьшее значение фиксируется в Африке и Азии, а наибольшее – в Австралии, причем за период 2000–2017 гг. во всех регионах отмечена повышательная тенденция. При этом надо

иметь в виду, что большинство сельского населения в развивающихся странах Азии и Африки являются работниками аграрного производства, но в развитых странах доля сельского населения, занятого в отрасли, значительно меньше. Соответственно, разрыв в производительности труда между странами трудосберегающего и землесберегающего ТСП существенно выше, чем показано на рисунке I-3.3б. Так в Австралии в 2017 г. величина ВДС в расчете на одного работника составляла 107,9 тыс. долл., в США – 76,9 тыс. долл., в России – 15,4 тыс. долл., в Бразилии – 11,8 тыс. долл., в Мали – 1,8 тыс. долл., в Индии – 1,1 тыс. долл., а в Китае – примерно 1,2 тыс. долл. (см. табл. I-3.3).

Продуктивность земли, исчисленная как величина ВДС сельского хозяйства в расчете на гектар сельскохозяйственной площади, характеризуется противоположной динамикой по отношению к производительности труда – наивысшие значения параметр достигает в Азии, а наименьшие – в Австралии. Причем продуктивность земли в сельском хозяйстве Азии, которая в 2000 г. соответствовала европейскому уровню, в 2017 г. поднялась выше европейского значения почти на 40% (см. рис. I-3.3в).

Сектор растениеводства. Диспропорции между производительностью труда и продуктивностью земли объясняются различными технологическими способами производства (ТСП), исторически сложившимися в сельском хозяйстве стран Востока и Запада. Региональная неравномерность сельского хозяйства в странах Востока и Запада была обусловлена тем, что технологии, используемые в сельском хозяйстве стран землесберегающего ТСП, направлены на повышение продуктивности земли, а технологии, применяемые в сельском хозяйстве стран трудосберегающего ТСП, – на повышение производительности труда¹⁴. Именно эти расхождения лежат в основе диспропорций между графиком

¹⁴ Растянный В.Г., Дерюгина И.В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока. Часть I // Вопросы статистики. 2013 №11. С.57-70; Часть II // Вопросы статистики. 2014 №2. С.70-77.

производительности труда, изображенном на рисунке I-3.3б, и графиком продуктивности земли – на рисунке I-3.3в.

Таблица I-3.4. Сельскохозяйственная площадь в регионах мира

	Вся сельскохозяйственная площадь, млн га		Обрабатываемая площадь, млн га		Площадь лугов и пастбищ, млн га		Сельскохозяйственная площадь на душу сельского населения, га/чел.	
	2000	2017	2000	2017	2000	2017	2000	2017
Африка	1123,2	1139,5	230,5	278,8	892,8	860,8	2,1	1,6
Северная Америка	475,9	463,5	219,2	198,8	256,7	264,7	7,3	7,1
Южная Америка	545	572,7	110,3	132,2	434,7	440,5	7,7	8,4
Азия	1676,9	1667,9	560,9	588,6	1115,9	1079,3	0,7	0,7
Европа	484,7	462,9	304,4	288,5	180,3	174,3	2,3	2,4
Австралия	455,5	371,8	23,8	31,1	431,7	340,8	151,5	107,9

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/RL> (03.04.2020)

Как отмечено выше, целевая установка землесберегающего ТСП заключалась в экономии ресурса земли, а трудосберегающего ТСП – ресурса труда¹⁵. Величина сельскохозяйственной площади в расчете на душу сельского населения, приведенная в таблице I-3.4, отражает базовый уровень диспропорций между двумя ТСП. Так, в 2000 г. в Австралии величина сельскохозяйственной площади в расчете на душу сельского населения превосходила аналогичный показатель в Азии более чем в 200 раз. И, даже сократившись в 2017 г., этот разрыв оставался огромным – более чем 150 раз. Между Америкой и Азией разрыв составлял примерно 10 раз (см. табл. I-3.4).

¹⁵ Растьянников В.Г., Дерюгина И.В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока. Часть I // Вопросы статистики. 2013 №11. С.57-70; Часть II // Вопросы статистики. 2014 №2. С.70-77.

Хотелось бы обратить внимание на три обстоятельства. Во-первых, различия между двумя базовыми ТСП проявляются очень широко – в технологиях аграрного производства, в мотивации производственной деятельности, в направлениях модернизации сельского хозяйства, однако, соотношение сельскохозяйственной площади и численности сельского населения, ведущего на ней хозяйство, исторически было системообразующим фактором, ответственным за формирование ТСП. Например, в 2013 г. в Китае 1 гектар пашни обрабатывали 395 человек, во Вьетнаме – 293, в Индии – 161, в то же время в Австралии – 1 человек, в США – 2, в Германии – 5 человек¹⁶.

Во-вторых, существующие два базовых технологических способа производства в отдельных районах Востока и Запада приобретают немного отличающиеся формы. Например, в странах Восточной и Южной Азии сложился классический тип землесберегающего ТСП, а в странах Ближнего Востока и Центральной Азии – ближневосточный тип землесберегающего ТСП. В странах Северной Америки, Австралии, России, Казахстане сформировался классический тип трудосберегающего ТСП, а в странах Западной Европы – западноевропейский тип данного ТСП¹⁷.

В-третьих, так как производительность труда и продуктивность земли зависят от системообразующих параметров, их влияние на региональную неравномерность носит устойчивый характер.

В сельском хозяйстве есть определенные показатели, которые под влиянием научно-технического прогресса достаточно успешно поддаются изменениям. Как показал полувековой опыт, к таким показателям относится урожайность сельскохозяйственных культур. Высокоурожайные сорта и новые технологии их возделывания, созданные и внедренные в течение двух «зеленых

¹⁶ Растянный В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., 2017. С. 91, 95.

¹⁷ Растянный В.Г., Дерюгина И.В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока. Часть I // Вопросы статистики. 2013 №11. С.57-70; Часть II // Вопросы статистики. 2014 №2. С.70-77.

революций», позволили достигнуть высоких значений урожайности. Межрегиональные сопоставления позволяют утверждать, что средняя величина урожайности зерновых культур сопоставима в различных регионах мира (за исключением Африки), и в большой степени зависит от структуры посевов (см. табл. I-3.5). Например, высокие значения средней урожайности зерновых культур в Северной Америке объясняются исключительно преобладанием посевов ГМО-кукурузы в США¹⁸. В сфере урожайности сельскохозяйственных культур интернационализация (глобализация) мирового хозяйства привела к частичному выравниванию диспропорций.

Таблица I-3.5. Урожайность сельскохозяйственных культур, ц/га

	Зерновые культуры		Пшеница		Рис (неочищенный)		Кукуруза	
	2000	2017	2000	2017	2000	2017	2000	2017
Африка	12,0	15,2	17,5	25,6	23,1	23,3	18,1	20,9
Северная Америка	50,9	77,7	27,0	32,0	70,4	84,1	85,1	118,0
Южная Америка	27,7	48,7	23,6	30,0	36,2	57,6	31,5	59,3
Азия	25,4	35,1	26,0	33,4	39,5	47,8	35,6	53,8
Европа	31,5	43,8	33,2	44,0	52,5	64,5	47,0	63,9
Австралия	19,4	26,6	18,2	26,1	82,6	98,2	49,4	64,4

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/QC> (08.04.2020)

Но существуют структурные параметры сельского хозяйства, которые исторически определяются традициями, ментальностью сельскохозяйственного производителя, составом площадей (пашня/пастбища), и которые устойчивы к экономическим, в том

¹⁸ Пшихачев С.М. Сельское хозяйство США: основные тенденции развития и эколого-экономическая устойчивость отрасли. М., 2003.

числе научно-техническим, трансформациям. Отвечает за такую устойчивость система упомянутых выше неформальных институтов.

Таблица I-3.6. Продукция сельского хозяйства в фактически действовавших ценах, млрд долл.

	Продукция сельского хозяйства		Продукция растениеводства		Продукция животноводства	
	2000	2016	2000	2016	2000	2016
Африка	108,5	232,3	80,9	172,4	27,6	59,6
Северная Америка	190,0	366,9	94,3	211,5	95,7	155,4
Южная Америка	100,7	278,3	58,0	163,4	42,7	114,9
Азия	683,2	2257,5	488,0	1579,5	195,2	678,0
Европа	281,7	479,5	145,0	269,5	136,7	209,9
Австралия	18,4	33,0	10,7	18,6	7,7	14,4
Мир	1426,1	3725,9	898,8	2456,1	527,3	1269,7

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/QV> (06.04.2020)

Рассмотрим продукцию сельского хозяйства и ее составляющие части – продукцию растениеводства и продукцию животноводства (см. табл. I-3.6). В 2016 г. на страны Азии приходилось 60,6% мирового объема сельскохозяйственной продукции, на страны Европы – 12,9%, Северной Америки – 9,8%. Продукция растениеводства распределялась между регионами аналогичным образом: 64,3% – страны Азии, 11,0% – страны Европы, 8,6% – страны Северной Америки. По выпуску продукции животноводства страны Азии также лидировали, но немного с меньшим отрывом. Следует отметить, что за период 2000–2016 гг. доля продукции животноводства, приходившаяся на Азию, выросла с 37,0% до 53,4%. Доля стран Европы в мировом объеме продукции

животноводства за этот период сократилась с 25,9% до 16,5%, а стран Северной Америки – с 18,1% до 12,2% (см. табл. I-3.6).

Динамика структуры сельскохозяйственной продукции, приведенная в таблице I-3.7, подвержена очень слабым колебаниям. В странах Азии и Африки до сих пор наблюдается абсолютное преобладание продукции растениеводства, на которую приходится от 70% до 75% всей аграрной продукции.

Таблица I-3.7. Структура сельскохозяйственной продукции, %

	Продукция растениеводства		Продукция животноводства	
	2000	2016	2000	2016
Африка	74,6	74,2	25,4	25,7
Северная Америка	49,6	57,6	50,4	42,4
Южная Америка	57,6	58,7	42,4	41,3
Азия	71,4	70,0	28,6	30,0
Европа	51,5	56,2	48,5	43,8
Австралия	58,3	56,4	41,7	43,6

Источник: Подсчитано по данным таблицы I-3.5.

Соответственно продукция животноводства занимает от 25% до 30%. В Австралии, где пастбищные угодья более чем в 10 раз преобладают над величиной обрабатываемой площади, вклад животноводства в совокупную сельскохозяйственную продукцию составлял в 2017 г. 43,6% (см. табл. I-3.7). В Азии также существуют страны (например, Монголия), где продукция животноводческого сектора традиционно преобладает над продукцией растениеводства, но на региональные показатели они не оказывают существенного влияния.

Сильнейшие демографические диспропорции, которые наблюдаются в густонаселенных странах Азии и Африки, продолжают воздействовать на параметры аграрного воспроизводства.

Если в 2017 г. удельный вес сельского населения в странах Азии составлял 51%, а в странах Африки – 59%, то в странах Северной Америки – 18%, Южной Америки – 16%, Европы – 25%, Австралии – 14%¹⁹. Причем если в развитых странах Северной Америки, Европы, Австралии доля сельских жителей, занятых в агропроизводстве, была незначительной, то в развивающихся странах Азии и Африки большинство сельского населения было занято в сельскохозяйственном производстве. Таким образом, аграрное перенаселение, сформировавшееся в развивающихся странах Востока, продолжает угнетающе влиять на социально-экономическое развитие сельского хозяйства²⁰.

Таблица I-3.8. Производство зерна и мяса по регионам мира

	Производство зерна				Производство мяса			
	Всего, млн тонн		На душу населения, кг		Всего, млн тонн		На душу населения, кг	
	2000	2017	2000	2017	2000	2017	2000	2017
Африка	105,3	186,9	129,9	150,3	11,6	19,7	14,3	15,8
Северная Америка	390,8	520,5	1251,1	1438,3	41,6	50,6	133,1	139,7
Южная Америка	97,1	216,7	278,8	516,0	25,8	43,7	74,2	104,2
Азия	814,8	1220,4	217,8	270,1	91,4	141,9	24,4	31,4
Европа	383,2	524,6	528,2	703,8	51,3	62,7	70,7	84,1
Австралия	34,1	49,8	1793,7	2023,5	3,7	4,4	195,1	180,7

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/QC> (06.04.2020);

При статистическом анализе ярко видны дисбалансы между валовыми и подушевыми показателями производства в

¹⁹ <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (08.04.2020)

²⁰ Александров Ю.Г. Аграрное перенаселение в странах Востока. М. 1988.

странах Азии и Африки, в частности, увеличение валовых показателей не ведет к аналогичному росту подушевых показателей. В азиатском регионе валовое производство зерна за период 2000–2017 гг. возросло на 50%, однако производство зерна на душу населения осталось неизменным, за тот же период валовое производство мяса увеличилось на 55%, а душевые показатели – всего на 25% (см. табл. I-3.8). При этом регион Азии является крупнейшим производителем как зерна, так и мяса. Следует отметить, что подобные диспропорции мировое сельское хозяйство не сможет преодолеть и к середине XXI в.²¹

Сектор животноводства. Диспропорции в развитии животноводческого сектора в различных странах мира вносят свои коррективы в региональную неравномерность динамики сельскохозяйственного производства. Мировой животноводческий комплекс представлен огромным разнообразием технологических, экономических и социальных моделей – от традиционных до высокоинтенсивных. Неравномерность здесь проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, в промышленном животноводстве существуют различные системы содержания животных. Во-вторых, стимулирует неравномерное развитие стран и регионов различная степень интенсификации животноводческого сектора и возможность усвоения им новых технологий. В-третьих, на неравенство воздействует исторически сложившаяся – часто традиционная – структура потребностей на продукцию животноводства и соответствующие ей модели организации аграрного производства.

На первом уровне классификации можно выделить стойловую, пастбищную и смешанную систему содержания животных.

Стойловое животноводство, опирающееся на создание крупных животноводческих комплексов, является высокоинтенсивной системой. Подчеркнем, что степень интенсификации аграрного хозяйства непосредственно связана с глубиной его

²¹ Акимов А.В., Борисов М.Г., Дерюгина И.В., Кандалинцев В.Г. Страны Востока к 2050 году: Население, энергетика, продовольствие, инвестиционный климат. М. 2017.

интеграции в структуру народного хозяйства страны, а высшей формой интеграции выступает интернационализация (глобализация) хозяйства²². Поэтому такие крупные комплексы представляют собой фабрики/фермы по производству продукции животноводства, отличающиеся высокой степенью механизации производства, специально созданными, часто импортными, кормами, искусственным выведением животных, при котором используются различные биотехнологические методы. Данная система животноводства характеризуется наиболее высокими показателями выхода продукции на единицу кормовой площади и, соответственно, наименьшими потребностями в земельных угодьях. Различные формы стойловой системы животноводства распространены в большинстве стран мира при производстве мяса свиней, птицы, молочном животноводстве, а в условиях недостатка свободных площадей или сурового климата и при выращивании крупного рогатого скота.

Ареалами, где преобладают в настоящее время эти системы, являются европейские страны, восточные районы Китая, Япония, США (свиноводство, птицеводство). В 2017 г. в Азии и Европе около половины мясной продукции составляла свинина, примерно треть – мясо птицы и менее 1/6 части – мясо крупного рогатого скота. В Северной Америке на мясо свиней и птиц приходилось более 70% (см. табл. I-3.9).

Значительно большим разнообразием институтов, форм, технологических методов представлено пастбищное животноводство; в различных странах оно варьируется от традиционных форм кочевого скотоводства до высокотехнологичных фидлотов. Если животноводческие комплексы стойлового содержания в различных странах мира в определенной степени сопоставимы по уровню интенсификации производства, то пастбищное животноводство отличается большой индивидуальностью.

²² Растянкин В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М. 2004.

Таблица I-3.9. Удельный вес производства мяса по видам, %

	Мясо КРС		Мясо свиней		Мясо птицы		Мясо овец и коз	
	2000	2017	2000	2017	2000	2017	2000	2017
Африка	37	36	7	8	26	30	19	17
Северная Америка	32	26	25	27	42	46	0	0
Южная Америка	46	36	15	14	38	49	1	1
Азия	14	13	52	47	25	32	7	6
Европа	23	17	49	46	23	33	3	2
Австралия	54	46	10	9	17	29	19	16

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/QL> (06.04.2020)

Интенсивное пастбищное животноводство исторически сформировалось в странах Северной Америки, Южной Америки, Австралии для выращивания мяса крупного рогатого скота (КРС) и овец на открытых пространствах. Результатом индустриализации пастбищного животноводства стало создание фидлотов – специальных площадок, где одновременно на откорме находятся десятки тысяч голов КРС. Сегодня фидлоты являются самым высокопродуктивным способом производства мяса КРС. Отдельные фидлоты существуют в Австралии, Бразилии, Аргентине, Японии, России, но наиболее широко они распространены в США, где появились еще в начале 1960-х гг. Чем же фидлоты принципиально отличаются от интенсивного пастбищного животноводства? Здесь практически нет пастбищ в нашем восприятии этого слова – на огороженных открытых участках, очищенных от травы, в течение нескольких месяцев животные получают специально разработанные обогащенные зерновые корма для быстрого набора веса. Для фидлотов выводятся определенные породы КРС, используются биотехнологические методы воспроизводства стада, все этапы производства высоко механизированы, в том числе раздача

кормов. Соответственно, для производства мяса КРС на фидлотах требуется значительно меньшее количество площадей, по сравнению с содержанием скота на обычных зеленых пастбищах, даже при интенсивной технологии.

В 2017 г. мясо КРС и овец занимало в мясном животноводстве Австралии 62%, Африки – 53%, Южной Америки – 37%, Северной Америки – 26% (см. табл. I-3.9). Причем для производства 1 кг мяса КРС и овец в Австралии и Южной Америке требовался значительно больший размер площадей пастбищ и лугов, чем в Северной Америке (см. табл. I-3.4). Т.е. эффективность производства мяса КРС в расчете на единицу площади в США была существенно выше, чем в Австралии и странах Южной Америки.

Традиционное пастбищное животноводство представлено различными формами кочевого и отгонно-пастбищного скотоводства, которое к настоящему времени сохранилось в 50 странах Азии и Африки. Так, традиционное пастбищное животноводство продолжает существовать в Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Туркмения), в западных районах Китая, в странах Северной и Западной Африки, на Ближнем Востоке. Однако наиболее яркий пример кочевого скотоводства сегодня являет Монголия²³. В 2017 г. в Монголии площадь пастбищ (и лугов) составляла 110,5 млн га, а под пашней было занято всего 0,6 млн га. Совокупное производство мяса составляло 355 тыс. тонн, в том числе на душу населения – 150 кг²⁴. При сравнении этих данных с показателями, приведенными в таблицах I-3.4 и I-3.8, становится ясно, что эффективность номадного способа производства мяса КРС и овец в расчете на единицу пастбищ минимальна – в 2017 г. в Монголии она составляла всего 0,3 кг на 1 гектар пастбищ, против

²³ Грайворонский В. Монголия: пастбищно-кочевое животноводство – рекордный рост скота и экологическая угроза. Азия и Африка сегодня. 2018. №9. С. 49-55.

²⁴ Mongolian statistical information service // <http://www.1212.mn/> (13.04.2020)

9 кг/га – в Австралии, 35 кг/га – в странах Южной Америки. Анализируя институты кочевого скотоводства, их постепенную трансформацию на фоне устойчивости основных принципов функционирования, можно утверждать, что кочевое животноводство проявляется как специфический *номадный* способ производства²⁵. В *номадном* способе производства «ни скот, ни пастбища, ... не образуют отдельного способа производства, только навыки человеческой деятельности, ментальность, специфический характер труда дают возможность этим составляющим существовать как отдельный способ производства»²⁶. При *номадном* способе производства без учета неформальных институтов, сложившихся в обществе кочевников, невозможно объяснить суть аграрных преобразований.

Помимо описанных моделей организации мясного производства в мировом животноводческом комплексе существуют смешанные модели, например, стойлово-пастбищное животноводство, которое в силу климатических условий распространено в России.

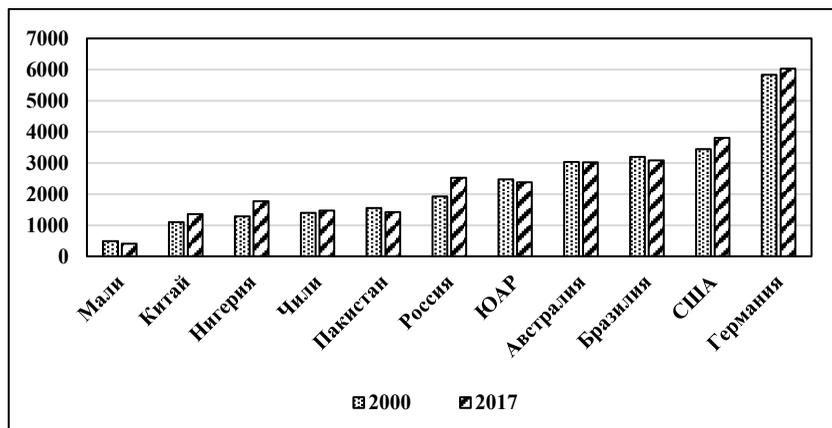
Хотелось обратить внимание, что в интенсивных системах животноводства неравномерность экономического роста в хозяйствах зависит исключительно от уровня капиталовложений и использования достижений научно-технического прогресса. Поэтому искоренение неравенства лежит в сфере государственной инвестиционной политики. В то же время традиционные системы животноводства, которые с трудом поддаются модернизации, формируют тот тип межрегионального неравенства, сглаживание которого возможно посредством перестройки социальных отношений в обществе и чрезвычайно медленными темпами.

²⁵ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. 2-е изд. Алматы, 2011.

²⁶ Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 2010. С. 289.

Сильное влияние на неравномерность экономического роста в сельском хозяйстве оказывает насыщение отрасли основным капиталом. В этой статье не будем касаться технического строения основных фондов, хотя и оно имеет принципиальные различия в странах Востока и Запада²⁷. Но сам объем основных фондов в расчете на 1000 долл. ВДС сельского хозяйства сильно варьируется между странами и регионами (см. рис. I-3.4). В 2017 г. данный показатель в Германии был в пять раз выше, чем в Китае или Пакистане, и в 15 раз выше, чем в Мали (см. рис. I-3.4).

Рисунок I-3.4. Величина основных фондов в расчете на 1000 долл. ВДС в сельском хозяйстве, долл.

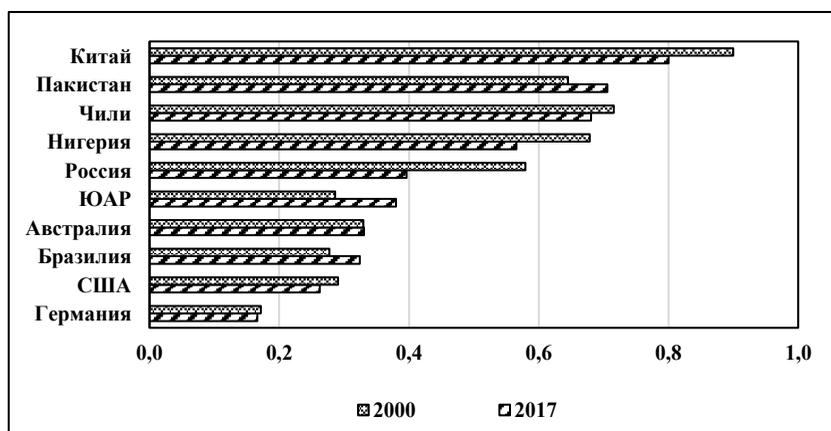
Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/CS> (06.04.2020);
<http://www.fao.org/faostat/en/#data/МК> (06.04. 2020)

Продуктивность капитала в сельском хозяйстве. Рассмотрев ранее влияние факторов производительности труда и продуктивности земли на региональную неравномерность развития мирового сельского хозяйства, обратим внимание на третий фактор –

²⁷Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., 2017. С. 88.

эффективность использования капитала в сельском хозяйстве, или фондоотдачу основных фондов. Фондоотдача (продуктивность капитала) является универсальным экономическим показателем, который показывает уровень интенсивности использования капиталовложений и зависит от организации, управления производственным процессом, уровня ресурсосбережения, срока окупаемости инвестиций. На него не должен напрямую влиять технологический способ производства²⁸.

Рисунок I-3.5. Фондоотдача ВДС сельского хозяйства в расчете на 1 долл. основных фондов, долл.

Источник: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/CS> (06.04.2020);

Примечание: Фондоотдача рассчитана как отношение ВДС сельского хозяйства, к среднегодовой стоимости основных фондов в отраслях сельское, рыбное, лесное хозяйство, оценена в долларах США.

Фондоотдача исчислена в настоящей работе как отношение ВДС сельского хозяйства к среднегодовой стоимости основных фондов в отрасли, оцененной в американских долларах. Так

²⁸ Растянкиков В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., 2017. С. 282.

как корректно вычислить коэффициент фондоотдачи в сельском хозяйстве по регионам на базе международной статистики не представляется возможным, для анализа были выбраны отдельные страны (см. рис. I-3.5).

Наиболее высоким уровнем продуктивности капитала отличается сельское хозяйство Китая, где в 2000 г. коэффициент фондоотдачи равнялся 0,9 долл. в расчете на 1 долл. стоимости основных фондов, а в 2017 г. сократился до 0,8 долл. В большинстве стран, представленных на рисунке I-3.5, коэффициент фондоотдачи был выше 0,3 долл. И только в сельском хозяйстве США фондоотдача в 2017 г. составила 0,26 долл., а в сельском хозяйстве Германии – 0,17 долл., что можно объяснить высокими вложениями капитала в перевооружение аграрного производства (см. рис. I-3.5).

Для более детального анализа эффективности аграрного производства в различных странах мира интересно изучить индекс ориентации капитала на сельское хозяйство, который представляет собой отношение удельного веса инвестиций в сельское хозяйство к удельному весу ВДС сельского хозяйства, он показывает, насколько процентов необходимо увеличить инвестиции в сельское хозяйство, для того чтобы ВДС сельского хозяйства вырос на 1%. Величина индекса >1 , свидетельствует о том, что затраты на сельское хозяйство превышают его вклад в валовой внутренний продукт. Согласно такому критерию, аграрное производство тем эффективнее, чем меньше значение индекса, что мы наблюдаем в Китае, где в 2017 г. индекс ориентации капитала на сельское хозяйство равнялся 0,46²⁹. Китай – одна из немногих стран, где отдача от вложенного в аграрный сектор капитала имеет высокие значения. Германия, где данный индекс равен 1,9, Бразилия (1,8), США (1,6) показывают очень низкую отдачу. Индекс ориентации капитала на сельское хозяйство хорошо коррелирует с

²⁹ <http://www.fao.org/faostat/en/#data/CS> (14.04.2020)

коэффициентом фондоотдачи, например, в сельском хозяйстве Китая наименьшее значение индекса и наивысшая фондоотдача (см. рис. I-3.5). Так как на сельское хозяйство Китая приходится свыше 55% всей сельскохозяйственной продукции, произведенной в Азии, фондоотдача в аграрном производстве в азиатском регионе должна быть выше, чем в других регионах мира³⁰.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что в условиях глобализации и усиления внешнеэкономических связей сельское хозяйство в странах трудосберегающего ТСП, которое переживает период научно-технического перевооружения, поддерживать конкурентоспособность может только опираясь на государственную субсидиарную помощь. Поэтому в странах ЕС и Северной Америки поддержка сельскохозяйственных производителей находится на высоком уровне. Так, в 2010-х гг. затраты на сельское хозяйство в бюджете ЕС превышали 40%, такой уровень поддержки компенсировал низкие показатели фондоотдачи. Сельское хозяйство России, развивающееся по пути трудосберегающего ТСП, для обеспечения конкурентоспособности также нуждается в эффективной государственной поддержке. Обязательным фактором развития сельского хозяйства России (в рамках модели трудосберегающего ТСП) должно стать дальнейшее увеличение производительности труда. На этом направлении Россия достигла определенных успехов, так, согласно данным таблицы I-3.3, производительность труда в сельском хозяйстве России с 2000 по 2017 гг. возросла более чем в 3 раза (при оценке в американских долларах и сопоставимых ценах 2010 г.), но на этом направлении необходимо сконцентрировать дополнительные усилия.

Рассмотрев лишь базовые модели аграрного производства, видно, что в мировой экономике отрасль сельского хозяйства показывает такое огромное разнообразие организационных форм,

³⁰ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., 2017. С. 283.

способов производства, социальных институтов, что все это стимулирует сильнейшую неравномерность социально-экономического развития, выходящую за рамки непосредственно отрасли, и оказывающую влияние на продовольственную безопасность мировой экономики.

§1.4. Неравномерность ресурсного потенциала в мировой добывающей промышленности

Характерной чертой развития мирового хозяйства является неравномерность экономического роста в различных группах стран, увеличивающаяся по мере усиления глобализации. С начала XXI в. в мировом горнодобывающем комплексе происходят два знаменательных процесса: во-первых, ускоренный рост спроса на сырьевые ресурсы, во-вторых, повышение концентрации производства ресурсов в отдельных странах или группах стран, т.е. усиление неравномерности.

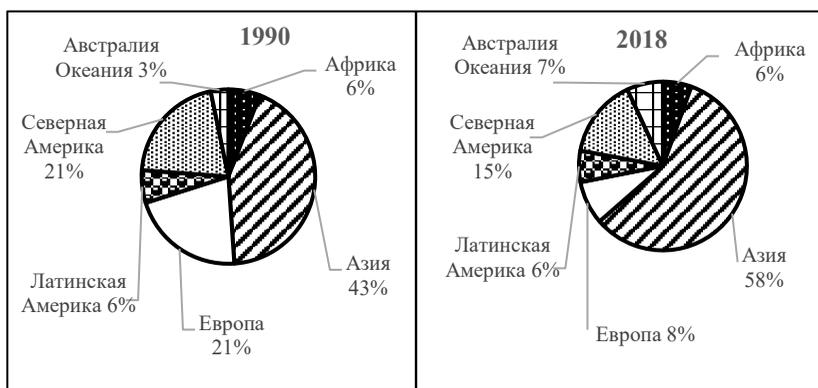
Высокая волатильность на мировом рынке ресурсов в определенной степени объясняется сильной его неравномерностью (неоднородностью) и высокой степенью концентрации стран–производителей. Развитие процессов интернационализации мировой экономики (и как результат ее глобализация), по сути, ведет к усилению неравномерности мировых рынков. Мировой рынок ресурсов, находящийся под влиянием естественных монополий, отличается чрезвычайно высокой неравномерностью, и чем выше степень концентрации стран–производителей в мировой добыче ресурсов, тем сильнее такая неравномерность.

В настоящее время так же, как и в середине 2010-х гг., на мировом рынке ресурсов – в первую очередь на рынке нефти – можно наблюдать резкие ценовые колебания, вызванные действиями естественных монополий, которые обусловлены высокой степенью концентрации стран–производителей. Как следствие ценовые импульсы, сформировавшиеся на нефтяном рынке, воздействуют на рынки других ресурсов, в частности металлов. В работе будет сосредоточено внимание на мировом горнодобывающем металлургическом комплексе, так как из-за шоков неопределенности на рынке топливно-энергетических ресурсов оценки не могут быть полностью релевантными.

С начала XXI в. роль горнодобывающего комплекса быстро движется вверх. Стимулом к этому помимо роста

«численности населения, урбанизации, социального и экономического развития» стал спрос на альтернативную энергетику, что привело к увеличению потребности в металлах и минералах. При этом здесь надо учитывать «долговременный аспект горнодобывающей промышленности», отличающей ее от других отраслей экономики¹.

Рисунок I-4.1. Процентное распределение добычи сырьевых ресурсов по регионам мира, %

Источник: World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 5.

Мировая горнодобывающая промышленность отличается неравномерностью, которая имеет в своей основе как объективные (разведанные запасы полезных ископаемых), так и субъективные (социальные, экономические, политические) причины².

За период 1990–2018 гг. произошло глобальное перераспределение добычи ресурсов из развитых стран Запада в

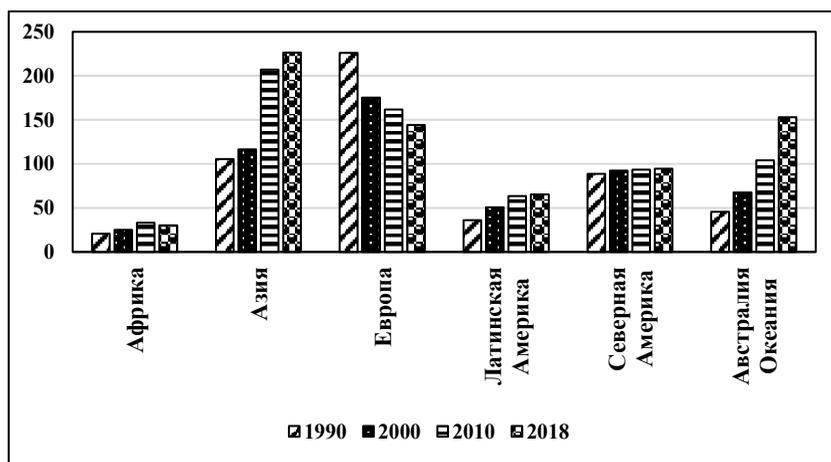
¹ Кондратьев В.Б. Роль горной промышленности в экономике // Горная промышленность. 2017 №1. С. 4.

² Кондратьев В.Б. Роль горной промышленности в экономике // Горная промышленность. 2017 №1. С. 4-13; Оганесян Л.В., Мирлин Е.Г. Проблема исчерпания минерально-сырьевых ресурсов земной коры // Горная Промышленность. 2019, №6. С. 100-105.

развивающиеся страны Востока и Австралию. Если в Азии в 1990 г. добывалось 43% всех мировых ресурсов, то в 2018 – уже 58%. Доля Австралия за 28 лет увеличилась с 3% до 7%. В то же время в Северной Америке мы видим сокращение доли добычи с 21% до 15%, а в Европе – с 21% до 8% (см. рис. I-4.1).

Если рассмотреть эффективность производства ресурсов в расчете на единицу площади и на единицу населения, то в Азии и Латинской Америке производство ресурсов на единицу площади возросло с 1990 по 2018 гг. более чем в 2 раза, а в Австралии – в 3 раза. В Европе наблюдалось резкое – в полтора раза – падение добычи ресурсов в расчете на 1 кв. км (см. рис. I-4.2).

Рисунок I-4.2. Добыча сырьевых ресурсов в расчете на единицу площади региона, тонна / 1 кв. км

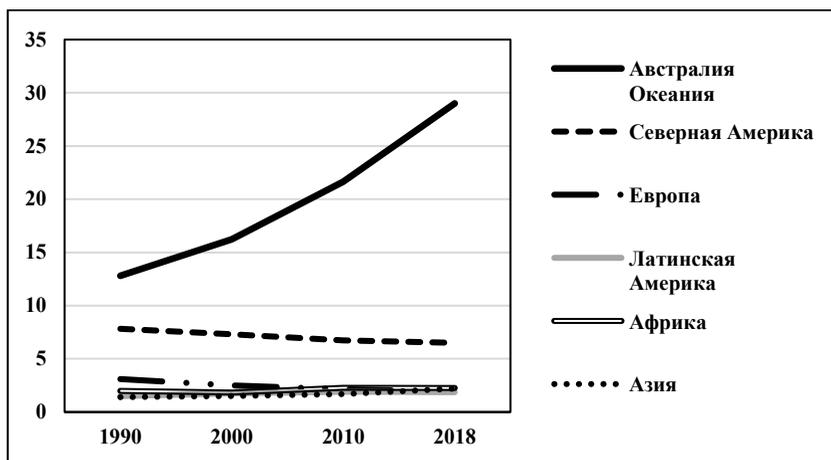

Источник: World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 6.

Внедрение новейших технологий в горнодобывающей промышленности позволили существенно увеличить производительность труда. Мировым лидером по росту производительности труда в добывающей промышленности выступает Австралия. Рисунок I-4.3 демонстрирует резкий отрыв эффективности

производства ресурсов на душу населения в Австралии от других регионов. За 28 лет в Австралии средняя добыча ресурсов на душу населения выросла с 13 до 29 тонн на человека. В Азии также наблюдался рост (с 1,4 до 2,2 тонн на человека), но совсем незначительный (см. рис. I-4.3).

Рисунок I-4.3. Добыча сырьевых ресурсов на душу населения, тонна / человека

Источник: World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 6.

При оценке степени неравномерности мирового горнодобывающего комплекса можно опираться на различные индексы. Часто в исследованиях встречается дифференциация стран по показателю вклада горнодобывающей промышленности в ВВП (валовой внутренний продукт), по ее доле в общем объеме экспорта страны, либо рассчитывается совокупный «индекс вклада горнодобывающей промышленности»³.

³ Эрикссон М., Леф О. Роль горнодобывающей промышленности в экономике отдельных стран в период с 1996 по 2016 год // Горная Промышленность. 2019, №6. С. 84.

В данной работе будет затронута несколько иная проблема неоднородности мирового горнодобывающего комплекса – будет изучена степень концентрации стран–производителей на мировом рынке ресурсов.

Для оценки степени концентрации рынков часто используются два коэффициента – индекс Херфиндаля-Хиршмана (ННІ) и индекс концентрации (СR). Изначально эти индексы были разработаны для измерения степени монополизации отрасли. Индекс Херфиндаля-Хиршмана рассчитывался как сумма квадратов долей продаж фирм на отраслевом рынке, а индекс концентрации – как сумма долей рынка, приходящаяся на продажи нескольких самых крупных компаний. Отличие этих коэффициентов состояло в том, что индекс Херфиндаля-Хиршмана учитывал структуру распределения рыночных долей ведущих компаний, а индекс концентрации – только совокупную долю продаж этих компаний в отрасли. Поэтому индекс Херфиндаля-Хиршмана более точно определял степень монополизации отрасли⁴.

В настоящей работе индекс Херфиндаля-Хиршмана (в дальнейшем – ННІ), будет применен для оценки степени концентрации стран–производителей в мировом горнодобывающем комплексе. Определяться он будет как сумма квадратов долей стран–производителей в мировой добыче определенного ресурса:

$$ННІ = S_1^2 + S_2^2 + S_3^2 + \dots + S_n^2$$
, где S_i – выраженная в процентах доля страны–производителя в мировой добыче ресурса.

В зависимости от того, какие значения принимает ННІ, формулируются следующие выводы: $ННІ < 1000$ – низкая степень концентрации в мировой добыче; $1000 \leq ННІ \leq 2000$ – концентрация средняя или умеренная; $2000 \leq ННІ \leq 10000$, то в мировой добыче наблюдается высокая степень концентрации.

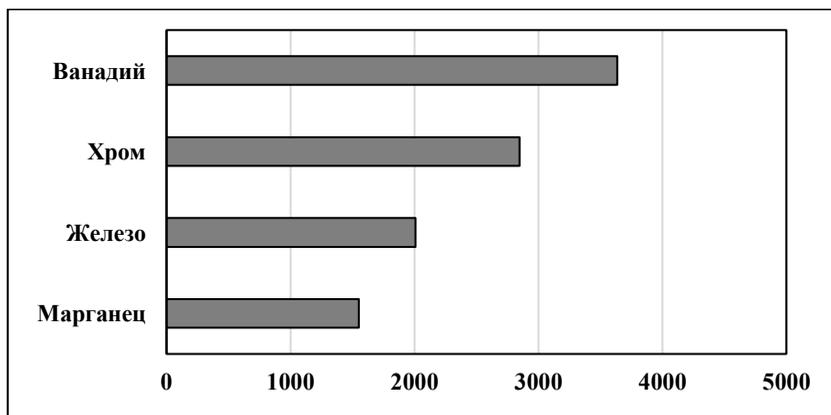
⁴ Гальперин В.М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика. Т.2. Санкт-Петербург, 1999. С. 168-173.

Дополнительно при анализе неравномерности мировых рынков сырья будет использоваться индекс концентрации (CR), определяемый как:

$CR_n = S_1 + S_2 + S_3 + \dots + S_n$, где S_i – выраженный в процентах удельный вес страны в мировой добыче ресурса. Данный индекс может рассчитываться для трех ведущих стран в мировой добыче сырья (CR3), четырех стран (CR4), пяти стран (CR5) или шести стран (CR6).

Наибольшее внимание в работе будет уделено исследованию неравномерности и концентрации стран–производителей на мировых рынках металлургического сырья.

Рисунок I-4.4. Показатель концентрации стран–производителей на рынке ресурсов черной металлургии (индекс Херфиндаля-Хиршмана), 2018 г.

Источник: World mining data 2020. Vol. 34. Vienna. 2020. С. 151-157.

Рынок ресурсов черной металлургии. В черной металлургии используется главным образом железорудное сырье, марганцевые руды и хромосодержащие руды. Особый класс составляют ферросплавы, которые применяются для создания различных видов стали и других сверхпрочных сплавов. Группа ферросплавов

включает, например, феррованадий, ферровольфрам, ферроникель, ферромolibден и другие сплавы железа с металлами или неметаллами.

Проанализировав концентрацию стран–производителей на рынках железорудного сырья, марганцевых, хромовых руд и руды ванадия (он включен в эту категорию, так как почти 95% металла используется в черной металлургии), можно увидеть, что в 2018 г. показатель ННІ для марганца составил 1551, что указывает на среднюю степень концентрации стран в его мировой добыче. Чуть более 2000 составил показатель ННІ для железорудного сырья, а для рынков руд хрома и ванадия он равнялся 2889 и 3746, соответственно – это свидетельствует о высокой концентрации стран–производителей на этих рынках (см. рис. I-4.4).

Добыча железной руды имеет наибольший вес в мировой горнодобывающей промышленности, на нее приходится почти 40% стоимости горнодобывающей металлургии⁵. Резкое повышение спроса на железную руду зафиксировано в начале 2000-х гг., так, прирост мировой добычи железной руды в 2018 г. составил 151,5% по сравнению с 2000 г.⁶. В 2018 г. в мире было добыто 1,5 млрд тонн железной руды, причем шесть стран произвели 82,1% ее объема, т.е. индекс концентрации для шести стран CR6=82,1%. Австралия, на долю которой приходилось 37,1%, занимала первое место в мире, на втором месте разместилась Бразилия (19,6%) на третьем – Китай (13,6%). Удельный вес остальных трех стран – Индии, России, ЮАР – в общемировом производстве железной руды был несколько ниже (см. табл. I-4.1).

В работе анализируется добыча железной руды в активном ее компоненте – содержании Fe. Если оценивать неочищенную руду, то в мире в 2018 г. извлекали 2,9 млрд тонн такой руды, причем первое место занимала Австралия (0,9 млрд т) а второе – Китай

⁵ Бурькин С.И. Производство и рынок минерального сырья. Екатеринбург, 2007. С. 241.

⁶ World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 6.

(0,8 млрд т), а третье – Бразилия (0,5млрд т)⁷. Но по содержанию в руде активного компонента Fe, Бразилия обгоняет Китай, что можно объяснить плохим качеством руды в месторождениях Китая и высоким уровнем нелегальной добычи⁸.

Таблица I-4.1. Ведущие страны–производители ресурсов для черной металлургии, 2018 г.

Страна	Добыча	Доля в мировом производстве, %	Страна	Добыча	Доля в мировом производстве, %
<i>Железная руда (содержание Fe), млн тонн</i>			<i>Марганцевые руды (содержание Mn), млн тонн</i>		
Австралия	562,1	37,1	ЮАР	5,6	28,0
Бразилия	293,1	19,3	Австралия	3,5	17,4
Китай	206,1	13,6	Габон	3,0	14,8
Индия	123,5	8,2	Гана	1,6	7,9
Россия	58,6	3,9	Бразилия	1,4	6,7
ЮАР	48,3	3,2	Китай	1,2	5,9
Всего по 6 странам	1291,7	82,1	Всего по 6 странам	16,3	80,6
Мировая добыча	1514,9	100,0	Мировая добыча	18,3	100,0
<i>Хромовые руды (содержание Cr₂O₃), млн тон</i>			<i>Ванадиевые руды (содержание V₂O₅), тыс. тонн</i>		
ЮАР	7,5	49,2	Китай	44,2	54,2
Казахстан	2,4	15,6	Россия	17,1	20,9
Индия	1,8	11,5	ЮАР	14,9	18,2
Турция	1,2	7,5	Бразилия	5,5	6,7
Всего по 4 странам	12,9	83,7	Всего по 4 странам	81,7	100,0
Мировая добыча	15,3	100,0	Мировая добыча	81,7	100,0

Источник: World mining data 2020. Vol. 34. Vienna. 2020. С. 153-159.

⁷ World Mineral Production 2014–2019. British Geological Survey. Nottingham. 2020. С. 34.

⁸ Растяжникова Е.В. Страны БРИКС: тренды экономического роста добывающей промышленности в XXI веке // Вопросы статистики. 2019, №5. Том 26. С. 50.

Значение марганца в черной металлургии невозможно переоценить, он используется при выплавке стали для повышения ее прочности, твердости, электро- и термосопротивляемости. Мировой рынок сырья для производства марганца в 2018 г. из всех ресурсов черной металлургии был наименее концентрирован. Марганцевые руды присутствуют как в составе железорудного сырья, так в самостоятельных месторождениях⁹.

Мировая добыча марганца в 2018 г. составляла 18,3 млн тонн. Шесть его ведущих производителей добывали 80,6% мирового объема (CR6=80,6%). Наибольшую долю производили ЮАР (28,0%), Австралия (17,4%), Габон (14,8%) и чуть меньше – Бразилия и Китай. (см. табл. I-4.1). Еще в 2017 г. на втором месте в мировом рейтинге стоял Китай с добычей 2,5 млн тонн (в эквиваленте активного элемента – Mn), но в 2018 г. добыча марганцевых руд снизилась в стране более чем вдвое. Причем по неочищенной марганцевой руды в Китае добывается 9 млн тонн, соответственно страна занимает первое место в мире¹⁰.

Незаменимым элементом при производстве легированных нержавеющей сталей является хром, его добавка существенно повышает коррозионную стойкость и твердость сплавов. Хромовые руды относительно широко распространены в земной коре, но содержание активного элемента в породах непостоянно, поэтому в настоящей работе хром оценивается по содержанию в руде Cr_2O_3 (см. табл. I-4.1). Общее производство хромовых руд в 2018 г. равнялось 15,3 млн тонн, при этом 83,7% ее добычи приходилось на четыре страны: ЮАР (49,2%), Казахстан (15,6%), Индия (11,5%), Турция (7,5%) (см. табл. I-4.1).

По разным оценкам, от 90% до 95% ванадия используется в черной металлургии. Он является одним из главных металлов для легирования стали. Помимо усиления прочности добавка

⁹ Леонтьев Л.И., Юсфин Ю.С., Малышева Т.Я. Сырьевая и топливная база черной металлургии: учебное пособие для вузов. М., 2007.

¹⁰ World Mineral Production 2014–2018. British Geological Survey. 2019. С. 47.

ванадия дает высокую термостойкость, поэтому такая сталь широко используются в военной промышленности.

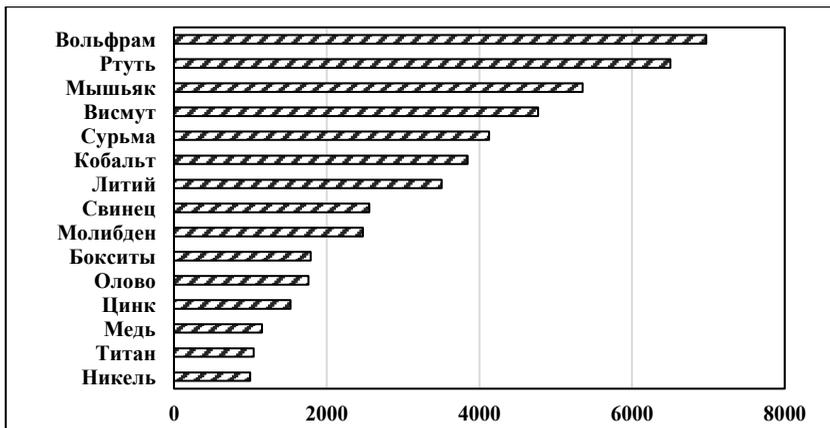
В минералах, из которых промышленным способом производится ванадий (титаномагнетит, магнетит), содержание активного элемента составляет всего 0,1%–4,9%. Из ванадиевых руд помимо ванадия извлекают титан, уран, железо, молибден, медь, свинец, фосфор, алюминий. Вся мировая добыча ванадия – 81,7 тыс. тонн в 2018 г. – была сосредоточена в четырех странах – в Китае (54,2%), России (20,9%), ЮАР (18,2%), Бразилии (6,7%), т.е. CR4=100% (см. табл. I-4.1).

Рынок ресурсов цветной металлургии. Мировой рынок сырьевых ресурсов цветной металлургии представлен более широким набором минеральных полезных ископаемых, нежели рынок базовых ресурсов черной металлургии. Но правомерно заметить, что большинство цветных металлов используется также и в технологиях черной металлургии, в частности, в процессах выплавки стали¹¹.

Степень концентрации стран–производителей на рынке ресурсов цветной металлургии показывают значительно больший разброс, чем на рынке черной металлургии. Низкий и средний уровни концентрации характерны для никеля (НИ=1176), титана (1261), меди (1190), цинка (1448), олова (1850) и бокситов (1745). Высокий уровень концентрации наблюдается на мировом рынке молибдена (2242), свинца (2169), лития (4179), кобальта (5169), сурьмы (4516), висмута (4749), и самые высокие позиции по данному показателю занимают мышьяк (5353), ртуть (6866), вольфрам (6944) (см. рис. I-4.5). Объясняется такой разброс не только наличием запасов полезных ископаемых в земной коре, но и спросом, сложившимся на мировом рынке цветных металлов.

¹¹ Леонтьев Л.И., Юсфин Ю.С., Малышева Т.Я. Сырьевая и топливная база черной металлургии: учебное пособие для вузов. М., 2007.

Рисунок I-4.5. Показатель концентрации стран–производителей на рынке ресурсов цветной металлургии (индекс Херфиндаля-Хиршмана), 2018 г.

Источник: World mining data 2020. Vol. 34. Vienna. 2020. С. 157-167.

Быстрый рост горнодобывающего комплекса цветной металлургии начался с 2000-х гг. Прирост мировых объемов добычи цветных металлов составил 99,6% за период 2000–2018 гг. Причем в 2018 г. в отрасли 99,2% совокупного производства приходилось на четыре металла – алюминий, медь, цинк, свинец¹².

В 2018 г. в мире было добыто 20,5 млн тонн меди, при этом 64,5% добывалось в шести стран (CR6=64,5%): Чили (28,5%), Перу (11,9%), Китае (7,6%), США (6,0%), Демократической Республике Конго (6,0%) и Австралии (4,5%) (см. табл. I-4.2). К настоящему времени возникла и набирает обороты проблема исчерпания месторождений меди с высоким содержанием активного компонента, что привело к повышению экологических стандартов для карьерных разработок¹³.

¹² World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 7.

¹³ Кондратьев В.Б., Попов В.В., Кедрова Г.В. Глобальный рынок меди // Горная Промышленность. 2019, №4. С.100-101.

Таблица I-4.2. Ведущие страны–производители ресурсов
в цветной металлургии, 2018 г.

Страна	Добыча	Доля в мировом производстве, %	Страна	Добыча	Доля в мировом производстве, %
<i>Медь, млн тонн</i>			<i>Бокситы, млн тонн</i>		
Чили	5,8	28,5	Австралия	95,9	28,7
Перу	2,4	11,9	Китай	70,0	20,9
Китай	1,5	7,6	Гвинея	59,6	17,8
США	1,2	6,0	Бразилия	32,0	9,6
Конго, Д.Р.	1,2	6,0	Индия	23,1	6,9
Австралия	0,9	4,5	Всего по 5 странам	280,6	83,8
Всего по 6 странам	13,0	64,5	Мировая добыча	335,0	100,0
Мировая добыча	20,5	100,0			
<i>Цинк, млн тонн,9</i>			<i>Свинец, млн тонн</i>		
Китай	4,2	32,9	Китай	2,0	43,8
Перу	1,5	11,7	Австралия	0,4	9,3
Австралия	1,1	8,8	Перу	0,3	6,2
Индия	0,8	6,5	США	0,3	6,0
США	0,7	6,4	Всего по 4 странам	3,0	65,4
Всего по 5 странам	8,3	65,6	Мировая добыча	4,6	100,0
Мировая добыча	12,6	100,0	<i>Никель (содержание Ni), тыс. тонн</i>		
<i>Титановые минералы (содержание TiO₂), тыс. тонн</i>			Индонезия	545,0	24,2
Китай	1932,0	26,3	Филиппины	344,0	15,3
ЮАР	1000,0	13,6	Россия	218,0	9,7
Австралия	875,0	11,9	Новая Зеландия	216,2	9,6
Канада	620,0	8,4	Канада	180,0	8,0
Всего по 4 странам	4427,0	60,2	Австралия	160,9	7,1
Мировая добыча	7351,9	100,0	Всего по 6 странам	1664,1	73,8
<i>Литий (содержание Li₂O), тыс. тонн</i>			Мировая добыча	2256,2	100,0
Австралия	114,9	60,6	<i>Кобальт, тыс. тонн</i>		
Чили	38,9	20,5	Конго Д.Р.	111,7	71,4

Аргентина	13,8	7,3	Канада	5,6	3,6
Всего по 3 странам	167,6	88,3	Всего по 2 странам	117,3	75,0
Мировая добыча	189,7	100,0	Мировая добыча	156,5	100,0

Источник: World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 157-166.

Бокситы (основной вид алюминиевого сырья) обеспечивают 98% мирового производства глинозема, из которого получают первичный алюминий. Месторождения бокситов распределены в земной коре крайне неравномерно, основные их ресурсы сосредоточены в странах с тропическим климатом¹⁴.

В мировых масштабах в 2018 г. было добыто 335,0 млн тонн бокситов, и 83,8% их объема приходилось на пять стран: Австралию (28,7%), Китай (20,9%), Гвинею (17,8%), Бразилию (9,6%), Индию (6,9%) (см. табл. I-4.2). Совокупное производство первичного алюминия из бокситов и другого алюминиевого сырья составило 63,2 млн тонн, причем страны–лидеры по его производству были Китай, который произвел 56,6% всего алюминия, Россия и Индия¹⁵.

Цинк в природе находится в составе 66 минералов, соответственно концентрация его производителей на мировом рынке достаточно низкая. В мире в 2018 г. было добыто 12,6 млн тонн цинка. Пять стран, ставшие лидерами на мировом цинковом рынке, произвели 65,2% – это Китай (32,9%), Перу (11,7%), Австралия (8,8%), Индия (6,5%), США (6,4%) (см. табл. I-4.2).

Производители свинца остро столкнулись с ужесточением экологических стандартов. В связи с этим только менее половины мирового спроса на свинец может быть удовлетворено за счет добычи из руды, остальные потребности в свинце обеспечивает

¹⁴ Общие основы получения цветных металлов. Отв. ред. А.Н. Бурухин. М., 2005.

¹⁵ World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 159.

переработка вторичного сырья (металлолома)¹⁶. В 2018 г. производство свинца из руды составило 4,6 млн тонн, причем 65,4% добычи было распределено между четырьмя странам (CR4=65,4%): Китаем (43,8%), Австралией (9,3%), США (6,2%), Перу (6,0%) (см. табл. I-4.2).

Никель благодаря высоким антикоррозийным свойствам используется в основном для изготовления различных сплавов, в целом на эти цели уходит 80% всего добываемого металла, при этом 65% никеля используется для производства нержавеющей стали¹⁷. С 2017 г. в мире наблюдался взрывной рост спроса на никель, в первую очередь со стороны Индонезии для изготовления нержавеющей стали. Например, в 2016 г. добыча никеля (содержание металла) в Индонезии составляла 179 тыс. т, в 2017 г. – 363 тыс. т, в 2018 г. – 545 тыс. т, а в 2019 г. – около 800 тыс. тонн¹⁸.

В 2018 г. совокупная добыча никеля (содержание металла) в мире равнялась 2,3 млн тонн. На шесть стран приходилось 73,8% всего объема производства (CR6=73,8%): Индонезия (24,2%), Филиппины (15,3%), Россия (9,7%), Новая Каледония (9,6%), Канада (8,0%) и Австралия (7,1%) (см. табл. I-4.2). Но если оценивать по индексу Херфиндаля-Хиршмана, то по странам–производителям никеля наблюдалась достаточно слабая степень концентрации (см. рис. I-4.5).

Титан – один из самых распространенных металлов в земной коре. Используемый в виде сплавов, он является важнейшим элементом кораблестроения, ракето- и самолетостроения, также находит широкое применение в реакторах и военной технике. Мировая добыча титана (содержание TiO₂) в 2018 г. составляла

¹⁶ Новая система производительных сил и страны Востока. Отв.ред. А.В. Акимов, С.А. Панарин. М. 2019. С. 130.

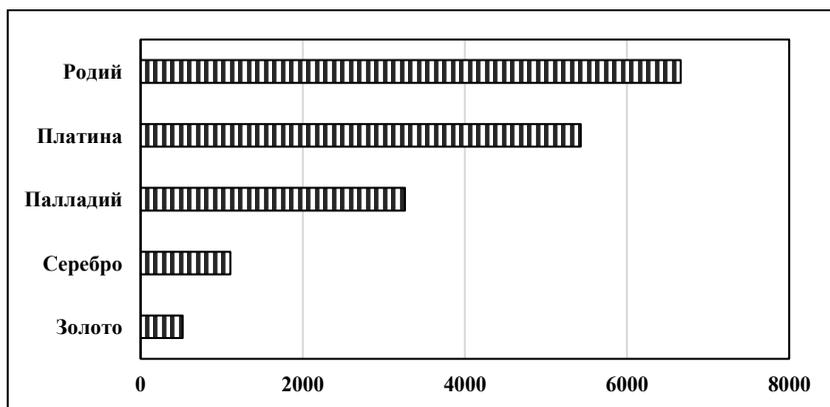
¹⁷ Никель. Т. 2. Окисленные никелевые руды. Характеристика руд. Пирометаллургия и гидрометаллургия окисленных никелевых руд. Отв.ред. И. Д. Резник, Г. П. Ермаков, Я. М. Шнейерсон. М. 2004.

¹⁸ <https://www.statista.com/statistics/260757/indonesian-mine-production-of-nickel-since-2006/> (28.03.2020)

7,4 млн тонн. Основную долю производят четыре страны: Китай (26,3%), ЮАР (13,6%), Австралия (11,9%), Канада (8,4%), т.е. CR4=60,2% (см. табл. I-4.2).

Последнее десятилетие мир наблюдает резкое увеличение спроса на кобальт и литий как ключевые ресурсы для производства аккумуляторной техники. Если в 2007 г. из месторождений извлекалось 60 тыс. тонн кобальта, то в 2018 г. этот показатель поднялся до 156,5 тыс. тонн. Производство лития (содержание Li_2O) в 2007 г. было 59 тыс. тонн, а в 2018 г. увеличилось до 189,7 тыс. тонн¹⁹. Добыча лития сконцентрирована в трех странах – Австралии, Чили, Аргентине, на долю которых приходится 88,3% всей мировой добычи (CR3=88,3%). Добыча кобальта на 75% сосредоточена в двух странах – Демократической Республике Конго, где добывалось в 2018 г. 71,4% сырья, и Канаде, доля которой составляет 3,6% мирового объема (т.е. CR2=75%) (см. табл. I-4.2).

Рисунок I-4.6. Показатель концентрации стран–производителей на рынке ресурсов благородных металлов (индекс Херфиндаля-Хиршмана), 2018 г.

Источник: World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 169-173.

¹⁹ World Mineral Production 2005–2009. British Geological Survey. Nottingham. 2010. С. 27; World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 152-163.

Рынок ресурсов благородных металлов. Мировой рынок благородных металлов в 2018 г. показал слабую степень концентрации стран–производителей – для золота ННІ=512, а для серебра ННІ = 1235. В то же время добыча платины (ННІ=5463) палладия (ННІ=3176) и родия (ННІ=6713) отличалась сильной неравномерностью и высокой степенью концентрации (см. рис. I-4.6).

Добыча золота, распределенная достаточно равномерно между странами, в 2018 г. составляла 3367,6 тыс. кг, при этом шесть ведущих стран добывали 46,2% мирового объема – CR6=46,2%. Лидерами являлись Китай (11,9%), Австралия (9,3%), Россия (8,3%), США (6,7%), Канада (5,6%), Гана (4,4%) (см. табл. I-4.3). ЮАР, которая еще в 2013 г. занимала третье место в мировом рейтинге производителей золота, в 2018 г. опустилась на 10 место²⁰.

Мировой рынок серебра, имевший чуть более высокую степень концентрации, чем золото, в последние годы отмечался понижательным трендом. Проявился этот тренд в первую очередь в падении спроса на промышленное серебро. В 2018 г. несколько изменились лидеры в мировом рейтинге стран–производителей серебра, так, Австралия, которая входила в шестерку лидеров, отступила на восьмое место, пропустив вперед Польшу. В 2018 г. объем мировой добычи серебра составлял 27,7 млн кг, на шесть стран–лидеров приходилось 68,5% всей добычи, т.е. CR6=68,5%. В мировом рейтинге места распределились в следующем порядке: Мексика (26,2%), Перу (15,0%), Китай (12,9%), Чили (5%), Россия (4,9%), Польша (4,6%) (см. табл. I-4.3).

Добыча платины и родия является очень высококонцентрированной в мировом горнодобывающем комплексе. Мировое производство платины в 2018 г. составило 189,1 тыс. кг, из которых 91,6% было добыто в трех странах: ЮАР (72,1%), Россия (11,3%) и Зимбабве (7,8%). Совокупная добыча родия равнялась 22,9 тыс. кг, и три страны разделили между собой 96,3% всего

²⁰ World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 169-171.

объема: ЮАР (81,1%), Россия (9,4%), Зимбабве (5,8%) (см. табл. I-4.3). В 2019 г. на мировом рынке резко увеличился спрос на родий, что повлекло за собой рост мировых цен, скачок цен, начавшийся в 2017 г., к настоящему времени побил все рекорды. Если в 2017 г. 1 тройская унция стоила около 1 тыс. долл., то в январе-феврале 2020 г. она поднималась свыше 13 тыс. долл. Такой же выброс, хотя и менее значительный, наблюдался в финансовый кризис 2008–2009 гг.²¹.

Таблица I-4.3. Ведущие страны–производители ресурсов благородных металлов, 2018 г.

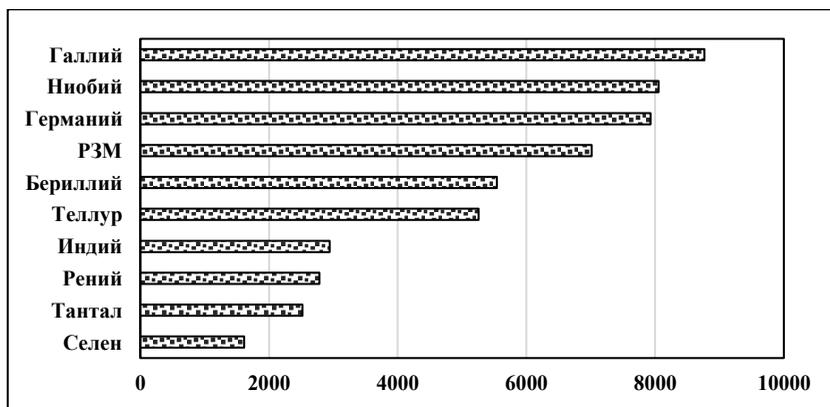
Страна	Добыча	Доля в мировом производстве, %	Страна	Добыча	Доля в мировом производстве, %
<i>Золото, тыс. кг</i>			<i>Серебро, тыс. кг</i>		
Китай	401,1	11,9	Мексика	7243,2	26,2
Австралия	313,0	9,3	Перу	4162,7	15,0
Россия	279,9	8,3	Китай	3573,8	12,9
США	226,0	6,7	Чили	1370,2	5,0
Канада	186,9	5,6	Россия	1349,9	4,9
Гана	149,0	4,4	Польша	1264,0	4,6
Всего по 6 странам	1555,9	46,2	Всего по 6 странам	18963,8	68,5
Мировая добыча	3367,6	100,0	Мировая добыча	27698,4	100,0
<i>Платина, тыс. кг</i>			<i>Родий, тыс. кг</i>		
ЮАР	137,1	72,5	ЮАР	18,6	81,1
Россия	21,4	11,3	Россия	2,1	9,4
Зимбабве	14,7	7,8	Зимбабве	1,3	5,8
Всего по 3 странам	173,2	91,6	Всего по 3 странам	22,0	96,3
Мировая добыча	189,1	100,0	Мировая добыча	22,9	100,0

Источник: World mining data 2020. Vol. 34. Vienna. 2020. С. 167-171.

²¹ https://gold-silver.com.ua/rhodium/price_rhodium.html (26.03.2020)

Рынок ресурсов радиоактивных металлов представлен ураном, имевшим относительно высокую степень концентрации (ННІ = 2067). Мировая добыча урана (содержание U_3O_8) в 2018 г. равнялась 65,3 тыс. тонн., причем 87% объема добывало шесть стран: Казахстан (39,2%), Канада (12,6%), Австралия (10,6%), Намибия (10%), Узбекистан (9,3%), Нигер (5,3%). Россия, которая еще в 2013 г. входила в шестерку стран–лидеров, откатилась на 7 место²².

Рисунок I-4.7. Показатель концентрации стран–производителей на рынке ресурсов редких металлов (индекс Херфиндаля-Хиршмана), 2018 г.

Источник: World mining data 2020. Vol. 34. Vienna. 2020. С. 157-167.

Рынок ресурсов редких, рассеянных и редкоземельных металлов. Большинству редких в том числе рассеянных и редкоземельных металлов присуща чрезвычайно высокая степень концентрации в сфере производства. Селен – единственный металл в данной группе, добыча которого относительно широко распределена по странам мира (ННІ=1550). Степень концентрации производства остальных металлов имеет более высокий показатель: для тантала

²² World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 195–196.

НИИ=2069, рения – 3671, индия – 3182, теллура – 5677, бериллия – 5117, для всех редкоземельных металлов НИИ=6516, германия – 7985, ниобия – 8125 и галлия НИИ=8925 (см. рис. I-4.7). Таких высоких показателей не было отмечено ни в одной из предыдущих групп металлов, по существу, название группы и объясняется их редкостью²³.

Таблица I-4.4. Ведущие страны–производители ресурсов редких и редкоземельных металлов, 2018 г.

Страна	Добыча	Доля в мировом производстве, %	Страна	Добыча	Доля в мировом производстве, %
<i>Ниобий (содержание Nb₂O₅), тыс. тонн</i>			<i>Редкоземельные металлы, тыс. тонн</i>		
Бразилия	83,0	89,8	Китай	120,0	73,2
Канада	7,7	8,3	Австралия	18,6	11,3
Россия	0,9	1,0	США	18,0	11,0
Всего по 3 странам	91,6	99,1	Всего по 3 странам	156,6	95,5
Мировая добыча	92,5	100,0	Мировая добыча	163,9	100,0

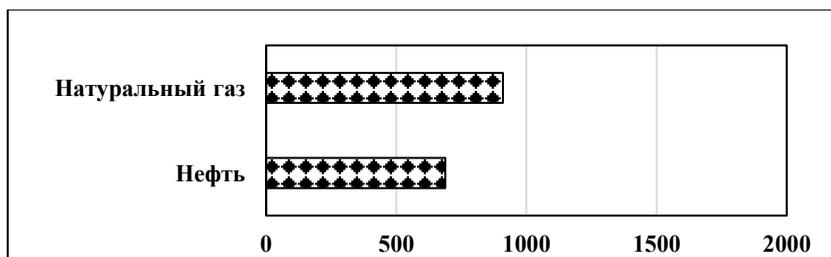
Источник: World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 157-166.

Ниобий, мировая добыча которого в 2018 г. составила 92,5 тыс. тонн, производится в основном трех странах – в Бразилии (89,8%), Канаде (8,3%), России (1%). Таким образом, CR3=99,1%. Наибольшее количество галлия в 2018 г. 305 тонн (94,4%) добывалось в Китае, при этом вся его мировая добыча составляла 323 тонны. Добыча редкоземельных металлов в 2018 г. была сконцентрирована в трех странах – Китае (73,2%) и Австралии (11,3%), США (11,0%) т.е. CR3=95,5% (см. табл. I-4.4). Новым игроком на рынке редкоземельных металлом стали США, они в 2018 г. ворвались в тандем производителей – Китай и Австралию.

²³ Кондратьев В.Б. Глобальный рынок редкоземельных металлов // Горная промышленность. 2017, №4. С. 48; Юшина Т.И., Петров И.М., Гришаев С.И., Черный С.А. Обзор рынка РЗМ и технологий переработки редкоземельного сырья // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2015. №S1. С. 577-608.

Для сравнения с мировым горнодобывающим комплексом имеет смысл привести пример нефтегазовой отрасли, в которой концентрация стран–производителей показывает низкие значения, например, для нефти $HHI=738$, а для натурального газа $HHI=957$ (см. рис. I-4.8).

Рисунок I-4.8. Показатель концентрации стран–производителей на рынке ресурсов топливно–энергетических ресурсов (индекс Херфиндаля-Хиршмана), 2018 г.

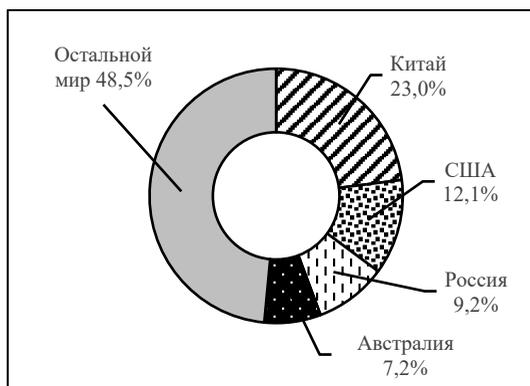

Источник: World mining data 2020. Vol. 34. Vienna. 2020. С. 190-192.

Проанализировав концентрацию стран–производителей на мировом рынке ресурсов, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, неравномерность производства сырьевых ресурсов в мире чрезвычайно сильна – в 2018 г. четыре страны добывали более половины (51,5%) всех минеральных ресурсов в мире. Этими странами были Китай (23,0%), США (12,1%), Россия (9,2%), Австралия (7,2%) (см. рис. I-4.9). В мировом металлургическом комплексе в 2018 г. выделялись 3 страны – Китай, который являлся крупнейшим производителем алюминия, молибдена, золота, титана, вольфрама, ванадия, цинка, олова, сурьмы, ртути, бериллия, мышьяка, кадмия, галлия, индия, теллура, рения, редкоземельных металлов, Австралия, бывшая одним из лидеров по добыче железной руды, бокситов, лития, марганца, магния, золота, титана, урана, и Россия, входившая в пятерку ведущих стран по производству никеля, железной руды, золота, родия, палладия, платины, вольфрама, ванадия, алюминия, сурьмы и др.

Рисунок I-4.9. Четыре страны–лидера в производстве минеральных ресурсов

Источник: World mining data 2020. Vol. 35. Vienna. 2020. С. 6

Во-вторых, при анализе неравномерности горнодобывающей отрасли следует учитывать долговременный характер технологических и экономических изменений, которые могут происходить в ней. Объясняется это высокими капиталовложениями в модернизацию отрасли, окупаемость которых занимает весьма длительный период. Вследствие этого показатели концентрации стран–производителей в отрасли, приведенные в данной статье, носят весьма стабильный параметр.

В-третьих, исследовав неравномерность горнодобывающей отрасли со стороны предложения, хотелось бы отметить, что аналогичный показатель со стороны спроса не менее высок. Тем более, что часто добыча ресурсов осуществляется в одних странах, а обогащение и первичная переработка, которые также входят в горнодобывающий комплекс, сосредоточены в других странах. Эта проблема в значительной степени упирается в дихотомию развивающиеся vs развитые страны.

§1.5. Роль распределенной электрической генерации в ликвидации региональных диспропорций развития стран Азии и Африки

Распределенная энергетика (distributed energy) – это производство электрической энергии на мощностях, расположенных в непосредственной близости от потребителя и подключенных непосредственно к нему, либо к локальной распределительной сети (micro-grid). Тип, мощность, принадлежность мощностей значения не имеют. Распределенная энергетика развивается значительно быстрее энергетики централизованной. В 2016–2021 гг. ожидается рост глобального рынка технологий распределенной энергетики с 69,9 млрд долл. до 109,5 млрд долл. при среднегодовом приросте 9,5%¹. К 2030 г. 75% новых подключений, по мнению Международного энергетического агентства (МЭА), придется на распределенные источники².

Число людей, получивших доступ к электроснабжению через внедрение систем распределенной генерации, увеличилось с 20 млн в 2011 г. до 152 млн в 2017 г.³. Из этого числа 95 млн чел. – жители Азии и 55 млн чел. – Африки, то есть стремительное распространение распределенной энергетики на 98% шло за счёт населения афро-азиатских стран⁴.

Опережающие темпы развития распределенной энергетики в афро-азиатских странах вызвали стремительный рост доли распределенной генерации в выработке электроэнергии. В Африке распределенная генерация растет в 16 раз быстрее

1 BNEF - 4 Q 2018 Off-Grid and Mini-Grid Market Outlook, <https://mediun.com/climateescape/4q-2018-off-grid-and-mini-grid-market-outlook-1dace7fc9087>

2 World Energy Outlook. P., IEA, 2018, P. 241

3 Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019, P. 136.

4 Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019, P. 136.

централизованной⁵. В результате афро-азиатские страны за несколько последних лет выдвинулись на передовые позиции по доле распределенной генерации в выработке электроэнергии (см. табл. I-5.2).

Таблица I-5.1. Ведущие страны мира по продажам оборудования для распределенной энергетики (2016 г.)

Страна	Объём продаж, млн ед.	Доля на мировом рынке, %
Индия	3,1	37
Кения	1,2	15
Эфиопия	0,5	6
Уганда	0,4	5
Танзания	0,4	5
Монголия	0,4	5

Источник: Global Off-Grid Solar Market Report. Utrecht, The Netherlands, 2017.

Таблица I-5.2. Ведущие страны мира по доле распределенной генерации в производстве электроэнергии (2016 г.)

Страна	Доля распределенной генерации, %
Бангладеш	9
Монголия	8
Непал	6
Фиджи (Океания)	5
Руанда	4
Уганда	3

Источник: Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019.

Причиной опережающего роста распределенной генерации в Азии и Африке является необходимость скорейшей электрификации с минимальными затратами многочисленных обширных удаленных и малоосвоенных территорий. Децентрализованное, автономное развитие в них возобновляемой энергетики имеет целый

⁵ Developing Distributed Generation in Africa. <https://www.clarke-energy.com>

ряд неоспоримых выгод. Поскольку агрегаты малой альтернативной энергетики компактны и уже готовы к эксплуатации, нет необходимости в масштабном строительстве, подвозе габаритного оборудования и стройматериалов, специальном строительстве дорог.

Таблица I-5.3. Состояние и перспективы электрификации удаленных районов Азии и Африки, замены в них традиционной биомассы на новые возобновляемые источники энергии для отопления и приготовления пищи.

Страна	Электрификация села, %		Население, использующее традиционную биомассу для приготовления пищи и отопления, %	Доля ВИЭ в приготовлении пищи и отоплении, %	
	2015 г.	Планы		2015 г.	Планы
Бангладеш	61	100 к 2021 г.	89	0	5 к 2025 г.
Вьетнам	97	100 к 2020 г.	47	1	8 к 2030 г.
Камбоджа	39	75 к 2030 г.	88	0	4 к 2025 г.
КНДР	26	90 к 2018 г.	46	1	5 к 2020 г.
Индия	80	100 к 2035 г.	39	1	7к 2035 г.
Индонезия	79	90 к 2030 г.	39	0	10 к 2030 г.
Йемен	46	90 к 2030	32	0	9 к 2030 г.
Мавритания	28	55 к 2025 г.	80	0	5 к 2025 г.
Монголия	90	100 к 2025 г.	63	0	10 к 2025 г.
Мьянма	38	-	93	0	6 к 2035 г.
Непал	76	-	86	0	5 к 2030 г.
Пакистан	73	100 к 2030 г.	58	1	15 к 2030 г.
САР	93	100 к 2025 г.	7	1	18 к 2035 г.
Таиланд	89	-	24	2	15 к 2023 г.
Филиппины	80	-	54	1	15 к 2030 г.
Шри-Ланка	94	100 к 2020 г.	74	1	10 к 2025 г.
Эфиопия	27	90 к 2030 г.	97	0	-
Танзания	33	90 к 2030	94	0	-
Уганда	19	-	96	0	-
Руанда	16	-	99	0	-
Нигерия	29	-	85	0	-

Источник: Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2017., World Energy Outlook. P., IEA, 2018.

Таблица I-5.4. Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии и экологически чистым способам приготовления пищи в регионах мира

Регионы	Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии, %		Доля населения, использующего экологически чистые способы приготовления пищи, %	
	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.
Развивающиеся страны мира	74	83	45	54
Развивающиеся страны Азии	79	91	42	56
Развивающиеся страны Африки	43	52	27	29

Источник: ОЕСП/IEA "Sustainable development Goal 7: Access to clean cooking"
<https://www.iea.org/sdg/cooking/>.

Таблица I-5.5. Электрификация стран Азии и Африки

Страна	Электрификация, %, 2014 г.		Планы правительства
	Город	Село	
Бангладеш	90,7	52,4	96% к 2020 г.
Камбоджа	96,8	49,2	70% к 2030 г.
Вьетнам	99,10%	62,30%	100% к 2025 г.
Таиланд	98,4	65,8	100% к 2023 г.
Лаос	94,7	68,1	90% к 2020 г.
Мьянма	85,7	49,8	80% к 2030 г.
Индонезия	98,7	62,9	100% к 2025 г.
Филиппины	97,3	82,5	100% к 2022 г.
Индия	98,3	70	100% к 2019 г.
КНР	99,7	75,9	100% к 2022 г.
Пакистан	98,9	73,8	100% к 2023 г.
Непал	87,9	48,1	90% к 2025 г.
Бутан	76,7	43,6	90% к 2030 г.
Вост. Тимор	63	37	100% к 2030 г.
Эфиопия	87	38	100% к 2035
Танзания	84	37	90% к 2025
Уганда	80	31	90% к 2030
Нигерия	86	41	100% к 2030
Руанда	74	27	90% к 2028

Источник: Asia-Pacific Progress in Sustainable Energy. N.Y., U.N., ESCAP, 2017, World Energy Outlook. P., IEA, 2017

Нет также необходимости в подключении объектов «малой» энергетики к электросетям и в строительстве ЛЭП, что снижает капитальные затраты, а также потери в сетях (которые достигают до 20% генерируемой электроэнергии). Исключение традиционной биомассы из домашнего энергоснабжения уменьшает масштабы дефорестации и выбросов диоксида углерода.

Почти исключительно за счет внедрения распределенной генерации количество жителей афро-азиатских стран, лишенных доступа к электроэнергии сократилось с 1,2 млрд чел. в 2013 г. до 990 млн чел. в 2018 г., а степень электрификации их сельских районов увеличилась за тот же период в 1,3 раза⁶. Однако поле деятельности в этой области остаётся обширным: наряду с почти полностью неэлектрифицированными странами, где подавляющее большинство населения лишено доступа к электроэнергии (Южный Судан – 98%, ЦАР – 97%, Чад – 92%) в четвертой экономике мира Индии 176 млн чел. все еще живут без электричества, в ядерной державе Пакистане – 52 млн человек⁷.

Данные таблицы I-5.4, свидетельствуя об успехах афро-азиатских стран в области электроснабжения, говорят и об отставании приобщения населения к современным способам приготовления пищи от электрификации. Более того, показатели, касающиеся доступа населения к электрической энергии, значительно отстают от официальных данных об электрификации стран (см. табл. I-5.5).

Имея доступ к электричеству, миллионы жителей Азии и Африки часто не используют этот легкий в обращении и экологически чистый вид энергии для бытовых нужд. Причем, чем более энергоёмким является вид хозяйственной деятельности, тем в меньшей степени используется в нем электрическая энергия (см. табл. I-5.6).

6 Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019, PP. 134-135

7 Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019, PP. 134-135

Таблица I-5.6. Структура потребления энергии домохозяйствами стран Азии, %

Страна	Электроэнергия		Дрова		Солома, навоз		Уголь		Баллонный газ, керосин	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Азербайджан	15	18	1	1	-	-	-	-	84	81
Армения	17	16	1	10	1	2	-	-	81	80
Афганистан	15	-	23	69	8	29	3	-	51	2
Бангладеш	-	-	51	49	15	51	-	-	44	-
Бутан	4	1	42	61	11	19	-	-	43	19
Индия	14	8	20	74	2	4	2	-	62	14
Индонезия	1	1	34	85	1	1	-	-	64	13
Казахстан	18	9	1	5	1	19	12	9	68	58
Киргизстан	16	6	4	9	2	9	-	-	78	76
КНР	18	1	4	61	1	7	30	21	49	9
Камбоджа	3	1	18	69	1	29	-	-	78	1
Лаос	15	3	29	75	2	11	-	-	54	11
Монголия	41	2	28	42	5	43	26	13	-	-
Мьянма	12	-	29	87	-	1	58	12	1	-
Таиланд	34	8	15	71	-	10	4	6	45	6
Пакистан	1	1	16	63	12	24			58	12
Филиппины	1	1	10	61	-	-	21	8	68	30
Непал	1	-	27	90	5	7	-	-	67	3
Вост. Тимор	1	1	34	81	1	8	-	-	64	10
Шри Ланка	1	1	39	87	-	-	-	-	60	12

Источник: Asia-Pacific Progress in Sustainable Energy. N.Y., U.N., ESCAP, 2017

Данные таблицы I-5.6 указывают на крайнее несоответствие структуры потребления энергии домохозяйствами уровням их электрификации, которые в афро-азиатских странах уже достигли 80-90%.

Причина кроется в бедности основной массы как сельского, так и городского населения; 95% населения стран Азии не в состоянии платить за потребленную электроэнергию более

1,5 долл. в сутки⁸. Это соответствует около 80 кВт·ч купленной за один месяц электрической энергии и эта сумма формируется, как правило, следующим образом: 10-20 кВт·ч приходится на функционирование небольшого холодильника, 10-20 кВт·ч – на освещение, 3–5 кВт·ч – на работу маломощного вентилятора, 3–5 кВт·ч – телевизора, 40 кВт·ч – небольшого ирригационного насоса⁹.

Кухонная же электрическая плита потребляет в 2-3 раза больше электроэнергии, чем все перечисленные электроприборы вместе взятые. Её эксплуатация обходится, в среднем, в 350 долл. в год¹⁰. Поэтому этот важнейший атрибут современного энергопотребления остаётся за пределами возможностей большинства домохозяйств в азиатских странах. По той же причине в сельской местности для большинства азиатских стран практически исключено отопление (там, где оно нужно) современными энергоносителями. В результате, по состоянию на 2014 г., 2,1 млрд чел. в Азии (853 млн чел. в Индии, 586 млн чел. в Китае, 143 млн чел. в Бангладеш, 110 млн чел. в Индонезии, 102 млн чел. в Пакистане) были лишены доступа к современным способам приготовления пищи и отопления¹¹.

Начало широкого внедрения распределенной генерации инициировало стремительные изменения в бытовом энергопотреблении в пользу электрической энергии. Электроэнергия, за которую не надо платить, генерируемая личным или коллективным солнечным, биогазовым, ветряным или гидравлическим модулем, избавляет от необходимости покупать керосин или заготавливать (часто незаконно) дрова. Актуальная еще 30 лет тому назад необходимость "срубить последний куст чтобы вскипятить воду" постепенно уходит в прошлое. Афро-азиатские государства

8 Asia-Pacific Progress in Sustainable Energy. N.Y., U.N., ESCAP, 2017. p. 23

9 Asia-Pacific Progress in Sustainable Energy. N.Y., U.N., ESCAP, 2017, pp.23-24

¹⁰ Asia-Pacific Progress in Sustainable Energy. N.Y., U.N., ESCAP, 2017, p. 23

¹¹ World Energy Outlook. P., IEA, 2011, pp. 48-49

выдвинулись на передовые позиции в мире по продажам электрических кухонных плит.

Таблица I-5.7. Ведущие страны мира по продажам электрических кухонных плит.

Страна	Продажи кухонных плит (млн ед.)		
	2014 г.	2015 г.	2017 г.
Китай	5,7	10,6	12,9
Индия	2,2	3,2	4,1
Эфиопия	1,8	1,9	2,1
Нигерия	0,8	0,9	1,1
Бангладеш	0,5	0,7	0,9
Филиппины	0,5	0,6	0,8

Источник: Renewable Energy Review. P., IRENA, 2019

Таблица I-5.8. Ведущие страны мира по продажам оборудования для распределенной солнечной генерации

Страна	Объём продаж, млн ед.		Годовой прирост, %
	2017 г.	2018 г.	
Индия	2,3	2,5	12
Кения	0,9	1,2	39
Эфиопия	0,4	0,5	31
Нигерия	0,1	0,2	33
Бангладеш	0,1	0,2	29

Источник: Global Off-Grid Solar Market. Utrecht, The Netherlands, 2019.

Распределенная генерация на основе возобновляемых источников энергии инициировала революцию в энергопотреблении огромных масс населения афро-азиатских стран. "Бесплатная" электроэнергия сняла ограничения на использование некогда недоступных энергоёмких устройств. Огромное значение для сельского хозяйства удаленных районов имеет внедрение электрических насосов, подающих воду на поля и для бытовых нужд. В Индии, например, число электронасосов, питающихся от

распределенных солнечных батарей, выросло в 2014–2018 гг. в 16 раз¹². За этот же период было смонтировано более 100 внесетевых холодильников, что позволило повысить сохранность урожая в 4 раза¹³. В Танзании и Замбии широкое распространение получают "солнечные мельницы". Мощный импульс получили продажи кондиционеров, вентиляторов, холодильников, электронных гаджетов, требующих большого числа точек подзарядки.

В системах распределенной энергетики ведущая роль принадлежит солнечной генерации – 85% суммарной выработки электроэнергии¹⁴. Продажи оборудования для микро-сетей на основе солнечной генерации растут стремительными темпами и локализованы, в основном, в афро-азиатских странах.

Таблица I-5.9. Ведущие страны мира по количеству распределенных бытовых биогазовых установок

Страна	Количество установок (млн ед.) в 2018 г.	Среднегодовые темпы прироста в 2013–2018 гг. (%)
КНР	42,61	7,4
Индия	4,71	9,7
Непал	0,42	11,2
Вьетнам	0,25	9,5
Бангладеш	0,05	13,1
Камбоджа	0,03	13,9
Кения	0,02	19,6

Источник: Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019

В системах распределенной энергетики возрастает роль биогазовых установок. Этот способ получения энергии начинает доминировать в удаленных и в островных территориях муссонного и экваториального секторов, изобилующих зеленой массой и

12 IRENA, Off-Grid Renewable Energy Solutions: Global and Regional Status and Trends. Abu-Dhabi, 2018, P. 36

13 IRENA, Off-Grid Renewable Energy Solutions: Global and Regional Status and Trends. Abu-Dhabi, 2018, P. 36

14 Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019, P. 138.

отходами растениеводства. Выгода от использования биоэнергетических установок повышается в перспективе тем обстоятельством, что, утилизируя отходы, биоэнергетические системы способствуют общему снижению выбросов CO₂ поскольку живая растущая биомасса поглощает CO₂; полный биоэнергетический цикл (выращивание биомассы – преобразование ее в электрическую энергию – новое выращивание) может обеспечить очень низкий выброс CO₂, что весьма актуально в свете выполнения странами квот по эмиссии диоксида углерода.

В 2018 г. 125 млн жителей Азии и Африки использовали биогазовые установки¹⁵. В Африке за 2013-2018 гг. производство биогаза выросло в 3 раза и к азиатским лидерам в этой области приблизились Буркина-Фассо, Танзания и Уганда¹⁶ (см. табл. I- 5.9).

На удаленных территориях с пересеченным рельефом и обильными осадками перспективны малые ГЭС. Речь идет о новой технологии гидроэнергостроительства – возведении небольших (до 25 МВт. мощности) станций непосредственно в руслах рек (и даже каналов с перепадом 1-2 м.), представляющей собой один из самых безопасных вариантов преобразования энергии, поскольку он не меняет русла реки, не требует затопления больших территорий, не вредит рыболовству, лесоводству, не повышает уровень грунтовых вод, не изменяет микроклимат. Малые ГЭС часто используют в качестве автономных установок для замены дизель-генераторов. Этот способ получения энергии требует специфических природных условий поэтому получает распространение в ограниченном числе азиатских стран, не являющихся мировыми лидерами в этой области, – Индии, КНР, Непале, Бутане.

Рост ветряной электроэнергетики мало затрагивает азиатское и африканское село вследствие дороговизны и технического несовершенства. Кроме того, ветряные станции портят

15 Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019, P. 139

16 Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019, P. 139

привычный сельский ландшафт, отпугивают животных, покрывают большие площади, выводя их из сельскохозяйственного оборота, неустойчивы в работе, особенно в период муссонных дождей и поэтому вызывают неприятие местных жителей.

Быстрое распространение распределенной электрической генерации в афро-азиатских странах идет параллельно с совершенствованием финансирования этого процесса. Бедное население не в состоянии осуществить единовременный платеж за купленное оборудование. Однако перспектива не платить (или платить меньше) за потребленную энергию, не покупать субсидированный керосин или дизельное топливо, не заготавливать дрова высвобождает средства для будущих регулярных мини-платежей. «Под это» формируются бизнес-модели. Наиболее распространены различные варианты рассрочки: покупка с оплатой по оговоренному графику через смартфон (система «плати когда можешь», «pay-as-you-go», PAYG), аренда оборудования (оно остаётся в собственности обслуживающей компании «distributed energy service companies», DESCOS), микрокредиты и микрозаймы (автор схемы для условий Бангладеш был удостоен Нобелевской премии). Немалую роль играет и обычный краудфандинг. Все эти схемы позволили профинансировать объекты распределенной генерации в афро-азиатских странах в 2018 г. на 0,5 млрд долл. (рост на 22% по сравнению с 2017 г.)¹⁷.

Расширяется финансирование развития распределенной энергетики на основе ВИЭ международными финансовыми организациями, выделяющими средства (как правило, безвозмездно) на борьбу с дефорестацией и эмиссией диоксида углерода. За 2018 г. всеми мировыми финансовыми организациями развития (Development Financial Institutions, DFI) было выделено более 1 млрд долл.¹⁸.

17 Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019, P. 141

18 Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019, P. 142

Дальнейшее распространение распределенной энергетики благотворно скажется на экономике афро-азиатских стран. Во-первых, снимаются количественные ограничения на потребление электроэнергии беднейшим населением, что повышает спрос на ранее недоступное энергоёмкое бытовое и сельскохозяйственное оборудование, стимулируя, одновременно производство. Во-вторых, с переходом на ВИЭ снижаются масштабы дефорестации и эмиссии диоксида углерода (с возможностью продать сэкономленную часть квоты). В-третьих, уменьшаются энергопотери и потребление ископаемого топлива, что крайне важно для стран-импортеров энергоносителей. В-четвертых, сокращаются энергосубсидии и, соответственно, нагрузка на государственные бюджеты. В-пятых, нет необходимости в масштабном дорогостоящем инфраструктурном строительстве, финансирование которого часто осуществлялось государством. В-шестых, электрификация идет гораздо более быстрыми темпами, чем при развитии традиционной централизованной энергетики.

§1.6. Пакистан: неравномерности экономического развития зависимого государства

Зависимым надо, видимо, считать такое государство, которое, будучи суверенным, политически вполне самостоятельным, испытывает большую зависимость от сильных, богатых, доминирующих на мировой арене держав и находящихся под их влиянием международных институтов. При этом зависимость проявляется в первую очередь или по преимуществу в экономической, в том числе, военно-технической, сфере.

Почти 50-летняя история экономики Пакистана в его нынешних границах, т.е. после войны с Индией в 1971 г. и образования на месте Восточного Пакистана нового государственного образования (Бангладеш) представляется примером зависимого развития. Впрочем, Пакистан иногда заносили и в число провалившихся или проваливающихся (*failed or failing*) государств. Такой взгляд на него, по нашему мнению, был бы передержкой, свидетельством, скорее всего, явного предубеждения или политического заказа. Но и отрицать слабости пакистанского государства было бы тоже неправомерно. Хотя в задачи данной статьи не входит анализ изъянов пакистанского государства, их нельзя будет не учитывать при рассмотрении главного для нас здесь вопроса о неровном ритме (флуктуациях) его экономического развития.

Основной задачей представляется выявить этапы в целом поступательной экономической эволюции, определить, в чем проявлялась зависимость Пакистана от внешних факторов и степень их воздействия на экономику, проследить регулярную смену движения макропоказателей, то вверх, то вниз, и отметить некоторые обстоятельства, как внешние, в том числе природно-климатические, так и внутренние, которые обусловили зигзагообразную динамику.

Для разнообразия позаимствуем у английского экономиста М. Маккартни, посвятившего вышедшие относительно недавно

работы анализу экономической динамики Индии и Пакистана, термин «эпизод», который он использует вместо периода или этапа, а также термин «стагнация» для обозначения замедленных или снижающихся темпов экономического роста¹. При этом само выделение эпизодов, предлагаемое Маккартни для Пакистана, представляется нам не вполне убедительным. Так, все 1970-е и 1980-е гг. он характеризует как единый эпизод стагнации. В качестве отдельного эпизода стагнации он рассматривает 1990-е гг. Эпизод роста в его книге по Пакистану, изданной в 2010 г., охватывает отрезок времени с 2002/03 по 2008/09 финансовый год (с 1 июля по 30 июня). Первым эпизодом роста Маккартни справедливо считает 1960-е гг., которые мы не рассматриваем в данной статье, стремясь, как уже отмечено выше, ограничиться в ней временем существования Пакистана в современных границах.

Другим отличием от приемов анализа английского автора является использование средних показателей экономического роста (темпов прироста ВВП), поскольку Маккартни, хотя и упоминает о них, опирается на выявляемые с помощью регрессионного анализа тренды (линейные функции) снижения («стагнации») и повышения («роста»). Хотя еще одним базовым понятием для него является государство, смене политических режимов он не придает того значения, которое им обычно отводится в работах по экономической истории. Но и в индийском, и в пакистанском случае он обнаруживает значительную, даже решающую роль государства и меньшее место рыночных факторов и всей неподконтрольной государству народнохозяйственной деятельности.

Несмотря на обновленную терминологию (эпизоды), представленный в данной статье проблемно-хронологический анализ

¹ McCartney M. Pakistan – Political Economy of Growth, Stagnation, and the State, 1951-2009. Routledge. 2011; McCartney M. India – Political Economy of Growth, Stagnation, and the State, 1951-2007. Routledge. 2010. New Perspectives on Pakistan's Political Economy. State, Class and Social Change. Ed. M.McCartney and S.A.Zaidi. New York: Columbia University Press. 2019.

вполне традиционен для отечественной и зарубежной литературы, как пакистанской, так и западной.

Грань между двумя последними литературными потоками в экономической и политической научной литературе обнаружить, как правило, затруднительно, ввиду тесных связей между пакистанскими учеными и специалистами по Пакистану, работающими на Западе; зачастую, кстати, это одни и те же лица.

Нам представляется логичным выделить пять эпизодов стагнации и роста, которые характеризуют экономическую динамику Пакистана на протяжении последнего полувека. Они нередко совпадают с границами политических режимов, что позволяет обратить внимание на степень и характер зависимости экономического развития страны от политики сменявших друг друга правительств и ее (политики) эффективность. Кроме того, в рамках пяти крупных эпизодов в большинстве случаев выявляются 2–3 субэпизода, рассмотрение которых позволяет конкретизировать как зависимость пакистанского государства от внешних сил, так и его попытки скорректировать реакцию на воздействия извне.

Стагнация 1971–1979 гг.

Эпизод охватывает весь период пребывания у власти лидера Пакистанской народной партии З.А. Бхутто, сначала как президента и главного военного администратора (с 20 декабря 1971 г. по 21 апреля 1972 г.), затем, после отмены военного положения в качестве президента, а с 12 августа того года как премьер-министра, избранного на должность в соответствии с вступившей в силу в том месяце постоянной конституцией. Она пришла на смену временной, принятой в апреле 1972 г. Конституция 1973 г. оказалась самой постоянной или долговременной (до того основные законы принимались в 1956 и 1962 гг.), действующей до сих пор, хотя и с многочисленными поправками. Кроме того, эпизод включает два с половиной года после военного переворота 5 июля 1977 г. Власть тогда осуществляла военная администрация во главе с совершившим госпереворот генералом М. Зия-уль-Хаком. Осенью 1977 г.

он занял пост премьер-министра, а 16 сентября 1978 г. – президента.

Рассматриваемый эпизод начался с леворадикальных социально-экономических реформ². В государственный сектор были взяты более 30 наиболее крупных промышленных предприятий, национализированы частные банки, страховые компании, торговля хлопком. Крупная буржуазия понесла не только материальный, но и моральный урон - некоторые ее ведущие представители были на глазах у телезрителей взяты под стражу. Удар был нанесен и по высшей бюрократии. Указами Бхутто упраздняясь Гражданская служба Пакистана, наследница Индийской гражданской службы колониальных времен, названная в свое время «стальным каркасом» государственной власти³.

Некоторые из реформ давно назрели, но осуществлены они были не лучшим образом. К тому же, как подчеркивает сторонник реформ пакистанский экономист С.А. Заиди, экономическим неудачам способствовали неблагоприятные погодные условия и мировая конъюнктура⁴. К первым относится сильное наводнение в августе 1973 г. и еще более разрушительное наводнение лета 1976 г. Ко вторым – последствия войны Израилем и арабскими его соседями, в первую очередь Египтом в октябре 1973 г, эмбарго арабских нефтедобывающих государств на поставки нефти в страны Запада, поддержавшие Израиль, и четырехкратное увеличение мировых цен на сырую нефть.

Результатом радикальной социально-экономической реформы, проводимой к тому же в неудачное время, стали низкие темпы роста пакистанской экономики. Согласно данным Всемирного банка (ВБ), прирост ВВП Пакистана в 1972-73 г., достиг

² О них см. например: Белокреницкий В.Я, Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. М.: ИВ РАН. 2008. С. 247-261; Галишева Н.В. Экономика Пакистана. М.: МГИМО. 2018. С. 23-25.

³ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана.С.261.

⁴ Zaidi S.A. Issues in Pakistan's Economy. Second Edition. Karachi: Oxford University Press. 2011. P 107-108.

7,06% после двух лет кризиса, вызванного проигранной войной с Индией и аккомодацией к новым условиям существования в границах бывшей западной части страны. Это было своего рода компенсацией за провал в 1970-71 и 1971-72 гг., когда прирост равнялся соответственно 0,47 и 0,81%. В 1973-74 и 1974-75 гг. он поднялся лишь до 3,54% и 4,21%⁵. В последующие два года прирост был равен 5,16% и 3,95%. Средний показатель за пять лет пребывания у власти З.А. Бхутто составил 4,78%, а колебания имели понижительный тренд. По данным национальной статистики, в 1976-77 г. ВВП вырос всего на 2,52%⁶.

В первый год после военного переворота прирост возрос до 7,37%, согласно национальной статистике, и 8,05%, по данным ВБ. Крутой рост объяснялся выходом из промышленного застоя предшествующего года. Тот имел место вследствие затяжного политического кризиса, наступившего после парламентских выборов марта 1977 г. и предшествующей ему национализации летом 1976 г. примерно 4-х тысяч мелких и средних агропредприятий (рисорущек, мукомолен и др.)⁷. Новые власти уже в сентябре 1977 г. вернули агропромышленные заведения владельцам. В 1978-79 г. рост вновь серьезно замедлился – до 4,91%, согласно национальной, или 3,76%, по международной статистике. Средний показатель прироста ВВП, согласно данным ВБ, за весь эпизод стагнации с 1971 по 1979 гг. был равен 4,1%. С учетом темпов роста населения, превышающего 3% в год, подушевой прирост внутреннего продукта не превышал в среднем 1%.

Рост в 1980–1988 гг.

Осенью.1979 г. пакистанская экономика попала в тиски жесточайшего кризиса. После отказа генерала М. Зия-уль-Хака

⁵ Pakistan's GDP Growth (annual, %). Source: World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files.

⁶ Pakistan Economic Survey 1982-83. Government of Pakistan. Islamabad, 1983, Statistical Annexure, P. 14-15.

⁷ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана, С. 284, 290-291.

помиловать З.А. Бхутто и казни бывшего премьера, выхода страны из блока СЕНТО и, особенно, в связи с информацией о работах по созданию Пакистаном «исламской атомной бомбы», США объявили о прекращении ему военной и экономической помощи. Новый всплеск мировых цен на нефть способствовал сокращению до минимума валютно-финансовых резервов. Проявлением кризиса в отношениях с Вашингтон послужила осада и разгром толпой исламистски настроенных манифестантов здания американского посольства в Исламабаде⁸. Казалось, что дни режима Зия-уль-Хака сочтены. Спасла его интернационализация конфликта в соседнем Афганистане. Присутствие там советских войск пакистанский режим использовал с большой для себя выгодой. Возобновленная военно-экономическая помощь США за 1981–1990 гг. составила примерно 5 млрд долл.⁹ Отдельно нужно считать помощь афганским муджахедам (так называемым «борцам за свободу»), развернувшим партизанскую войну против сил правительства в Кабуле и частей советской армии. Выделенные афганцам средства (порядка 2-3 млрд долл.) поступали им через официальные пакистанские каналы, как военные, так и гражданские, и в немалой степени «оседали» в этих каналах¹⁰.

Поступление больших масс денежных средств и материальных ресурсов от США (при взаимодействии с Саудовской Аравией) способствовало урегулированию проблемы текущего платежного баланса и вызвало бум платежеспособного спроса. Все это стало одной из главных причин высоких темпов роста экономики в 1980-х годах. К тому же, природные условия и ситуация с распространением вредителей растений (саранчи и др.) в это десятилетие были более благоприятны, чем в предшествующее.

⁸ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения.2003.С. 107-108.

⁹ Только экономическая помощь Вашингтона Исламабаду в 1978-1983 гг. (в период Пятого пятилетнего плана) равнялась 1.5 млрд долл., а в 1984-1989 гг. (шестой план) возросла до 2.3 млрд долл. Zaidi A.S.Issues in Pakistan's Economy. P. 118-119.

¹⁰ Burki S.J. Pakistan Under Zia 1977-1988. Asian Survey, 1988, N.12, P. 1096-1097.

Прирост в 1979-80 г., по данным ВБ, был рекордным – 10,22%, в последующие три года он не опускался ниже 6,5%. В 1983-84 г. прирост составил лишь 5,07%, но затем вновь поднялся до 7,59%; 5,50%; 6,45% и 7,63%. Годовой прирост в среднем за 9 лет с 1980 по 1988 г. вышел на уровень 7,1%, что ровно на 3 процентных пункта превышало показатель 1971–1979 гг. При росте населения на 3% в год душевой показатель возрастал в этот период примерно на 4% в год и увеличился на 42% за весь период.

Не следует забывать и о сложившейся к тому времени зависимости Пакистана от Китая на антииндийской, а в период афганской войны (особенно в начальные годы) на антисоветской почве. Оружие из Китая, а также Египта, наряду с военной помощью США и Саудовской Аравией, усилило не только афганских муджахедов, но и руководившую ими пакистанскую армию.

Почти двукратное увеличение душевого дохода не могло не отразиться на жизненном уровне значительной массы людей. Это во многом объясняет в целом стабильную внутривнутриполитическую обстановку, превалировавшую в стране. Свою роль в то же время сыграла репрессивная политика военного режима, острая его реакция на оппозиционные выступления в Синде в 1983–1984 гг. Еще одним обстоятельством в пользу относительной нормализации обстановки стала трудовая миграция за рубеж в первую очередь в Саудовскую Аравию, Иран и арабские страны Залива. Выезд «лишней» рабочей силы, который тоже нужно отнести к факторам зависимости пакистанского государства от внешних сил, имел две положительные для военного режима стороны. Первая – это поступления валюты из-за границы которые повысились до 3-х и более млрд долл. Вторая – ослабление рабочего и профсоюзного движения, поскольку выезжала на заработки немалая часть квалифицированных и одновременно политически активных представителей рабочих и служащих.

Стагнация 1988–1999 гг.

Неожиданная гибель генерала-президента М. Зия-уль-Хака в авиакатастрофе в августе 1988 г. можно рассматривать как

звонок к смене режима экономического развития и началу нового ее эпизода. Но это был не единственный и не первый звонок. Основной причиной стагнации стало ослабление внешней поддержки пакистанского государства после заключения в апреле того года Женевских соглашений между Афганистаном и Пакистаном, гарантами которых выступили СССР и США. Соглашения дали возможность Москве приступить к организованному выводу частей 40-й армии из Афганистана.

После завершения этого процесса в феврале следующего года значение Пакистана как геополитического партнера США ослабло, и вследствие этого ухудшились условия для роста пакистанской экономики. В сентябре 1990 г. президент США Дж. Буш-ст. отказался подтвердить Конгрессу, что Пакистан не проводит работ по созданию ядерного оружия и тот принял решение о приостановке в оказании ему военно-экономической помощи. По соглашению, заключенному сторонами в 1986 г. Исламабад должен был получить от Вашингтона более 4 млрд долл. в течение шести лет. К моменту фактического отказа от выполнения обязательств по соглашению прошло три года. После принятого Конгрессом решения Пакистан еще долго рассчитывал на его отмену и на компенсацию затрат, которые он сделал в счет покупки суперсовременных по тому времени истребителей F-16, однако лишь в середине десятилетия премьер-министру Б. Бхутто (дочери З.А. Бхутто) удалось договориться о частичной компенсации расходов.

Зависимость пакистанского государства и его экономики отчетливо проявилась в ходе обострения Кашмирской проблемы в 1989-1993 гг. Исламабад активно поддержал начавшиеся в индийском штате Джамму и Кашмир массовые антиправительственные выступления. Он, судя по всем, и сам подлил масла в огонь, способствуя передислокации боевиков-исламистов из Афганистана, где обстановка в тот период пришла в относительную норму, в Кашмирскую долину, превратившуюся в центр антииндийских волнений. Но разжигание страстей в Кашмире после некоторых

колебаний было отвергнуто Вашингтоном как цель их политики в регионе, и Пакистан оказался от этого в прямом проигрыше. Еще ранее (в 1990–1991 гг.) Исламабад в полной мере не поддержал американцев в ходе войны в Заливе против иракского режима Саддама Хусейна, а часть пакистанской элиты не скрывала проиранских настроений. И то, и другое вызывало недовольство не только США, но и Саудовской Аравии. КНР в 1990-е гг. был занят в основном своими делами и стремился укрепить безопасность границ, договорившись с Индией.

Немалую роль в напряженном экономическом состоянии Пакистана в 1990-е гг. сыграла активная политика его правящих верхов в Афганистане. В 1992 г. власть там при непосредственном содействии Исламабада захватили муджахеды. Раздоры в их среде превратили Афганистан в кровоточащую рану. Число афганских беженцев в Пакистане после падения режима, который поддерживала Москва, в результате не уменьшилось. Пакистанские верхи принялись сначала играть роль патронов-примирителей, а затем стали покровительствовать одной из воюющих между собой сторон – талибам. Расширение зоны внешнего контроля и влияния сочеталось с зависимым положением Исламабада от Эр-Рияда и Вашингтона вследствие уязвимости пакистанской экономики, которая страдала от внутренних беспорядков, бандитизма и терроризма, борьбы между партиями, сменявшими друг друга у власти в результате выборов 1988, 1990, 1993 и 1997 гг.

Темпы прироста ВВП, согласно статистике Всемирного банка, снизились в 1988-89 г. до 4,96% и оставались приблизительно на этом уровне вплоть до 1998-99 г. Зенита они достигли только однажды, в 1991-92 г. (7,71%), а надира дважды – в 1992-93 и 1996-97 гг. (соответственно 1,76% и 1,01%), В среднем за 11 лет прирост оказался равным 4,1%, т.е. был ровно таким, как в 1970-е гг.. При некотором сокращении демографических темпов динамика душевых показателей была, возможно, несколько лучше, но увеличение доходов в год в среднем менее чем на 2% свидетельствует об экономической стагнации Пакистана,

особенно рельефной на фоне ускорения темпов роста экономики Индии, а с середины десятилетия и экономики Бангладеш – страны, образованной на месте безнадежно, казалось, отстававшей когда-то провинции Пакистана.

Рост 2000–2008 гг.

Еще одним подтверждением зависимости пакистанского государства от внешних сил стал эпизод роста его экономики в 2000-х гг. Начало периода было отмечено низкими темпами роста ВВП – на 4,26% в 1999-2000 г., 1,96% – в 2000-01 г., 3,22%, в 2001-02 г. Но затем начался подъем – 4,85% в 2002-03 г., 7,37% в 2003-04 г., 7,67% г. в 2004-05 г. После пика в середине десятилетия (по данным национальной статистики в 2004-05 г. прирост составил 9.0%)¹¹, наблюдается спуск, сначала медленный – 6,18% в 2005-06 г. и 4,83% в 2006-07 г, а затем обвальный – 1.07% в 2007-08 г. Такой одногорбый график дал в среднем рост за 9 лет в 4,7%. Это существенно меньше, чем в 1980-е гг., но некоторый прогресс по сравнению с эпизодами стагнации наблюдался (без кризисного последнего года – среднегодовой темп равен 5,1%).

И в том, и в другом эпизодах роста решающую роль сыграл фактор Афганистана, а через него зависимость Пакистана от внешней помощи. Основные ее объемы, как в первом, так и во втором случае, поступали из США и от контролируемых ими, по существу, международных финансовых институтов. Террористические акты, совершенные исламистами-самоубийцами в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. через месяц привели к американо-британскому вторжению с воздуха в талибский Афганистан. Пакистан, руководимый армией с момента военного переворота в октябре 1999 г., предпочел изменить прежним союзникам – талибам, обвиненным в пособничестве террористам, и предоставил воздушное пространство и аэродромы силам США и НАТО.

¹¹ Расчеты на базе данных Pakistan Economic Survey сделаны С.Н. Каменевым. См Каменев С.Н. История экономических процессов в Пакистане (XX - начало XXI в.). М.:ИВ РАН, 2019, С. 122.

В обмен администрация генерала П. Мушаррафа получила значительную экономическую помощь, которая помогла решить хроническую проблему текущего платежного баланса и создала обстановку, благоприятную для притока прямых и портфельных инвестиций извне.

Следует отметить, что, как и предшествующие гражданские администрации, правительство Мушаррафа проводило экономическую политику, строго следуя советам МВФ, от которого оно уже в первые годы получило кредиты на общую сумму около 2 млрд долл.¹² Эти кредиты рассматривались как спасительные для госфинансов, страдающих от бремени выплат по долгам. Помимо того, в декабре 2001 г. Парижский клуб государств-кредиторов Пакистана принял решение о реструктуризации (т.е. отсрочке) выплаты 12.5 млрд долл. по кредитам государства и гарантированным им частным займам¹³. В 2003 г. президент США Дж. Буш-мл. включил Пакистан в привилегированную категорию стран не членов НАТО основных союзников США по борьбе с терроризмом. Главой правительства в 2004 г. был назначен министр финансов, а до 1999 г. вице-президент американского Ситибэнка Ш. Азиз. Зависимость пакистанской экономики от поддержки США с его назначением еще более усилилась.

Внешняя помощь, несомненно, помогла военно-бюрократическому режиму справиться с трудностями начального этапа и добиться немалых успехов в экономике к середине 2000-х гг. Однако она не спасла режим от потрясений, вызванных как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Среди последних на первое место надо поставить обострившуюся после 2006 г. военную обстановку в Афганистане – вследствие ожесточенного сопротивления талибов «Международным силам содействия безопасности», иными словами, американцам и их союзникам по НАТО.

¹² Pakistan. Moving the Economy Forward. Ed. R.Amjad and S.J.Burki. Delhi: Cambridge University Press.2015, P.51; Zaidi A.S. Issues in Pakistan's Economy, P 365.

¹³ Zaidi A.S. Issues in Pakistan's Economy. P. 367.

Поскольку военно-политические круги Пакистана не желали терять влияние на талибов, они позволяли использовать им некоторые пограничные районы страны как тайное убежище. Двойственность пакистанской позиции закладывала мину под особые отношения с США, между тем как росла цена за участие в войне с террором.

Неблагоприятными оказались и природно-климатические условия при генерале П. Мушаррафе. В 2000-2002 гг. Пакистан страдал от небывалой по силе и продолжительности засухи, а осенью 2005 г. мощное землетрясение унесло жизни десятков тысяч людей главным образом на севере, в формально автономной области Азад (свободный) Джамму и Кашмир. Пакистану была оказана существенная гуманитарная помощь, но неповоротливость властей привела к тому, что наиболее эффективно использовали бедственную ситуацию в своих пропагандистских целях исламистские организации.

Очевидная зависимость пакистанского государства от США и стран Запада вызывала растущее отторжение у значительной части городского населения и радикализацию настроений среди сельских жителей севера страны. Результатом явился начавшийся весной 2007 г. кризис власти, который завершился в августе 2008 г. уходом с поста президента к тому времени уже отставного генерала Мушаррафа.

Стагнация 2009–2020 гг.

Последний из эпизодов стагнации – самый длительный, 12 финансовых лет. Первые четыре года (2009-2012) отличались крайне медленным ростом экономики – прирост ВВП в 2008-09 г. равнялся 2,83%, в 2009-10 г. – 1,61, в 2010-11 г. – 2,75, в 2011-12 г. – 3,51%¹⁴. Согласно данным национальной статистики, этот ряд выглядит несколько иначе, но не противоречит тому же

¹⁴ Pakistan – GDP Growth (annual %).

представлению о динамике ВВП – 0,4%; 1,6%; 3,6%; 3,8%.¹⁵ Лучше выглядят те же показатели за следующие шесть лет. Согласно международной статистике, они поднялись в 2012-13 г. до 4,40%, затем 4,67% и 4,73%, в 2015-16 г. выросли до 5,53%, и сохранялись в 2016-17 и 2017-18 гг. на той же достаточно высокой ступени (5,55% и 5,83%). Национальная статистика (на базе расчета в рупиях в ценах базового года) приводит такой ряд – 3,7%; 4,0%; 4,1%; 4,5%; 5,3%; 5,8%.¹⁶ .

Два последних года эпизода стагнации ознаменованы крутым снижением – до 3,3% в 2018-19 и 3,5% (по некоторым расчетам, – 2,4%) в 2019-20 г. Первая из этих цифр – предварительная оценка, вторая – прикидка на базе итогов за первые пять месяцев финансового года¹⁷. Средний показатель прироста за 12 лет равен 4,0%, а если не считать двух последних лет, получается цифра в 4,1% – привычная для стагнационных эпизодов и весьма посредственная с учетом сохранения высоких темпов демографического роста¹⁸.

Нужно также подчеркнуть, что его начальные годы были отмечены небывалыми бедствиями – наводнение 2010 г. затронуло в общей сложности 20 млн человек, «смыло» урожай с огромной площади и нанесло ущерб миллионам жилых и хозяйственных построек. Сильное наводнение случилось и летом следующего года. В те же годы велась упорная война правительственных войск с боевиками-исламистами, провозгласившими в 2007 г. создание своей талибской организации – Пакистанское движение Талибан. Все

¹⁵ Каменев С.Н. История экономических процессов. С. 122.

¹⁶ Каменев С.Н. История экономических процессов. С. 122; Pakistan Economic Survey 2018/19. Islamabad. 2019. Statistical Appendix. P. 11.

¹⁷ Dawn, 17.12.2019.

¹⁸ Среднегодовые темпы роста пакистанского населения, 2,4%, в период между переписью 1998 и переписью 2017 г.. исключительно высоки для нынешнего времени окончания мирового демографического бума.

эти внешние для экономики обстоятельства не могли не сказаться на ее состоянии и развитии.

Немалую лепту в неблагоприятную экономическую динамику внесла обострившаяся после 2008 г. борьба политических партий. В 2008-2013 гг. у правительственного штурвала стояло руководство Пакистанской народной партии клана Бхутто-Зардари, победившей на выборах в марте 2008 г. В течение следующих пяти лет после победы на парламентских выборах мая 2013 г. центральное правительство сформировал традиционный оппонент ПНП – Пакистанская мусульманская лига во главе с бессменным лидером Навазом Шарифом. Третьи выборы, проведенные через пять отведенных Конституцией лет, в июле 2018 г., принесли успех новой партии – Пакистанское движение за справедливость. Считается (и не без веских оснований), что борьбу в парламентских верхах контролирует командование вооруженными силами. Вместе с тем, нельзя не отметить популярность новой партии среди населения, особенно молодого, настроенного на перемены в характере власти и состоянии общества.

Популярность новой партии за истекшие почти два года ее пребывания у власти снижается, хотя кабинету Имран Хана нужно отдать должное. Он начал свою деятельность в условиях тяжелой экономической ситуации. Именно во второй половине 2018 г. достаточно успешный субэпизод развития 2014-2018 гг. сменился ухудшением по существу всех макропоказателей. В официальном экономическом обзоре правительства за 2018-19 финансовый год отмечалось замедление, по существу, вдвое прироста ВВП. При этом в сельском хозяйстве прирост составил всего 0,9%, в индустрии – 1,4, и только в сфере услуг вышел на уровень 4,7%. В аграрной области наблюдался спад в земледелии в целом и в сборах основных культур – хлопчатника, риса и сахарного тростника. Урожай пшеницы вырос только на 0,5%. В индустриальной сфере, куда входят помимо промышленности, строительство и отрасли производственной инфраструктуры, над средним уровнем

немного возвышалась крупная обрабатывающая (2,1%) и горнодобывающая промышленность (2, 0%).

Достаточно быстрое увеличение доходов в сфере услуг объяснялось, прежде всего, ростом общих правительственных расходов (8,0%), причем главным образом по причине увеличения денежного вознаграждения государственных чиновников. Кроме того, повышенными темпами росли обороты в торговле, в основном за счет роста импорта, и на транспорте, особенно железнодорожном¹⁹.

Кризисная ситуация сложилась во внешнеторговой области. Валютные резервы Госбанка с мая 2018 г. в течение 15 месяцев находились на уровне ниже 10 млрд долл., что делало возможным оплату импорта лишь в течение 2–3-х месяцев. В этих условиях новый кабинет министров был вынужден обратиться к МВФ (Международному валютному фонду) и ВБ за помощью для покрытия дефицита текущего платежного баланса. МВФ после длительных и тяжелых переговоров согласился предоставить заём в 6 млрд долл. на три года при выполнении жестких условий (ограничение государственных расходов с целью сокращения платежного дефицита, обесценение рупии по отношению к доллару, сокращение импорта и т.п.).

Принятые кабинетом меры привели к положительным результатам с макроэкономической точки зрения. Государству удалось по существу «охладить» экономику со стороны спроса. Непомерно возросший торговый дефицит был существенно снижен, стабилизировалась ситуация на фондовом рынке и созданы условия для притока иностранного капитала. Одновременно почти вдвое возросла инфляция за счет повышения цен на газ и электроэнергию. Зимой 2019-2020 г. критически выросли цены на муку и сахар, которые регулируются правительством через систему

¹⁹ Pakistan Economic Survey 2018-19. Government of Pakistan. Islamabad. 2019. P. I-II.

рационированной (по карточкам) продажи малоимущим в городах предметов первой необходимости по сниженным ценам.

Меры по ограничению бюджетного дефицита и сокращению импорта привели к замедлению роста промышленности и не позволили увеличить экспорт. Сократившийся дефицит внешней торговли сопровождается ныне стагнацией в экономике, ростом не только инфляции, но и безработицы, бедности и нищеты, увеличением разрыва между богатыми и бедными, или по-иному ростом социально-имущественной дифференциации.

Балансирующей статьей в текущем платежном балансе давно в Пакистане стал перевод средств от работающих за границей рабочих (*worker's remittances*). В последние годы только по официальным каналам пакистанцы посылают домой до 20 млрд долл. в год. Это во многом спасает положение многих семей. Одновременно переводы средств (до 30–40% денег дополнительно переводятся нелегально, путем веками опробованной системы расписок и изустных договоренностей) создают спрос на товары, которые должны в принципе стимулировать местное производство, но ввиду возросшей стоимости импортных товаров производственного назначения их стимулирующее воздействие в последнее время ослаблено, в то время как усилилась их роль переводов, подстегивающая инфляцию.

Ситуацию в пакистанской экономике все чаще ныне в литературе характеризуют как «преждевременную деиндустриализацию», имея в виду сокращение доли промышленности в структуре ВВП, не связанную с повышением роли услуг, третичного сектора, как отражающего процесс постиндустриального развития. Сокращение доли промышленности вызвано недостатком спроса на товары местного производства на внешних рынках ввиду отсутствия там достаточного количества «ниш» для пакистанских товаров (малоконкурентных по сочетанию цена-качество). Внутри страны местное производство сталкивается с конкуренцией со стороны импортных товаров, ввозимых торговым капиталом. Поскольку

главная отраслью пакистанской обрабатывающей промышленности является текстильная, работающая на местном хлопке, вся индустрия зависит в сильнейшей степени от производства хлопчатника, а его удельный вес в ВВП постепенно снижается. И это происходит при сокращении доли земледелия и увеличении животноводства. Доля последнего в ВВП в течение последних 9 лет стабильно держится на уровне 11% (а в аграрном продукте равна 60%), а очистка хлопка, включаемая в аграрный комплекс, снизилась с 0,7% до 0,4% ²⁰.

Деиндустриализация не обещает скорый выход из сложной ситуации с увеличением экспорта, а без успехов на пути экспортной ориентации Пакистану трудно рассчитывать на скорый выход из стагнации. По расчетам ВБ, прирост ВВП в течение ближайших нескольких лет останется на уровне 2–3% в год.

Заключение.

Несмотря на отмеченные выше внутренние помехи и зависимость от внешних сил, на всем протяжении существования Пакистана в новых границах развитие его экономики ни разу не прерывалось. Недостаточно быстрые темпы роста не привели к качественному отставанию от соседних государств. Страна, несомненно, превосходит по всем пунктам Афганистан, отстает от Индии, особенно с учетом разницы в населении и масштабах национального хозяйства, несколько уступает Бангладеш по темпам роста.

Однако сохранение прежних или малоподвижных общественных порядков и в дальнейшем сделает малоэффективными попытки правительства преобразовать систему сбора налогов, увеличить другие поступления в казну, существенно повысить норму сбережений и внутренних инвестиций и тем самым ослабить зависимость от внешних подпорок.

²⁰ Pakistan Economic Survey 2018-19. Statistical Appendix. P 12.

Общественное мнение в стране, если судить по публикациям в ведущих органах печати, испытывает чувство неопределенности относительно экономического будущего. Одна часть формирующих это мнение публицистов полагает, что Пакистан стоит на пороге рывка в экономической и социальной сферах, связывая свои надежды с политикой новой команды, более молодой по возрасту и стажу пребывания у власти. Другая часть встретила «в штыки» экономическую политику нынешнего правительства во главе с лидером Движения за справедливость Имраном Ханом и опасается скорого провала экономического курса.

Острая, хотя и, как правило, подспудная дискуссия ведется между сторонниками опоры на помощь Китая, который с 2015 г. начал осуществление масштабного и широко рекламируемого инвестиционного проекта «Китайско-пакистанский экономический коридор» и скептиками в отношении этого проекта, ориентирующимися при этом на США и их ныне верного регионального союзника – Саудовскую Аравию.

Важно при этом, что дискуссия лишний раз демонстрирует зависимость пакистанского государства от внешних сил. Представляется, что и в дальнейшем Пакистан будет находиться в плену внешнеполитических сил и обстоятельств, и они во многом определяют дальнейшую траекторию его развития с неизбежным, по-видимому, чередованием эпизодов роста и стагнации.

§1.7. Турция: социально–экономическая эволюция Востока и Юго-Востока с точки зрения концепции инклюзивного развития (2008–2017 гг.)

Для Турецкой Республики традиционно остро стоит проблема неравномерности регионального социально-экономического развития, в рамках которой наиболее значительное отставание устойчиво демонстрируют регионы Юго-Востока и Востока страны¹.

Так, Турецкие исследователи Б. Динчер, М. Озослан и Т.Кавасоглу в двух версиях работы «Изучение распределения илей и регионов Турции по уровню социально-экономического развития»², датированных 1996 и 2003 гг., провели расчет индексов социально-экономического развития регионов на основании статистических данных, относящихся к началу 1990-х гг. и 2000 г. (см. табл. I-7.1).

Картина регионального развития характеризовалась выраженным лидерством Мраморноморского региона, средними показателями развития для Центральной Анатолии, Эгейского и Средиземноморского регионов. К числу депрессивных регионов относились Черноморский, регион Юго-Восточной Анатолии и Восточной Анатолии. При этом первые два продемонстрировали некоторое улучшение своих позиций, тогда как отставание Восточной Анатолии усугубилось. В целом рост индекса для региона-лидера и его снижение для наименее развитого региона свидетельствовали о дальнейшем расхождении крайних точек социального

¹ Их особенностью наряду с отставанием показателей социально-экономического развития является значительная доля этнических курдов в общей численности населения.

²Diñçer B., Özasan M., Kavaşođlu T. İllerin ve Bölgerin Gelişmişlik Sıralaması Araştırması (1996). Ankara, DPT, 1996.

Diñçer B., Özasan M., Kavaşođlu T. İllerin ve Bölgerin Gelişmişlik Sıralaması Araştırması (2003). Ankara, DPT, 2003.

и экономического благосостояния. Регионы Черноморский, Юго-Восточной Анатолии и Средиземноморский стали представлять собой более гомогенную группу.

Таблица I-7.1. Значения индексов социально-экономического развития физико-географических регионов Турции (1990-1993, 2000)

Название региона	Значение индекса (начало 1990-х)	Значение индекса (2000 г.)
Мраморноморский	1,694	1,702
Эгейский	0,501	0,483
Внутренняя (Центральная) Анатолия	0,460	0,481
Средиземноморский	0,062	0,021
Черноморский	-0,544	-0,514
Юго-Восточная Анатолия	-1,036	-1,011
Восточная Анатолия	-1,137	-1,162

Источник: Dinçer B., Özaslan M., Kavaşoğlu T. İllerin ve Bölgelerin Gelişmişlik Sıralaması Araştırması (1996), с.72; Dinçer B., Özaslan M., Kavaşoğlu T.İllerin ve Bölgelerin Gelişmişlik Sıralaması Araştırması (2003), с.78.

Феномен устойчивости власти правящей Партии справедливости и развития связан с рядом оказавшихся достаточно эффективными новаций в ее подходах к разрешению целого набора застарелых проблем в развитии страны, в том числе к проблеме заметной дифференциации населения по уровню жизни в силу существенного разрыва в уровне социально-экономического развития отдельных регионов страны.

Понимание рисков, связанных с высоким уровнем социально-экономического неравенства, с консервацией бедности и отсутствием механизмов социальной мобильности привело в годы правления ПСР к расширению масштабов использования различных механизмов и инструментов социальной и экономической политики. В связи с ростом внимания властей и расширением государственных затрат, нацеленных на снижение неравенства, встает вопрос об оценке их эффективности.

Главным критерием выступает мера сглаживания социально-экономического неравенства. Но остается вопрос о методиках оценки этого неравенства, равно как и масштабов его сокращения. Использование в этих целях одного лишь довольно широко известного коэффициента Джини не является в полной мере достаточным. Видимо, речь должна идти о применении неких комплексных подходов, опирающихся на систему показателей. Такой сложный комплексный подход к пониманию проблемы преодоления неравенства в последний период времени в научной литературе реализуется через понятие инклюзивного роста.

Инклюзивный рост – такой способ развития, преимуществами которого способны воспользоваться все члены общества через равный доступ к обеспечиваемым им возможностям. При этом следует особенно подчеркнуть, что равный доступ к возможностям стоит во главе угла инклюзивного роста, так как он позволяет сократить худшую разновидность неравенства, происходящую от независимых от индивида обстоятельств. Итак, инклюзивный рост может быть определен как экономический рост при равенстве возможностей. Следовательно, инклюзивный рост означает развитие, при котором создается простор для инвестиций и возможности эффективной занятости при одновременном обеспечении условий справедливого доступа к ним. При таком росте все части общества участвуют в процессе роста на равных, независимо от обстоятельств их жизни.

Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон в работе «Почему нации терпят неудачу» определяют институты инклюзивной экономики, как обеспечивающие и поощряющие участия значительной массы граждан в различных видах экономической активности, которые предоставляют индивидам возможность наилучшим образом использовать их таланты и навыки и которые позволяют каждому сделать желательный для него выбор. Инклюзивные институты должны обеспечивать безопасность частной собственности, эффективность законов и определенный уровень

государственных услуг, который формирует для граждан развитую среду для обмена и заключения контрактов, а также создает условия для входа на рынок нового бизнеса и позволяет индивидам осуществлять выбор своей карьеры. «Инклюзивные экономические институты предполагают защиту прав собственности и существование экономических возможностей не только для элиты, но и широких слоев общества из разных социальных слоев» – резюмируют Аджемоглу и Робинсон³. При этом в качестве работающей модели инклюзивного развития они видят Южную Корею с такими ее особенностями, как хороший уровень образования населения, рыночная экономика, поощрение государством экономической активности населения. Поощрение экономической активности государством означает возможность для предпринимателей занимать у банков и на финансовых рынках, а для иностранных компаний – возможность вступать в партнерские связи с корейскими фирмами.

Противоположный пример экстрактивных институтов демонстрирует Северная Корея с ее жесткой исходящим от государства предопределением весьма ограниченных возможностей самореализации и вариантов жизненных сценариев для индивида, который в любом случае не сможет владеть собственностью, участвовать в легальном бизнесе и прочее⁴.

Пытаясь решить задачу создания методики оценки инклюзивного роста, в 2011–2014 гг. Азиатский банк развития разработал систему показателей, выделив общую группу базовых показателей бедности и неравенства, группу показателей, характеризующих уровень управления в стране и состояния институтов, и три группы специализированных тематических показателей: показателей экономического роста и расширения экономических возможностей, показателей социальной включенности (инклюзивности),

³ Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York, Crown Publishers, 2012. P.89-90.

⁴ Ibid. P.87-90.

обеспечивающих равный доступ к экономическим возможностям и, наконец, группы показателей социальной защищенности⁵.

Для ответа на вопрос о степени прогресса Востока и Юго-Востока страны на пути к инклюзивному развитию и сокращению регионального неравенства следует отследить динамику соответствующих показателей применительно к данным регионам Турции и ее территории в целом. Однако препятствием в этом намерении оказывается отсутствие или неполное соответствие турецкой региональной статистики показателям, используемым в методике оценки инклюзивного развития Азиатским банком. Поэтому первоначально потребовалось решить промежуточную методологическую задачу по составлению базы доступных показателей региональной статистики, представляющих в случае необходимости более или менее убедительную альтернативу системе показателей Азиатского банка развития.

Итак, что касается первой группы показателей, то применительно к регионам Турции можно оперировать следующим набором (см. табл. I-7.2 и I-7.3).

Таблица I-7.2. Общие базовые показатели бедности и неравенства

Показатели, связанные с уровнем дохода	Показатели, не связанные с уровнем дохода
1. Уровень бедности, определяемый как доля лиц с доходом ниже 60% от медианы	1. Ежемесячное число скончавшихся детей в возрасте от 1 года до 4 лет
2. Коэффициент Джини	

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselistatistik/tabloOlustur.do#>

Заметим, что в настоящей работе анализ проведен по так называемым регионам второго уровня, которые объединяют от 2 до 4 илей – наиболее мелких первичных единиц территориально-административного деления Турции.

⁵ См. Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. 4th Edition. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. Manila, Asian Development Bank, 2014. P. 5.

Таблица I-7.3. Показатели экономического роста и расширения экономических возможностей, показатели социальной включенности (инклюзивности) и социальной защищенности.

Показатели экономического роста и расширения экономических возможностей	Показатели социальной включенности (инклюзивности), обеспечивающие равный доступ к экономическим возможностям
<i>Экономический рост и занятость</i>	<i>Доступность образования и здравоохранения</i>
1. ВВП на душу населения (2017, долл., текущий обменный курс)	2. Численность обучающихся в расчете на одного преподавателя (начальное образование)
2. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения (2008-2017, долл., текущий обменный курс)	4. Число врачей, медсестер акушерок на 10000 населения
3. Уровень занятости	
5. Число работодателей, самозанятых и семейных работников на 100 наемных работников	
6. Число семейных на 100 наемных работников	
<i>Ключевые показатели развития инфраструктуры</i>	<i>Доступ к основной инфраструктуре и услугам</i>
6. Потребление электричества в расчете на душу населения	
7. Протяженность дорог государственного и муниципального значения	8. Доля населения, пользующегося муниципальными системами обеспечения питьевой и бытовой водой
8. Протяженность автострад	9. Доля населения, пользующегося муниципальной системой канализации
	<i>Гендерное равенство</i>
	10. Гендерное соотношение обучающихся в системе начального, среднего и высшего образования
	12. Гендерная структура рабочей силы (доля мужчин, %)

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselistatistik/tabloOlustur.do#>

Итак, к регионам Востока и Юго-Востока относятся следующие регионы, именуемые в Турции по присвоенным им кодовым номерам: TRC1 (Газиантеп, Адьяман, Килис), TRC2

(Шанлыурфа, Диярбакыр, TRC3 (Мардин, Батман, Ширнак, Сиирт), TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели), TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари).

Данные по общим показателям бедности и неравенства на Востоке и Юго-Востоке страны приведены в таблице I-7.4 и I-7.5.

Таблица I-7.4. Общие базовые показатели бедности и неравенства (показатели, связанные с уровнем дохода)

	Уровень бедности, определяемый как доля лиц с доходом ниже 60% от медианы (2008) ¹	Уровень бедности, определяемый как доля лиц с доходом ниже 60% от медианы (2017)	Коэффициент Джини (2014)	Коэффициент Джини (2017)
TRC1 (Газиантеп, Адыяман, Килис)	19,7	12,1	0,326	0,316
TRC2 (Шанлыурфа, Диярбакыр)	19,7	14,8	0,412	0,374
TRC3 (Мардин, Батман, Ширнак, Сиирт)	19,7	14,3	0,362	0,338
TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели)	17,6	16,5	0,367	0,322
TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари)	17,6	13,9	0,385	0,372
Турция	24,1	20,1	0,391	0,405

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselististik/tabloOlustur.do#>

Примечание: ¹ Значение данного показателя приводится лишь для регионов первого уровня – TRB и TRC, объединяющего более мелкие регионы второго уровня, по которым проводится обследование по большинству показателей. Поэтому в таблице приведены единые значения для регионов второго уровня, соответствующие общим показателям регионов первого уровня, в состав которых они входят.

Итак, как следует из анализа данных таблицы I-7.4, за десятилетний период во всех без исключения регионах Востока и Юго-Востока Турции произошло довольно заметное снижение доли бедного населения, определяемого к тому же не на основании показателей абсолютной бедности, а относительно 60% уровня среднего дохода. При этом, здесь наблюдается довольно редкая

ситуация, когда показатели на Востоке и Юго-Востоке несколько лучше, чем в среднем по Турции (основной виновник более низких среднестрановых показателей – Причерноморский регион, который не вошел в рассматриваемую выборку), а снижение средних по рассматриваемым регионам значений за десятилетний период на 4,5 процентных пункта (с 18,7% до 14,3%) оказалось несколько более значительным, чем по Турции в среднем – 4 процентных пункта. Снижение доли бедных ожидаемо привело и к некоторому снижению значения коэффициента Джини для всех без исключения рассматриваемых регионов, тогда как для Турции в целом значение несколько выросло. Таким образом, динамика снижения бедности, а вслед за ней и неравенства в распределении доходов на Востоке и Юго-Востоке оказалась даже несколько лучшей, чем по Турции в целом.

Таблица I-7.5. Общие базовые показатели бедности и неравенства (показатели, не связанные с уровнем дохода)

	Среднемесячное число скончавшихся детей в возрасте от 1 года до 4 лет на 1000 родившихся (2009)	Среднемесячное число скончавшихся детей в возрасте от 1 года до 4 лет на 1000 родившихся (2017)
TRC1 (Газиантеп, Адьяман, Килис)	46,0	33,8
TRC2 (Шанлыурфа, Диярбакыр)	54,8	42,3
TRC3 (Мардин, Батман, Ширнак, Сирут)	47,7	35,2
TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели)	41,7	26,8
TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари)	53,3	39,5
Турция	37,5	25,7

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselistatistik/tabloOlustur.do#>

При оценке бедности и неравенства показатели детской смертности рассматриваются как наиболее важные и при этом не связанные напрямую с уровнем дохода.

Существенные достижения Юго-Восток и Восток страны продемонстрировали в снижении уровня смертности детей раннего возраста. При этом вновь существенную понижательную динамику продемонстрировали все регионы выборки. Существенно, что снижение средних для Юго-Востока и Востока значений – на 13,2 ребенка было выше, чем за тот же десятилетний период для Турции в целом – 11,8 ребенка. Тем не менее, ускоренное сокращение разрыва со среднестрановыми показателями пока не позволило ни одному из регионов выборки достичь средних для Турции показателей, хотя регион, сформированный илями Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели, вплотную приблизился к ним, продемонстрировав по итогам 2017 г. показатель 26,8 против 25,7 умерших детей на тысячу родившихся в среднем по Турции. Тем не менее, несмотря на определенный прогресс в снижении смертности детей раннего возраста, ее сравнительно высокий уровень остается пока остро стоящей проблемой для большинства илей Юго-Востока и Востока Турции, одновременно свидетельствуя о сохранении проблемы бедности, если не в материальном ее проявлении, то в одном из важнейших качественных измерений.

Показатели экономического роста и расширения экономических возможностей

При оценке темпов роста пришлось делать выбор между данными в турецких лирах в ценах 2009 г. и их эквивалентом по текущему обменному курсу. Второй вариант был сочтен более репрезентативным, поскольку легко позволяет перейти к международным сравнениям и сделать имеющиеся данные более доступными для интерпретации, однако он оказался сопряжен с изменениями показателей, обусловленными не столько экономической динамикой Турции в целом и отдельных регионов, сколько значительной девальвацией лиры в ходе глобального кризиса 2009 г. и последующими более поздними волнами девальвации, также

спровоцированными главным образом изменениями внешней конъюнктуры.

Таблица I-7.6. Экономический рост (ВВП на душу населения, исчисленный в долл. по текущему обменному курсу и среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения

	ВВП на душу населения (2008)	ВВП на душу населения (2017)	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения (2008–2017)
TRC1 (Газиантеп, Адыман, Килис)	6336	7011	1,25
TRC2 (Шанлыурфа, Диярбакыр)	4417	4403	-0,05
TRC3 (Мардин, Батман, Ширнак, Сиирт)	4542	5031	1,15
TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели)	6290	6350	0,10
TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари)	4021	4162	0,40
Турция	10931	10602	-0,35

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselististik/tabloOlustur.do#>

В результате к 2017 г. подушевой ВВП для Турции в целом снизился по сравнению с уровнем 2008 г. (см. табл. I-7.6). Но при этом сравнительная динамика по регионам сохраняет свою убедительную иллюстративность, свидетельствуя об опережающих темпах роста ВВП на душу населения для всех без исключения регионов Юго-Востока и Востока страны (включая регион, сформированный илями Шанлыурфа и Диярбакыр, где показатель подушевого ВВП незначительно снизился, но заметно менее существенно, чем по стране в целом). Но эта опережающая динамика опять же оказалась недостаточной для того, чтобы хотя бы один из регионов выборки опередил по показателю ВВП на душу населения среднестрановые показатели. Максимальный показатель в 2017 г.

продемонстрировал регион, сформированный илями Газиантеп, Адыяман, Килис, он составил 66% от среднестранового. Средний показатели ВВП на душу населения в 2008 г. составил 46,8% среднестранового уровня, а в 2017 г. – 50,8%, что, очевидно и было обеспечено опережающими темпами роста ВВП в регионах Юго-Востока и Востока на протяжении исследуемого десятилетия. Тем не менее, в 2017 г. среднее значение показателя для регионов рассматриваемой выборки было практически в два раза ниже среднестранового уровня.

Что касается показателей занятости, то все без исключения регионы в изучаемой выборке продемонстрировали рост ее уровня (см. табл. I-7.7).

Таблица I-7.7. Занятость: количественные и структурные характеристики

Регион	Уровень занятости (2008)	Уровень занятости (2017)	Число работодателей, самозанятых и семейных работников на 100 наемных работников (2008)	Число работодателей, самозанятых и семейных работников на 100 наемных работников (2017)	Число семейных работников на 100 наемных работников (2008)	Число семейных работников на 100 наемных работников (2017)
TRC1(Газиантеп, Адыяман, Килис)	43,8	46,8	81,8	42,2	30,8	9,9
TRC2 (Шанлыурфа, Диярбакыр)	31,8	48,1	87,8	70,3	24,3	34,3
TRC3 (Мардин, Батман, Ширнак, Сиирт)	30,7	38,6	63,9	35,1	13,7	12,2
TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели)	42,6	51,5	100,4	87,6	34,9	33,0
TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари)	38,9	47,7	131,0	94,2	47,5	54,1
Гурция	46,9	52,8	63,8	32,1	20,7	16,5

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselististik/tabloOlustur.do>

При этом минимальным – всего 3 процентных пункта – он оказался для региона сформированного илями Газиантеп, Адьяман, Килис, который в 2008 г. имел самый высокий показатель уровня занятости. Более значительное повышение уровня занятости – в районе 10 процентных пунктов – продемонстрировали остальные регионы, что, видимо, отчасти объясняется более низкими показателями занятости в 2008 г. В итоге к 2017 г. заметно изменилась иерархия регионов выборки по уровню занятости – на первом месте оказался регион, сформированный илями Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели и практически достигший среднестранового уровня занятости. Регион-бывший лидер, куда входят или Газиантеп, Адьяман, Килис, оказался на предпоследнем месте. Кроме того, средний уровень занятости на Востоке и Юго-Востоке страны вырос более заметно, чем в Турции в целом – почти на 9 процентных пунктов против 6. Тем не менее, рывок, совершенный большинством регионов выборки, оказался достаточным лишь для сокращения, но не преодоления отставания от среднестрановых показателей выборки – 9,3 процентных пункта в 2008 г. против 6,3 в 2017 г.

В методике комплексной оценки инклюзивного развития важное значение имеет относительное число samozанятых и семейных работников, которые, как считается, вовлечены в наиболее «архаичные» (в смысле социально наименее защищенные) формы занятости. В массиве доступных статистических данных две названные группы занятых представлены совместно с работодателями, очевидно вошедших в данную совокупность как часть общей группы «ненаемных» работников. Таким образом, рассчитанные в таблице I-7.7 показатели, строго говоря, показывают долю «ненаемных» работников. Но с учетом сравнительной малочисленности работодателей для регионов Востока и Юго-Востока, эти данные остаются достаточно репрезентативными для выявления соотношения «современных» (социально защищенных) и «архаичных» форм занятости. Итак, все без исключения регионы выборки продемонстрировали снижение относительных масштабов

«архаичных» форм занятости, причем в двух регионах – Газиантеп, Адьяман, Килис и Мардин, Батман, Ширнак, Сиирт – снижение оказалось близким к двукратному. В результате последний регион оказался единственным, кому удалось приблизиться к среднестрановым показателям. Тем не менее, в 2017 г. средний для регионов выборки показатель в два раза превышал среднестрановой – 63,8 «ненаемных» работника на 100 занятых и 32,1 человека соответственно. Кстати, в 2008 г. разрыв составлял 1,5 раза. Сравнительно худшие результаты 2017 г. объясняются заметным снижением показателей «архаичной» занятости для Турции в целом.

Рассмотренный выше показатель можно уточнить через анализ относительной численности только семейных работников. В данном случае динамика имеет весьма неровный характер (см. табл. I-7.7). Выделяются три региона, где данный показатель снизился - Газиантеп, Адьяман, Килис (трехкратное снижение) и Мардин, Батман, Ширнак, Сиирт и Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели (незначительное снижение). Тем не менее, в двух первых случаях регионам удалось выйти на показатели более низкие, чем по Турции в среднем. В двух остальных регионах показатель повысился. И хотя подобная разнонаправленная динамика все же обеспечила некоторое снижение среднего для регионов выборки показателя с 30,2 семейных работников на 100 занятых в 2008 г. до 28,7 в 2017 г., разрыв со среднестрановым показателем не сократился, а увеличился с 1,5 до 1,7 раза. Таким образом, с точки зрения использования наиболее одиозной в своей архаичности формы труда – труда семейных работников – регионы Востока и Юго-Востока переживают разнонаправленные тенденции, которые свидетельствуют о сохраняющейся в части из них актуальности данной формы занятости. В таблице I-7.8 представлены основные показатели развития инфраструктуры.

По показателям потребления электроэнергии все регионы продемонстрировали положительную динамику. Тем не менее, в рамках общей повышательной тенденции разброс показателей оставался весьма существенным – регион Газиантеп, Адьяман,

Килис к 2017 г. вышел на показатели выше среднестрановых, что не наблюдалось ни в одном из регионов в 2008 г., а регион Ван, Муш, Битлис, Хаккари более, чем в три раза отставал от средних для Турции показателей. В итоге средние для регионов выборки показатели за 2017 г. – 1693 кВт ч на душу населения были заметно ниже среднестрановых – 2897 кВт ч.

Таблица I-7.8. Ключевые показатели развития инфраструктуры

Регион	Потребление электричества в расчете на душу населения (Kwh) 2008	Потребление электричества в расчете на душу населения (Kwh) 2016	Протяженность дорог государственного и муниципального значения (км/1000 кв.км) 2008	Протяженность дорог государственного и муниципального значения, (км/1000 кв.км) 2017	Наличие и протяженность автострад (км) 2008	Наличие и протяженность автострад (км) 2017
TRC1 (Газиантеп, Адыман, Килис)	2079	3219	89,6	90,4	121	148
TRC2 (Шанлыурфа, Диярбакыр)	1095	1328	62,9	66,2	110	146
TRC3 (Мардин Батман, Ширнак, Сиирт)	946	1207	82,4	88,0	-	-
TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели)	1338	1882	79,1	81,2	-	-
TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари)	576	832	62,6	74,4	-	-
Турция	2264	2897	76,1	79,8	1922	2657

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselistatistik/tabloOlustur.do>

Аналогичным образом для всех регионов Востока и Юго-Востока к 2017 г. по сравнению с 2008 г. выросла насыщенность территории дорогами государственного и муниципального значения. При этом трем из пяти регионов выборки удалось превзойти по данному показателю среднестрановой уровень, а средний

показатель для всех ее регионов – 80,0 км на 1000 км кв. территории оказался (редкий случай!) чуть выше среднего по стране. Тем не менее, обращает на себя внимание чрезвычайно малая протяженность и как следствие редкость автострад на Востоке и Юго-Востоке страны. Из пяти регионов в 2017 г. они существовали лишь в двух. При этом ситуация не изменилась по сравнению с 2008 г.: к 2017 г. в двух регионах из пяти произошел некоторый рост протяженности автострад, но по насыщенности данными видами дорог и эти регионы демонстрировали чуть ли не двадцатикратное отставание от среднестрановых показателей. Остальные три региона по-прежнему не имели автодорог высокого качества.

Показатели социальной включенности

Данные таблицы I-7.9 свидетельствуют об известном прогрессе в области доступности образования и здравоохранения. Во всех без исключения илях Востока и Юго-Востока Турции в 2017 г. обучение происходило в менее наполненных классах по сравнению с 2012 г. При этом региону, куда входят или Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели, удалось выйти на соотношение учеников начальной школы и учителей даже чуть меньшее, чем в среднем по стране. Однако в остальных регионах выборки этот показатель оставался выше, несмотря на отмеченное за последние годы снижение. В итоге и средний по регионам выборки показатель – 19,6 учащихся на одного учителя был выше, а, следовательно, хуже, чем в среднем по стране – 17,1. Опять же во всех регионах выборки выросла численность медицинского персонала в расчете на 10 тыс. населения. Тем не менее, в двух регионах-Мардин, Батман, Ширнак, Сиирт и Ван, Муш, Битлис, Хаккари значения данного показателя были не только минимальными среди регионов выборки, но и заметно ниже среднестрановых. Регион Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели продемонстрировали показатели чуть выше среднестрановых. По итогам подобного распределения среднее значение рассматриваемого показателя для регионов выборки оказалось заметно ниже среднестранового – 13,2 и 17,9, соответственно.

Таблица I-7.9. Доступность образования и здравоохранения

Регион	Численность обучающихся в расчете на одного преподавателя (начальное образование) 2012	Численность обучающихся в расчете на одного преподавателя(начальное образование) 2017	Число врачей различного профиля на 10000 населения 2008	Число врачей различного профиля на 10000 населения 2016
TRC1 (Газиантеп, Адьяман, Килис)	23,0	21,1	10,5	13,2
TRC2 (Шанлыурфа, Диярбакыр)	25,2	23,2	10,4	12,1
TRC3 (Мардин, Батман, Ширнак, Сирт)	23,9	20,4	8,0	10,2
TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели)	16,3	15,1	16,5	18,8
TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари)	24,7	18,5	9,9	11,9
Турция	19,8	17,1	15,8	17,9

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselistatistik/tabloOlustur.do#>

Население Востока и Юго-Востока в целом в высокой мере приобщено к использованию муниципальных систем водоснабжения и канализации, что коррелирует с высокими же среднестрановыми показателями (см. табл. I-7.10). Но к 2017 г. по сравнению с 2008 г. в отдельных регионах выборки наблюдалось некоторое ухудшение соответствующих показателей.

Что касается гендерного равенства в сфере образования (см. табл. I-7.11), то наиболее заметны сдвиги в системе высшей школы. В 2008 г. среднее для регионов Востока и Юго-Востока соотношение студентов-девушек и студентов-юношей составляло 0,52, что означало почти двукратное преобладание численности студентов мужского пола. К 2017 г. данный показатель заметно вырос во всех без исключения регионах выборки, а в регионе Газиантеп, Адьяман, Килис достиг 0,90, что означало приближение к равной численности студенток и студентов. Причем мера этого приближения оказалась выше, чем по стране в целом.

Таблица I-7.10. Доступ к основной инфраструктуре и услугам

Регион	Доля населения, пользующегося муниципальными системами обеспечения питьевой и бытовой водой 2008 (%)	Доля населения, пользующегося муниципальными системами обеспечения питьевой и бытовой водой 2016 (%)	Доля населения, пользующегося муниципальной системой канализации 2008	Доля населения, пользующегося муниципальной системой канализации 2017
TRC1 (Газиантеп, Адыман, Килис)	98	100	96	96
TRC2 (Шанлыурфа, Диярбакыр)	99	96	93	76
TRC3 (Мардин, Батман, Ширнак, Сирт)	97	86	83	88
TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели)	99	99	91	90
TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари)	98	97	70	74
Турция	99	98	88	90

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselistatistik/tabloOlustur.do>

Сократилось и отставание от среднестрановых показателей: 0,52 против 0,77 в 2008 г. и 0,78 против 0,87 в 2017 г. Что касается начальной школы, то приблизительно равное (как в Турции в целом) соотношение мальчиков и девочек с небольшим перевесом в сторону первых было достигнуто еще в 2008 г. и оно же сохранилось к 2017 г. Соотношение обучающихся в средней школе незначительно выросло в пользу девушек, и на данном уровне образования сохраняется некоторое не слишком существенное отставание регионов выборки от среднестрановых показателей.

Что касается проблемы доминирования мужчин в гендерной структуре рабочей силы, то по сравнению с 2008 г. наблюдалось некоторое снижение ее остроты во всех без исключения регионах выборки (см. табл. I-7.12). Тем не менее, средние для всех

рассматриваемых регионов показатели доли мужчин в общей численности рабочей силы оставались выше среднестрановых и в 2008 г., и 2017 г. – 84,4% против 73,4% и 73,7% против 67,9% соответственно. Но уровень разрыва сократился с 10 до 6 процентных пунктов.

Итак, проанализировав систему показателей социально-экономического развития Востока и Юго-Востока Турции, позволяющую судить о степени его инклюзивности, то есть о том, в какой мере в ходе этого развития были созданы широкие возможности для преодоления неравенства в условиях жизни и личностного развития как внутри исследуемых регионов, так и особенно между ними и Турцией в целом, можно сделать вывод, что на за рассмотренный промежуток времени (в основном десятилетие 2008-2017 гг.) все без исключения регионы в той или иной мере продемонстрировали прогресс почти по каждому из рассмотренных показателей.

Таблица I-7.11. Гендерное равенство-1

Регион	Гендерное соотношение обучающихся ¹ в системе начального образования (2012)	Гендерное соотношение обучающихся ¹ в системе начального образования (2017)	Гендерное соотношение обучающихся ¹ в системе среднего образования (2008)	Гендерное соотношение обучающихся ¹ в системе среднего образования (2012)	Гендерное соотношение обучающихся ¹ в системе высшего образования (2012)	Гендерное соотношение обучающихся ¹ в системе высшего образования (2017)
TRC1 (Газиантеп, Адьяман, Килис)	0,95	0,95	0,86	0,88	0,61	0,90
TRC2 (Шанлыурфа, Диярбакыр)	0,97	0,95	0,73	0,77	0,55	0,77
TRC3 (Мардин, Батман, Ширнак, Сирт)	0,96	0,95	0,70	0,77	0,44	0,70
TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели)	0,94	0,95	0,88	0,88	0,54	0,78
TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари)	0,98	0,95	0,70	0,81	0,46	0,77
Турция	0,95	0,95	0,89	0,90	0,77	0,87

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselistatistik/tabloOlustur.do>

Примечание: ¹Отношение численности обучающихся девочек (девушек) к численности обучающихся мальчиков (юношей).

Таблица I-7.12. Гендерное равенство-2.
(Гендерная структура рабочей силы (доля мужчин, %))

Регион	Доля мужчин в общей численности рабочей силы (%),	Доля мужчин в общей численности рабочей силы (%),
	2008	2017
TRC1 (Газиантеп, Адьяман, Килис)	81,7	75,4
TRC2 (Шанлыурфа, Диярбакыр)	86,6	72,9
TRC3 (Мардин, Батман, Ширнак, Сиирт)	93,4	80,2
TRB1 (Малатья, Элязыг, Бингель, Тунджели)	77,0	66,7
TRB2 (Ван, Муш, Битлис, Хаккари)	83,5	73,4
Турция	73,4	67,9

Источник: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselistatistik/tabloOlustur.do>

В ряде случаев региональная динамика опережала общестрановую (это справедливо для темпов роста ВВП на душу населения, роста занятости), что привело к сокращению разрыва между Турцией в целом и Востоком и Юго-Востоком – наиболее отсталыми в социально-экономическом отношении регионами Турции. В то же время лишь в очень редких случаях и далеко не для всех регионов выборки отмеченный прогресс оказался достаточным для опережения среднестрановых показателей. Таким образом, общая тенденция – сокращение отставания Востока и Юго-Востока по комплексу показателей социально-экономического развития, но при сохранении ими статуса регионов Турции, имеющих показатели ниже среднестрановых.

Таким образом, можно говорить об относительной эффективности социальной политики периода ПСР в вопросах преодоления региональной неравномерности. К плюсам ситуации следует отнести определенные позитивные сдвиги в сокращении отставания Востока и Юго-Востока, к минусам – сохранение на сегодня проблемы как таковой.

ГЛАВА II.

НЕРАВЕНСТВО СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОТ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ К ЧАСТНЫМ РЕШЕНИЯМ

§2.1. Неравенство социально-экономического развития: страны и страты

Состояние экономического и социального неравенства в мире характеризуют разные процессы и показатели. Их можно свести в три крупные группы. Это неравенство между странами по уровню социально-экономического развития, доступ населения стран к базовым для выживания ресурсам (продовольствие, безопасная вода, образование и т.п.), а также имущественное расслоение внутри стран.

В целом по миру выявляется достаточно устойчивая тенденция сокращения доли, а по некоторым показателям и числа людей, живущих в условиях крайнего неблагополучия, постоянно недоедающих, не имеющих медицинской помощи, доступа к энергии и чистой пресной воде. Этот процесс является комбинацией экономического роста и специальных усилий по борьбе с бедностью.

Что касается экономического роста, то есть убедительные свидетельства того, что он сам по себе не уменьшает неравенство в мире между странами, а ситуации описывается словами «прилив поднимает все суда», то есть экономический рост есть во всех странах, но догоняющее развитие с точки зрения сокращения разрывов между странами происходит очень выборочно. Л.М. Григорьевым и В.А. Павлюшиной проведено исследование динамики

межстранового неравенства по 174 странам за 1992–2016 гг.¹. Страны сопоставлялись по уровню ВВП по паритету покупательной способности в ценах 2011 г. по оценке Всемирного банка.

Мировой ВВП за 1992–2016 гг. вырос в 2,3 раза. На душу населения рост ВВП составил 70%. Сократилась абсолютная бедность, особенно в КНР и в Индии. Именно эти две страны переместились в более высокие по уровню развития кластеры. Индия из шестого в пятый, а Китай из шестого в третий. Поскольку среди крупных стран Бангладеш и Пакистан и большинство стран к югу от Сахары остаются в нижних кластерах, в мире сохраняется многочисленное бедное население.

Состав кластеров оказался на протяжении всего периода стабильным. Период наблюдения был разбит на отрезки: 1992–2000 гг., 2000–2008 гг., 2008–2016 гг. При исключении из расчетов развивавшегося очень быстро, причем по специфической экономической модели Китая сдвиги в границах кластеров соответствуют общемировому росту ВВП на душу населения по ППС. При этом подходе страна остается в кластере, если ее ВВП на душу населения растет в темпе близком к среднемировому. При значительном отклонении страна меняет кластер на более высокий или низкий.

Авторы исследования отмечают, что в 1992 г. ниже границы в 5 тыс. долл. на душу населения по ППС в мире жило 3,05 млрд чел. Для 2016 г. в качестве границы, указывающей на успешное преодоление бедности, они предлагают уровень в 7 тыс. долл. При этой повышенной границе в пятом, шестом и седьмом кластерах в 2016 г. жило 2,83 млрд чел. Их доля в мировом населении уменьшилась с 57% до 39% за счет выхода КНР в третий более высокий по доходам кластер (см. табл. II-1.1).

¹ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. 2018. №7. С. 5-29

Таблица II-1.1. Кластеры по уровню развития в 1992 и 2016 гг.

1992 г.				2016 г.			
Кластер	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее значение ВВП на душу населения по ППС, тыс. долл.	Кластер	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее значение ВВП на душу населения по ППС, тыс. долл.
1	26	1,06	41,7	1	28	1,23	53,90
2	16	0,23	19,7	2	28	0,53	26,70
3	22	0,45	12,1	3	22	2,00	16,90
4	37	0,60	7,1	4	35	0,75	10,20
5	31	0,46	3,2	5	29	2,27	4,70
6	24	2,40	1,7	6	15	0,21	2,30
7	18	0,19	0,9	7	17	0,35	1,30
Все-го	174	5,39	-		174	7,34	-

Источник: составлено автором по данным Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. 2018. №7. С. 5-29

Данные по кластерам можно интерпретировать следующим образом. Первый кластер – обеспеченное, богатое население мира, второй, третий и четвертый – средний класс, живущий выше среднемировых стандартов. Пятый, шестой, седьмой – бедное население, живущее на уровне ниже среднемировых стандартов. Если принять этот подход, то за четверть века несколько уменьшилась доля группы с высокими доходами, но почти вдвое увеличилась доля группы со средними доходами и на треть уменьшилась доля населения в группе с низкими доходами (см. табл. II-1.2).

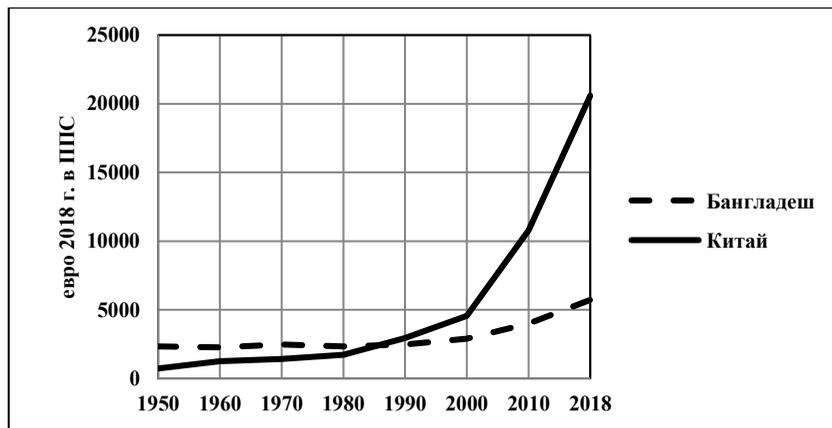
Таблица П-1.2. Разделение населения мира на крупные группы по доходам на основе группировки кластеров, % мирового населения.

	1992	2016
Первый кластер (высокие доходы)	19,7	16,8
Второй, третий, четвертый кластеры (средние доходы)	23,7	44,7
Пятый, шестой, седьмой кластеры (низкие доходы)	56,6	38,6
Всего	100	100

Источник: рассчитано автором по данным табл. П-1.1.

Этот сдвиг связан с успешным социально-экономическим развитием Китая. В первом кластере, куда входят самые развитые и богатые страны, в 2016 г. было 28 государств. На одну шестую мирового населения, относящегося к этой группе, приходится более половины (52,6%) мирового ВВП по ППС, так что мировое неравенство между странами весьма заметно.

Рисунок П-1.1. Динамика ВВП на взрослого человека в евро 2018 г. по паритету покупательной способности в КНР и Бангладеш

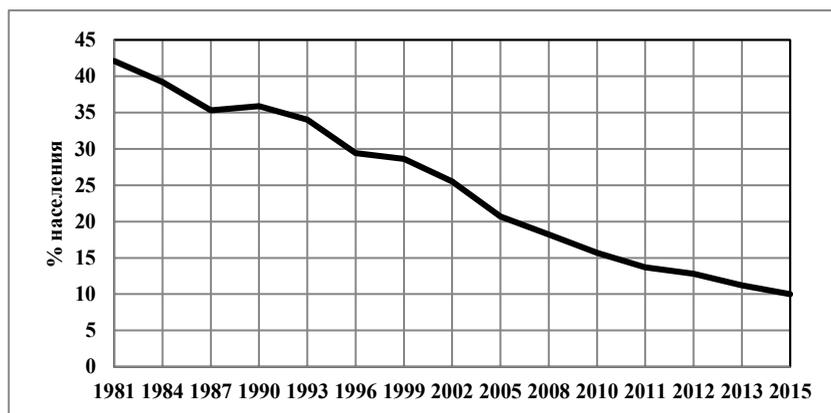

Источник: World Inequality Database. <https://wid.world/data/>

Что касается динамики экономического роста в развивающихся странах, то в них различия весьма велики (см. рис. II-1.1). На протяжении длительного периода КНР и Бангладеш развивались схожим образом с точки зрения динамики ВВП на душу населения, но решительное изменение политики КНР при сохранении модели развития в Бангладеш развело эти страны по разным группам по уровню экономического благосостояния.

Таким образом, в группе развивающихся стран велики расхождения в уровне благосостояния. Следует рассматривать не только разрыв между развитыми и развивающимися странами, но и значительные различия внутри группы развивающихся стран.

Рисунок II-1.2. Динамика уровня крайней бедности в мире

Источник: World Development Indicators <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY?locations=1W&start=1981&end=2015&view=chart>

Примечание: Доля людей, живущих на 1,90 долл. в ценах 2011 г. по паритету покупательной способности в день

Что касается доступа населения к основным благам, таким как продовольствие, чистая вода, медицинское обслуживание, то здесь заметны улучшения, хотя проблема еще не решена.

Если принять критерий крайней бедности постоянным (1,9 долл. в день), то ситуация в мире в целом неуклонно

улучшается (см. рис. II-1.2). За три с половиной десятилетия уровень крайней бедности уменьшился в четыре раза. В значительной степени этот успех связан с экономическим бумом в Китае после начала реформ в 1980-х годах. График на рисунке II-1.1 по времени роста совпадает с периодом падения на рисунке II-1.2.

Уровень крайней бедности локализовался в двух основных регионах мира. Это Южная Азия (Индия, Пакистан, Бангладеш, Афганистан) и Африка к югу от Сахары (см. табл. II-1.3).

Таблица II-1.3. Уровень крайней бедности по основным географическим регионам стран Азии и Африки

Регион	Уровень крайней бедности, %
Европа и Центральная Азия	1,5
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	2,3
Южная Азия	16,1
Африка к югу от Сахары	41,4

Источник: составлено и рассчитано автором по World Development Indicators <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY?locations=1W&start=1981&end=2015&view=chart>

Худшие показатели наблюдаются в странах Африки. Для Мозамбика (62%) и Мадагаскара (78%) доля живущих на 1,9 долл. в ценах 2011 г. по паритету покупательной способности в середине 2010-х годов была самой высокой в мире. В Индии этот показатель находится на уровне 21%. В Китае произошло его снижение с 11,2% в 2010 г. до 0,7% к 2015г., то есть до среднего уровня стран с высокими доходами (см. табл. II-1.4).

Нужно отметить, что экстремальная бедность в основном широко распространена в тех странах, где все еще широко распространено натуральное хозяйство, то есть часть жизненных ресурсов поступает домохозяйствам не по рыночным каналам, а в результате труда членов этого домохозяйства на земле в земледелии или скотоводстве. Может складываться парадоксальная ситуация,

когда прогресс, развитие рыночного хозяйства, сужающие натуральное хозяйство, особенно в сельской местности, оказываются негативным фактором для беднейшего населения, которое лишается традиционных источников пополнения продовольственной корзины.

Таблица II-1.4. Уровень крайней бедности по основным группам стран по уровню доходов

Группы стран по уровню доходов	Уровень крайней бедности, %
Высокие доходы ¹	0,7
Высшая группа со средними доходами ²	1,6
Нижняя группа со средними доходами ³	14,1
Низкие доходы ⁴	45,0
Страны с политической нестабильностью и вооруженными конфликтами	34,4

Источник: составлено и рассчитано автором по World Development Indicators <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY?locations=1W&start=1981&end=2015&view=chart>

Примечания:

¹ – страны ОЭСР, богатые страны-нефтеэкспортеры Персидского залива, Россия, Тайвань, Сингапур

² – основные члены группы: страны Восточной Европы, Бразилия, Китай, Иран, Казахстан, Турция

³ – основные члены группы: Египет, Индия, Индонезия, Пакистан, Филиппины, Украина, Узбекистан, Вьетнам, Йемен

⁴ – страны Африки к югу от Сахары, Кыргызстан, Таджикистан

Как показано выше, в КНР уровень бедности снизился в 16 раз за пять лет. Это явно указывает на специальные меры социальной политики по снижению бедности. К 2010 г. Китай достиг высоких результатов в экономическом развитии, но уровень крайней бедности был все еще высок. Без усилий государства экономический рост необязательно приводит к снижению бедности, так как экономическое развитие может носить анклавный характер и ориентироваться на внешние рынки.

Крайняя бедность (см. табл. II-1.4) имеет место и в странах с высокими доходами, хотя ее распространение там очень ограничено, но в странах с низкими доходами почти половина населения находится на уровне крайней бедности. Помимо низкого уровня социально-экономического развития политическая нестабильность и вооруженные конфликты расширяют сферу бедности. В странах, где складывается такая ситуация, около трети населения также попадают в категорию крайней бедности. В этих странах обостряется продовольственная ситуация (см. табл. II-1.5).

Таблица II-1.5. Положение с продовольственной безопасностью в 2017 г. в странах, охваченных вооруженными конфликтами.

Страна или территория	Доля населения с потреблением ниже уровня продовольственной безопасности ¹ , %
Йемен	60
Северная Нигерия	9
Демократическая республика Конго	11
Афганистан	26
Сирия	33
Южный Судан	50
Сомали	27

Источник: 2018 WORLD HUNGER AND POVERTY FACTS AND STATISTICS <https://www.worldhunger.org/world-hunger-and-poverty-facts-and-statistics/#hunger-number>

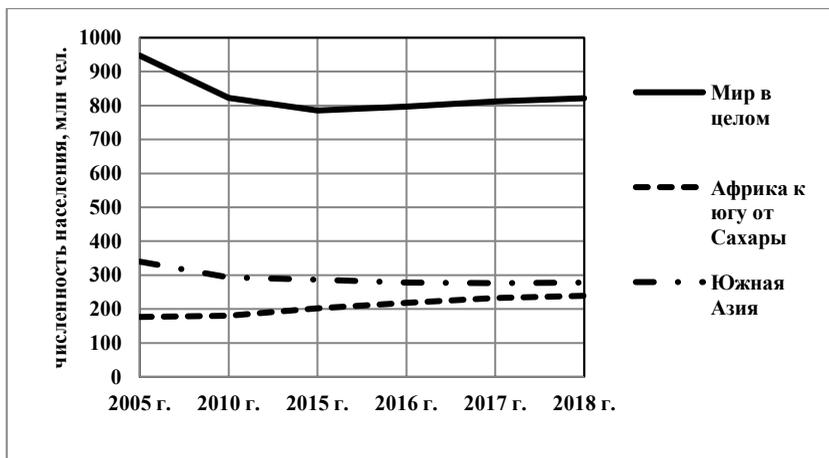
Примечание:

¹ Продовольственная безопасность – сопоставимая по странам оценка доли населения, имеющего умеренные или острые проблемы с доступом к продовольствию (см.: Sustainable Development Goals. <http://www.fao.org/sustainable-development-goals/indicators/212/en/>)

Что касается распространения голода и недоедания в мире в целом, то тут тенденции противоречивы (см. рис. II-1.3). При небольшом сокращении числа голодающих в мире в целом, устойчивом уменьшении числа голодающих в Южной Азии в Африке к югу от Сахары ситуация стабильно ухудшается. На графике показаны два региона в Азии и Африке, где число голодающих

наиболее велико, но за пределами этих регионов есть места, где наблюдается ухудшение. Например, в Западной Азии число голодающих с 19,4 млн чел. в 2005 г. увеличилось до 33,7 млн чел. в 2018 г.².

Рисунок П-1.3. Число голодающих в мире и основных регионах в 2005–2018 гг., млн человек

Источник: построено автором по данным The State of Food Security and Nutrition in the World 2019, Р. 33. <http://www.fao.org/3/ca5162en/ca5162en.pdf#page=32>

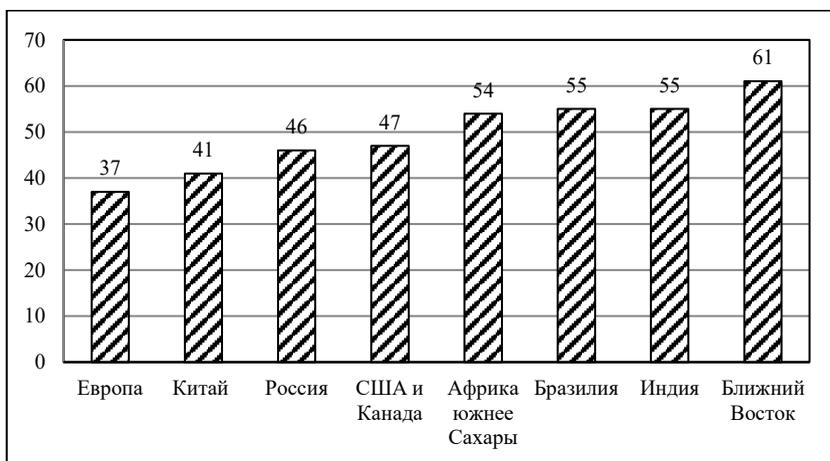
Таким образом, в мире в целом более 10% населения хронически страдают от дефицита продовольствия. Доля этого населения в мировом сокращается, но численность стабильна. Основные успехи приходятся на Восточную и Юго-Восточную Азию, где экономический рост сопровождается успехами в социальной сфере.

Вместе с тем, есть заметные успехи в улучшении ряда показателей социально-экономического развития даже самых ныне неблагополучных стран. Например, средняя продолжительность

² The State of Food Security and Nutrition in the World 2019, Р. 33. <http://www.fao.org/3/ca5162en/ca5162en.pdf#page=32>

предстоящей жизни при рождении в Йемене в 2010–2015 гг. составляла 66 лет, а это соответствует уровню развитых стран в целом в конце 1950-х гг.³ Вероятно, можно говорить о продуктивности развития общественных благ в развивающихся странах. Прививки детей, развитие сети медицинских центров, обеспечивающих борьбу с эпидемиями, налаживание безопасного водоснабжения дают свои положительные результаты даже при экономическом неблагополучии стран.

Рисунок П-1.4. Доля 10% самых богатых в национальном доходе в различных регионах мира в 2016 г., %

Источник: Доклад о неравенстве в мире 2018. Основные положения. Авторы и составители: Facundo Alvaredo, Lucas Chancel, Thomas Piketty, Emmanuel Saez, Gabriel Zucman. Лаборатория неравенства в мире, 2017.

При исследовании имущественного неравенства внутри стран опасной тенденцией является его рост как в развивающихся,

³ World Population Prospects 2019. File MORT/7-1: Life expectancy at birth (both sexes combined) by region, subregion and country, 1950-2100 (years). Estimates, 1950 – 2020 POP/DB/WPP/Rev.2019/MORT/F07-1

так и в развитых странах. Текущую ситуацию описывает рисунок П-1.4.

Внимание к росту неравенства в развитых странах привлек французский исследователь Т. Пикетти⁴. Работы его исследовательской группы по сбору информации и анализу уровней доходов и владению имуществом по Франции, Англии и США в XIX и XX вв. показывают, что доходность капитала в течение длительного времени растет быстрее темпов роста трудовых доходов и производства. Рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Наблюдавшееся в Европе в Европе в XX в. выравнивание доходов и образование среднего класса были связаны с потерями имущества в результате Первой и Второй мировых войн. В США в XIX в. значение накопленного капитала было существенно меньше, поскольку в это время туда прибывали малообеспеченные иммигранты, а во второй трети XX в. в стране проводилась жесткая политика прогрессивного налогообложения. На середину XX в. в странах Европы и Северной Америки пришелся расцвет среднего класса, живущего на трудовые доходы. По расчетам Т. Пикетти и его сотрудников в начале XXI в. уровень неравенства в развитых странах вернулся к уровню начала XX в. Это период социального напряжения, время, когда средний класс был очень узок. В настоящее время обладание финансовым капиталом в условиях глобализации при хорошем управлении и грамотных инвестициях обеспечивает его владельцам максимальные доходы за счет его размещения в самых быстрорастущих отраслях по всему миру. В развитых странах сформировался влиятельный слой раньше, а люди, работающие по найму, утрачивают многие возможности для заработка и улучшения жизни.

Для снижения рисков социального расслоения и взрывов недовольства имущественным неравенством группа исследователей с участием Т. Пикетти предлагает устанавливать

⁴ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргенем Пресс. 2016.

прогрессивное налогообложение, как испытанный инструмент борьбы с растущим неравенством в доходах и имущественным неравенством. Предлагается также составить мировой реестр финансовых активов, который позволил бы определять их владельцев. Эта мера нанесла бы серьезный удар по уклонению от уплаты налогов и отмыванию денег, которые развиваются в условиях глобальной экономики. Для подтягивания нижних по доходам групп к среднему уровню предлагается добиваться обеспечения более равного доступа к образованию и к хорошо оплачиваемым рабочим местам⁵.

Еще один подход к анализу неравенства и его оценке предлагает разработчик инвестиционной политики компании Morgan Stanley Ручир Шарма, имеющий двадцатипятилетний опыт инвестиций в разные страны⁶. Он выступает против популизма, направленного на выравнивание доходов даже ценой разрушения отраслей национального хозяйства и замедления темпов экономического роста. В качестве наиболее яркого примера он приводит режим Роберта Мугабе в Зимбабве, передавшего в 2000 г. имущество белых фермеров чернокожим африканцам, не имевшим необходимых навыков, что привело к краху сельскохозяйственного производства и гиперинфляции.

Вместе с тем, он подчеркивает, что важен коммерческий успех, проявлением которого он считает появление миллиардеров. Их число он считает оперативно появляющимся надежным показателем экономической динамики в стране. Он выделяет «хороших» миллиардеров, которые делают состояние в реальном секторе в несырьевых отраслях. Последние вместе с недвижимостью и биржевыми операциями он причисляет к отраслям, производящих «плохих» миллиардеров. Р. Шарма дает свои расчеты

⁵ Доклад о неравенстве в мире 2018. Основные положения. Авторы и составители: Facundo Alvaredo, Lucas Chancel, Thomas Piketty, Emmanuel Saez, Gabriel Zucman. Лаборатория неравенства в мире, 2017.

⁶ Шарма Р. Взлеты и падения государств. Силы перемен в постиндустриальном мире.- Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2018.- 592 с.

имущества миллиардеров по развивающимся и развитым странам, основываясь на списке Forbes (см. табл. II-1.6).

Таблица II-1.6. Собственность миллиардеров в развивающихся и развитых странах по состоянию на март 2015 г.

	Доля имущества миллиардеров в ВВП, %	Доля имущества «плохих» миллиардеров в общем имуществе миллиардеров, %	Доля наследственного капитала в общем имуществе миллиардеров, %
Среднее для развивающихся стран ¹	9	31	39
Среднее для развитых стран ²	10	14	50

Источник: Шарма Р. Взлеты и падения государств. Силы перемен в постиндустриальном мире. - Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2018. С. 163-164.

Примечания:

¹ – страны: Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Мексика, Польша, Россия, Тайвань, Турция, Южная Корея

² – страны: Австралия, Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция, Швейцария, Швеция, Япония

Таким образом, миллиардеры обладают богатством, составляющим около 10% мирового ВВП. В развитых странах половина капитала миллиардеров получена по наследству. Эти данные подтверждают оценки группы Т. Пикетти о нарастании неравенства в мире.

Параллельно с ростом неравенства доходов есть и другая важная тенденция мирового развития. Это научно-технический прогресс, меняющий рынки труда: «Растет беспокойность по поводу того, как технологические изменения преобразят рынки труда, особенно в отношении того, как автоматизация и искусственный интеллект смогут заменить человека при выполнении задач»⁷.

⁷ Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. Резюме. ПРООН. 2019. New York, NY, USA. С. 19.

Изменения в технологиях, влияющие на рынки труда, описаны в монографии Института востоковедения РАН⁸. Эти изменения способны существенно сократить занятость в промышленности во всех группах стран по уровню развития. Для развивающихся стран это означает слом модели догоняющего развития на основе экспортоориентированной индустриализации. Согласно исследованию McKinsey Global Institute около половины профессий, существующих сейчас в мире, теоретически могут быть автоматизированы с применением ныне существующих технологий⁹.

Возможные исходы взаимодействия развития трудосберегающих технологий, вытесняющих человека из сферы материального производства, и нарастания имущественного неравенства представлены в четырех сценариях, которые могут реализоваться в среднесрочной перспективе, сильно меняя ситуацию с неравенством в мире и отдельных странах: «*Новый Рим*», «*Коммунизм по К. Марксу*», «*Антиутопия*», «*Дешевый труд в сфере услуг*». Сценарии описывают разную реакцию общества на технологические достижения и рост имущественного неравенства.

«*Новый Рим*». Императорский Рим был городом рантье. Развитие трудосберегающих технологий в настоящее время создает определенный аналог римского общества эпохи античности. На месте рабов роботы, а экономической потребности трудиться нет. Такая система просуществовала несколько сотен лет. Элита обеспечивала «хлеб и зрелища» неработающему плебсу.

«*Коммунизм по К. Марксу*». Эта модель не была реализована на практике, но концепция коммунистического общества К. Маркса получает определенные перспективы, как желательный вариант развития. Этот сценарий имеет культурные предпосылки реализоваться в странах Европы с ее социал-демократическими

⁸ Новая система производительных сил и страны Востока: (Коллективная монография) / Отв. ред. А. В. Акимов, С. А. Панарин, науч. ред. И. В. Дерюгина, Н. Н. Цветкова; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 276 с.

⁹ Jobs Lost, Jobs Gained: Workforce Transitions in a Time of Automation. McKinsey Global Institute. December 2017. P.2.

традициями, в Китае, в исламских странах. В отличие от первого сценария элита не отделена от народа, общество более демократично.

«Антиутопия». История XX века дала ряд примеров реализации самых нежелательных вариантов общественного развития. Это резня армян в Турции в начале XX века, Холокост, Кампучия при красных кхмерах. Способы устранения ненужных репрессивным режимам людей многократно апробированы, так что нежелательный сценарий развития в его крайних проявлениях ясен.

«Дешевый труд в сфере услуг». Этот сценарий предполагает вытеснение человека из сельского хозяйства, промышленности, транспорта, но сохранение и даже рост рабочих мест в сфере услуг, даже в тех случаях, когда технологически замена труда возможна. Такой процесс может протекать как в связи с усилиями государства по сохранению рабочих мест, так и по закономерностям рынка при значительном удешевлении рабочей силы.

Более подробно сценарии описаны в монографии Акимова А.В. и Яковлева А.И.¹⁰ Эти сценарии не являются прогнозом в том смысле, что они должны обязательно реализоваться. Они указывают основные направления изменений. Их цель – заложить основу мониторинга и прогноза опасностей, которые складываются при развитии текущих тенденций, и разработать желательные стратегии развития.

¹⁰ Акимов А.В., Яковлев А.И. Общество и технологии в XXI веке: прогнозы и управление развитием в странах Востока и Запада Институт востоковедения РАН, Институт стран Востока. Москва. 2020

§2.2. Глобальные потрясения в мире и их влияние на рост экономического неравенства в начале XXI в.

В начале XXI в. мир стал испытывать огромные потрясения, которые выразились в кризисе 2008-х гг. За ним последовала затяжная депрессия, которая продолжается и по сей день.

Нынешний капитализм, в том числе и его американская модель, испытывают колоссальное перенапряжение. Капиталистическая система продолжает функционировать, но с большими издержками. Главная из них – эта система защищает интересы преимущественно тех, кто находится наверху социальной пирамиды, и использует сложившийся порядок вещей в своих корыстных интересах, обогащаясь при этом за счет государства.

В результате многие государства не могут обеспечить значительную часть населения стран Запада и Востока необходимыми ресурсами, защитить их от голода, удовлетворить их потребности в пище, чистой воде, жилище, создать им условия для достойной жизни.

Все это дает основание многим экспертам в США, Европе, Азиатских странах говорить о том, что современный капитализм находится в кризисе. А некоторые даже утверждают, что капитализм достиг своего предела. Нужна новая экономическая модель, которая не полагалась бы только на «невидимую руку рынка», а обеспечила бы устойчивое социально-экономическое развитие в интересах подавляющей части населения многих стран.

Есть и другие исследователи, которые полагают, что капитализм в состоянии найти выход из сложившегося положения и обеспечить устойчивый рост с помощью реформ социально-экономической системы, которые привели бы к расширению рядов среднего класса и вывели бы из бедности и отсталости миллионы людей как в развитых, так и развивающихся странах.

Человечество сталкивается с этими проблемами не впервые. Прошедшие десятилетия показали, что их решение пока не

найдено. Более того, ситуация усложняется демографическим кризисом в ряде стран. К тому же появились новые вызовы, связанные с нарастанием экологических проблем в мире.

Директор-распорядитель МВФ Кристиалина Георгиева заявила в конце января 2020 г., что рост неравенства в многих странах приведет к новой Великой депрессии. На фоне определенного сокращения неравенства между странами за последние 20 лет, выросло неравенство между отдельными социальными группами в разных странах. Опираясь на новые исследования МВФ, она сравнила нынешнюю мировую экономику с «бурными» 1920-ми гг., которые привели к масштабному обвалу рынков. Сейчас в мире наблюдается тенденция, похожая на то, что происходило 100 лет назад. Неравенство доходов и имущественного положения достигло рекордных показателей. Новые проблемы, такие как чрезвычайная климатическая ситуация, еще более усугубили сложившееся положение. Можно охарактеризовать нынешнее состояние мира как «растущую неуверенность»¹¹.

Положение в мире изменилось

В начале XXI в. экономическая ситуация в мире заметно изменилось. Если раньше именно США определяли, в каком направлении идти миру, то сегодня картина выглядит иначе. Федеральная резервная система (ФРС) США сейчас обращает главное внимание на состояние экономики в остальном мире, за пределами Америки, и только после этого решает, что и как делать дальше.

В конце января 2020 г. Председатель ФРС Джерми Пауэл заявил, что Федеральный резерв сначала мониторит глобальное развитие в мире, и только после этого определяет свое решение. Среди экономических индикаторов главное внимание уделяется покупательной способности населения в приобретении

¹¹ <https://russian.rt.com/inotv/2020-01-18/Guardian-glava-MVF-predupredila-o>

промышленных товаров в других странах, которые вышли из рецессии 2008–2018 гг., но так и не встали на путь роста.

Когда в 2018 г. произошло замедление экономического роста в мире, США смогли удержаться на прежнем уровне, благодаря финансовому стимулированию. Но в 2019 г. этот фактор перестал работать, и «встречный глобальный ветер» мировой экономики обрушился на Америку.

Главный вывод – рост китайской экономики в мировом масштабе. Среди других причин, которые оказывают воздействие на общее развитие в мире, называются медленный рост населения и производительности труда, а также недостаток инвестирования в казначейские бонды (government bonds) США. Они усиливают инфляцию и снижают объемы инвестирования за границами США. В свою очередь, это негативно отражается на Америке.

Всемирный банк дал такое определение китайской «Инициативе пояса и пути»: это возглавляемые КНР усилия улучшить связь и региональное сотрудничество в транснациональных масштабах при помощи объемного инвестирования. Важной частью этого процесса является помощь бедным странам в создании их инфраструктуры.

Однако китайская «Инициатива пояса и пути» может столкнуться с интересами таких стран, как Япония, Индия и других. Но главным оппонентом КНР в этом вопросе являются США. Они заявляют, что эта политика Китая является «хищнической» и загоняет в «ловушку» страны, которые занимают деньги у него.

Однако, пишет Economist, такие заявления являются явным «преувеличением». Китай проявляет большую гибкость, предлагая свои инвестиции. Что пока не делают другие страны. Америка должна предлагать развивающимся странам лучшие условия, чем Китай. Но до сих пор КНР делает это успешнее. Это привлекает к проекту «Пояса и пути» многие развивающиеся страны, а также Европу.

Заинтересованность многих стран в создании новой мировой инфраструктуры вполне очевидна. Тем более развивающихся

экономик. Азиатский банк развития подсчитал, что Азия нуждается в инвестировании в 2016–2030 гг. 26 трлн долл., или 1,7 трлн долл. в год. Это нужно для того, чтобы сохранить нынешний экономический рост, избавиться от бедности, и ответить на вызовы климатических изменений¹².

Разрыв между богатыми и бедными растет

Накануне Всемирного экономического форума в Давосе (21–24 января 2020 г.) Международная благотворительная организация Oxfam (объединяет 20 неправительственных организаций с партнерами в 90 странах, основана в 1941 г. в Оксфорде, Великобритания) опубликовала доклад, в котором призвала национальные правительства построить экономику для всего общества, а не подпитывать бесконтрольную погоню за прибылью и богатством. Важнейшими шагами на этом пути являются инвестиции в национальные системы ухода за детьми и введение прогрессивного налогообложения, включая налогообложение богатства.

В дополнение к этому Oxfam привела расчеты Blumberg, в соответствии с которыми 2153 миллиардера в мире имеют богатства больше, чем 4,6 млрд людей на земле. При этом совокупное состояние 20-ти самых богатых людей мира удвоилось с 627 млрд в 2012 г. до 1 397 млрд в 2019 г. (в их числе Джеффа Безоса, Билла Гейтса и других, включая Сергея Брина (Google))¹³.

Форум в Давосе 2020 г. выдвинул две главные цели. Цель первая – сказать «нет» бедности: покончить с ней в мире во всех ее формах и проявлениях. Для этого к 2030 г. избавиться от абсолютной бедности всех людей во всех странах. Эта бедность измеряется сегодняшней покупательной способностью 1,25 долл. в день на человека. Цель вторая – «нет» голоду. Для этого к тому же

¹² The Economist. Special Report, 06.02.2020. China's Belt and Road. China wants to put itself back at the centre of the world // <https://economist.com/special-report/2020/02/06/china-wants-to-put-itself-back-at-the-centre-of-the-world> [accessed 12.02.2020].

¹³ National Herald. 20.01.2020.

сроку достичь такого положения, когда с голодом будет покончено во всем мире. По данным опроса, проведенного накануне форума в Давосе, на вопрос «насколько вы удовлетворены сложившейся в мире системой», были получены следующие ответы: – система не работает на меня – 18%; – не уверен – 34%; – система не оправдала моих ожиданий – 48%¹⁴.

Имеет смысл сравнить эти данные с теми, что были приведены в Декларации тысячелетия ООН, принятой 191 государством в сентябре 2000 г. В Декларации говорится: «*Равенство*. Ни один человек и ни одна страна не должны лишаться возможности пользоваться благами развития. *Солидарность*. Глобальные проблемы должны решаться при справедливом распределении издержек и бремени в соответствии с фундаментальными принципами равенства и социальной справедливости». «*Развитие и искоренение нищеты*. Мы приложим все усилия к тому, чтобы избавить наших соплеменников, мужчин, женщин и детей, от унижающей человеческое достоинство крайней нищеты, в условиях которой в настоящее время вынуждены жить более миллиарда из них». Мы также преисполнены решимости: сократить вдвое к 2015 г. долю населения земного шара, имеющего доход менее 1 долл. в день, и долю населения, страдающего от голода, а также сократить вдвое к тому же сроку долю населения земного шара, не имеющего доступа к безопасной питьевой воде, в том числе из-за нехватки средств¹⁵.

*Экономический рост без решения проблемы
неравенства – плохая политика*

Лауреаты Нобелевской премии за 1919 г. по экономике проф. экономики в Массачузетском институте технологии Абхиджит Банерджи и проф. по смягчению бедности и развитию

¹⁴ Poverty in the World // www.wsj.com.20200119/ [accessed 19.01.2020].

¹⁵ ООН. Декларация тысячелетия. Саммит тысячелетия. Нью-Йорк, 6-8 сентября 2000 г. С. 4,5,7,9.

экономики того же института Естер Дюфло пишут, что рост экономики без решения проблемы неравенства является плохой политикой. Они отмечают, что Всемирный банк определил границу бедности 1,90 долларов в день. С 1990 г. число бедных в мире, получающих менее этой суммы, сегодня уменьшилось с 2 млрд человек до 700 млн чел. Однако в настоящее время этот процесс практически затормозился. Чтобы понять суть этого явления, большинство развивающихся стран обращаются к опыту Китая, который практически избавился от такой бедности.

КНР представляет собой, считают эти авторы, рыночную экономику. Но она существенно отличается от классической англо-саксонской модели, которая характеризуется низкими налогами и незначительным регулированием со стороны государства. В Китае государство играет огромную роль в распределении земли, капитала и даже трудовых ресурсов. Другие экономики в Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань) отошли от традиционной капиталистической модели, что сопровождалось высоким экономическим ростом. Эти государства проводили активную промышленную политику.

Можно ли их опыт принять за образец? – задают вопрос Банерджи и Дюфло. Их ответ: «Нет. В каждой конкретной экономике производительные и непроизводительные силы используются по-разному, нередко не лучшим образом».

Авторы приводят пример Китая и Индии. В последней, начиная с 2002 г., наблюдался резкий подъем промышленного сектора. Но это не было «чудом». Просто «скромным» улучшением с очень низкой стартовой позиции. Сегодня Индия стоит перед перспективой резкого снижения экономики. По мнению бывшего главного экономического советника правительства (2014–2018 гг.) Арвинда Субраманиана, официальные оценки экономического роста Индии на 6% завышены на 2,5%.

Рост экономики Индии может восстановиться на какое-то время, но затем он замедлится *навсегда*. Не исключено, что Индия может попасть в «ловушку среднего экономического роста». Но

она не будет такой единственной страной. По данным Всемирного банка, из 101 страны со средним уровнем экономики в 1960 г. сегодня только 13 показали высокий рост¹⁶.

Как мне представляется, в мрачном прогнозе Банерджи и Дюфло о будущем развитии Индии не в полной мере учитывается незавершенность процесса ее становления как независимого государства. В короткий исторический срок в 75 лет Индия смогла избавиться от тяжелого колониального наследия, преодолеть раздробленность страны и укрепить свое единство. Огромные усилия и ресурсы были потрачены ею на решение внешнеполитических проблем, в первую очередь сложных отношений с Пакистаном и Китаем. В целом Индия смогла подняться на уровень ведущих государств мира.

Но ее ахиллесовой пятой является нерешенность вопросов внутреннего социально-экономического устройства, которые остаются препятствием на пути ее дальнейшего развития. Таких, как бедность, разделение общества по кастовому и религиозному признакам. Последнее – в пользу реального признания всех религиозных конфессий равноправными. Без коренных преобразований в этой сфере Индии будет сложно продвигаться по пути социально-экономического прогресса.

Банерджи и Дюфло пишут, что на глобальном уровне между 1980–2016 гг. только 1% в развитых странах располагал богатством большим, чем бедные 50% населения. А если к ним добавить супербогатых в развивающихся странах, то получится, что они захватили 27% общего роста мировой экономики в этот период. В то же время 49% населения, находящегося внизу экономической пирамиды, которые включают США и Европу, за это время обеднели.

Взрыв неравенства в мировой экономике, которая в течение долгого времени не растет, является плохой новостью. Даже

¹⁶ Abhijit V. Banerjee and Esther Duflo. How Poverty Ends. The Many Paths to Progress – And Why They Might Continue // Foreign Affairs. January/February 2020. P. 22–29.

Международный валютный фонд, который придерживался ортодоксального подхода – сначала нужен экономический рост, вынужден признать, что пожертвование бедными во имя экономического роста – это плохая политика. И сейчас он требует, чтобы все страны учитывали неравенство при формировании экономической политики.

Экономический рост скорее всего снизится, по крайней мере в Китае и Индии, и мало что можно сделать в этом отношении. Но в то же время хорошей новостью является то, что даже в отсутствии роста существуют другие индикаторы прогресса. Политики должны помнить, что ВВП является средством достижения результата, а не результатом само по себе. Конечной целью остается улучшение качества жизни, особенно тех, кому хуже всех.

Качество жизни означает нечто большее, чем потребление. Многие люди, даже самые бедные, нуждаются прежде всего в достойной жизни, в том, чтобы их родители были здоровыми, чтобы их дети получали образование. Более высокий уровень экономики может помочь бедным достичь некоторых из этих целей. Однако качество жизни отличается в разных странах, даже с равным экономическим уровнем.

Лучшим способом изменить жизнь миллионов людей, включают Банерджи и Дюфло, является не столько попытка повысить рост экономики, сколько сосредоточить усилия на том, чтобы этот рост улучшил жизнь бедных¹⁷.

Китай и Индия

Как в этом смысле чувствует себя развивающийся мир, прежде всего, Китай и Индия. Хотя бы потому, что в обеих странах проживает около 40% населения мира (1,4 млрд и 1,3 млрд соответственно). За последние два десятилетия Китай совершил рывок в экономическом развитии, а в последние годы – и в

¹⁷ Abhijit V. Banerjee and Esther Duflo. How Poverty Ends. The Many Paths to Progress – And Why They Might Continue // Foreign Affairs. January/February 2020. P. 22–29.

технологическом плане. Его доля в мировой экономике за это время выросла более чем в 4 раза (с 4% в 2003 г. до 17% в 2019 г.). При этом КНР практически избавилась от бедности. Китай опередил США по объему экономики по паритету покупательной способности.

Известный индийский экономист Ч.П. Чандрасекхар исследовал проблемы, связанные с рецессией в мире и ролью Китая, а также других стран в этом процессе. Он пишет, что эпидемия коронавируса обнажила уязвимость неолиберального экономического порядка и подвергла испытанию способность неолиберальных правительств выдержать еще одну глобальную рецессию. Сейчас мировая экономика напрямую сталкивается с ней. Организация экономического сотрудничества и развития спрогнозировала падение глобального ВВП с 0,5% до 2,4%, что ниже глобального финансового кризиса 2008 г. Непосредственным триггером этого явилась эпидемия коронавируса.

Ущерб, причиненный глобальной экономике, обнаружил новые уязвимые места в неолиберальной экономике. Три фактора охарактеризовали преобразование мировой экономики за время с 1980 г. Первый – огромная часть промышленного производства переместилась из бывших центров промышленного капитализма на Западе и Японии в новые районы с целью использовать резервы дешевого труда. Второй – то время как это привело к созданию новых производственных цепочек в мире, от этого выиграли только некоторые страны. Китай стал лидером среди них. Третий – усиление Китая означало быстрый рост его экономики, который сопровождался также ростом его среднего класса. Все это превратило Китай не только в главную промышленную фабрику мира, но и в важный растущий рынок для товаров, произведенных как в Китае, так и за рубежом.

Трансформация мировой экономики привела к созданию новых проблем. Любое развитие, которое негативно влияет на потребление в Китае или на производстве там, отражается на всем мире. Это ранее проявилось в 2003 г., когда негативное влияние

эпидемии SARS на китайскую экономику передалось всей мировой экономике. Но с тех пор произошли большие изменения. Не последним из них было то, что если в 2003 г. Китай располагал всего лишь 4% глобального ВВП, то теперь эта цифра выросла в четыре раза¹⁸.

Достижения Индии оказались значительно более скромными. Начав путь экономического развития почти одновременно с Китаем (соответственно с 1947 и 1949 гг.), Индия отстала от него в экономическом развитии примерно в 5 раз. Сегодня, по мнению ряда крупных индийских экономистов-профессионалов, Индия находится на краю экономической пропасти – структурной рецессии. Экономические модели, которые действовали в ней за годы независимости, в нынешних условиях перестали работать.

С 1947 по 1991 гг. индийская экономика росла в среднем на 3,5% (так называемый индийский темп развития, который в условиях смешанной экономики обеспечивал медленную, но тем не менее устойчивую реализацию принципов социальной справедливости, заложенных в конституции страны). После огромной нищеты, общей отсталости и неграмотности, массовых заболеваний и т.п., доставшиеся ей в результате 200-летнего британского господства, Индия смогла подняться до уровня, который мог позволить ей продолжить развитие в более быстром темпе.

После распада Советского Союза Индия была вынуждена переориентироваться на западные страны, в первую очередь – США. Соответственно поменялась и ее экономическая модель. Возобладала идея проникновения развития «сверху вниз» (trickle-down effect).

В первые годы это дало определенные положительные результаты: с 1998 по 2004 гг. индийская экономика росла в среднем на 5,7% в год. В последующие 10 лет рост экономики составил около 8% ежегодно. Одновременно правительство страны

¹⁸ Chandrasekhar C.P. Virus vulnerability // [https://frontline.thehindu.com/columns/C_P_Chandrasekhar/article31030893.ece/](https://frontline.thehindu.com/columns/C_P_Chandrasekhar/article31030893.ece/March 27.2020) March 27.2020] [accessed 20.03.2020]

стремилось соблюдать принципы равенства в распределении ресурсов между богатыми и бедными слоями.

В 2014–2019 гг. рост экономики страны составил около 7% в год, но в конце 2019 г. он снизился до 5% (по данным профессиональных экономистов и финансистов, в том числе бывших руководителей Центрального банка Индии, рост экономики был значительно ниже). Это подтверждается и такими экономическими индикаторами, как рост безработицы, падение потребления и производства электроэнергии, рост цен и т.д.¹⁹.

Член Постоянного парламентского комитета по финансам, бывший министр правительства Индии Махиш Тивари считает, что социально-экономическая ситуация в Индии напрямую связана с положением в глобальной экономике. На планете Земля 85% ВВП принадлежит финансовым конгломератам. В Индии картина сходная. Нынешняя экономическая модель обеспечивает такое положение, когда 1% населения располагает 73% национального богатства, в то время как большая часть жителей страны борется за выживание. По мнению М. Тивари, мир вступил в стадию «зомби капитализма», для которого характерны дешевые деньги, когда центральные банки (в первую в очередь США) печатают все больше и больше денег. Это не ведет к возрождению реальной экономики, а наоборот способствует развитию глобального экономического кризиса.

«Что все это означает для миллионов индийцев, живущих за гранью выживания? – спрашивает М. Тивари. – По существу – ничего». Неолиберальная экономическая модель, и то, что ей предшествовало, нанесли ущерб как Индии, так и всему миру. Правительство Индии должно использовать огромную массу дешевых денег внутри страны, чтобы инвестировать их в физическую и социальную структуру. Эти инвестиции окупятся в дальнейшем, поскольку положительный цикл спроса снова будет

¹⁹ Chandrasekhar C.P. Virus vulnerability // https://frontline.thehindu.com/columns/C_P_Chandrasekhar/article31030893.ece/ [March 27.2020] [accessed 20.03.2020]

возобновлен. Индия должна начать глубокую дискуссию с целью выработки новой экономической модели, чтобы обеспечить социальную, экономическую и политическую справедливость²⁰.

Главный исполнительный директор Oxfam India Амитав Бехар считает, что критически важным для восстановления роста экономики Индии является подъем агросектора. В деревнях проживает 70% населения и без значительного улучшения их положения невозможно решить проблемы страны в целом. Он отмечает, что расходы государства на здравоохранение, образование и социальную защиту граждан Индии крайне низкие. Только 1,5% ВВП выделяется на охрану здоровья, 3,9% – на образование. Грамотность населения составляет 71,2%. Продолжительность жизни для мужчин – 67,8 лет, для женщин – 70,5 лет.²¹ В Индии 63 олигарха располагают богатством, превышающим бюджет страны.

Для того чтобы исправить положение, требуется радикально изменить социально-экономическую политику в пользу трудящихся. Нужно создавать больше рабочих мест с лучшими условиями труда²².

Современная модель капитализма на грани кризиса

Многие ведущие экономисты считают, что современная модель капитализма находится на грани кризиса. Так, М. Фанбюль, главный исполнительный директор в New Economic

²⁰ Tiwari Mahish. India Needs to Rethink Its Economic Model. 28 January 2020 // https://outlookindia.com/website/story/news-analysis-india-needs-to-rethink-its-economic-model/346353?utm_source=more_from_website_story

²¹ Для сравнения: В Индонезии расходы на здравоохранение – 3,5% ВВП, грамотность – 95,4%, продолжительность жизни для мужчин – 70,6 лет, для женщин – 76 лет. В Германии расходы на образование – 11,2% ВВП, грамотность – 99%, продолжительность жизни для мужчин – 78,6 лет, для женщин – 83,4 года. [Book of Facts. NY, 2019. P. 785, 786, 779]

²² Agrawal Shaleen and Prachi Gupta. Budget 2020. Helping the poorest; why super rich must urgently step up tax game: Oxfam Interview. February 1, 2020 // <https://www.financialexpress.com/budget/budget-2020-helping-the-poorest-why-super-rich-must-urgently-step-up-tax-game-oxfam-interview/1841807/>

Foundation в Лондоне, Великобритания, полагает, что «капитализм испытывает кризис». Особенно это ярко проявляется в развитых странах. Экономисты, политики, простые люди все больше убеждаются в том, что либерализм практически исчерпал себя. Это касается веры в свободный рынок, дерегулирование и уменьшение роли государства. Этот кризис созрел в течение последних 40 лет, но достиг наибольшей остроты в глобальном финансовом упадке в 2007–2008 гг. и в последующей глобальной рецессии.

В течение последних 10 лет экономический рост в развитых странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСД), перестал служить интересам большинства населения. К концу 2017 г. номинальный рост заработной платы в странах ОЭСД составлял только половину того, что было десятилетием раньше. Более одной трети населения в этих странах оказались экономически уязвимыми. Это означает, что им не хватает средств для поддержания жизни выше уровня бедности по крайней мере в течение трех месяцев.

В то же время неравенство в доходах оказалось выше, чем когда-либо за последние 50 лет. Самые богатые 10% населения располагают почти половиной общего богатства. Тогда как нижние социальные группы, составляющие 40% населения, имеют лишь 30% всего богатства²³.

В качестве аргумента против такой постановки вопроса защитники неолиберализма указывают, что несмотря на десятилетие стагнации и сосредоточение богатства в руках немногих людей, за это время произошел рост процветания в глобальном масштабе. Более одного миллиарда людей, считают они, было выведено из абсолютной нищеты благодаря новым технологиям, инвестициям и, в целом, – распространению свободных рынков.

При этом они не принимают во внимание критическую роль государств, которые обеспечили подъем этой части

²³ Miatta Fahnbulleh. The Neoliberal Collapse. Markets are Not the Answer // Foreign Affairs, January–February 2020. P. 38.

населения благодаря улучшению образования, здравоохранения и занятости. И тем не менее, массовая концентрация богатства, с одной стороны, и огромное неравенство, с другой, являются частью мировой экономики. Менее чем 1% населения мира владеет 46% мирового богатства, а беднейшие 70% – менее, чем 3%²⁴.

Все это порождает недовольство и возмущение таким положением дел во многих развитых и развивающихся странах и требование пересмотра сложившейся ситуации в мире. Об этом свидетельствуют массовые демонстрации во Франции и других странах как Европы, так и Азии.

Опрос Gallop poll в США выявил, что среди молодых американцев 18–25 лет социализм пользуется большим доверием (51%), чем капитализм (45%). Этот опрос «представляет падение на 12 пунктов положительной оценки капитализма молодыми людьми в течение последних двух лет. И еще большее изменение произошло с 2010 г., когда 68% этих опрашиваемых рассматривали капитализм позитивно. Экономический кризис капитализма привел к ухудшению качества жизни людей. Но не только это. Экономические проблемы современного мира уходят корнями в кризис капитализма. Эти вызовы, стоящие перед человечеством, могут быть преодолены при помощи альтернативной экономической модели, которая адаптировала бы социалистические идеалы к реалиям современности, считает М. Фанбюль.

Такая модель должна помочь людям принять большее участие в экономике путем создания общественной собственности на государственные товары, и кооперативной совместной собственности на частные, управляемые местными властями предприятия. Это означает создание эффективного децентрализованного государства, которое передаст власть местным общинам и наделит людей способностью действовать в их интересах. Эти права трудящихся должны быть укреплены созданием активных профсоюзов,

²⁴ Miatta Fahnbulleh. The Neoliberal Collapse. Markets are Not the Answer // Foreign Affairs, January–February 2020. P. 38.

обладающих законным правом на коллективные действия, включая забастовки.

Трудящиеся должны иметь право на получение доли активов в компаниях так же, как и другие акционеры. Эти доли акций должны способствовать тому, чтобы они стали преобладающими акционерами с правом определять направление деятельности компании в интересах работников. Такая социализация отличается от традиционного социализма, который предпочитает централизованную власть и государственную собственность. В числе стран, которые испытали результаты неолиберальной политики, Фанбюль называет Соединенное королевство, в котором люди в среднем стали беднее, чем в 2008 г. Долги домовладельцев по сравнению с периодом до кризиса 2008 г. привели к нищете 14,3 млн человек²⁵. Для многих из тех, кто голосовал за выход из Европейского Союза (Брексит) – это была попытка и надежда улучшить свое положение.

Экономическая ситуация в мире

В ней стремятся разобраться профессор Колумбийского университета США, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц и его два соавтора – Тодд Н. Такер, исследователь в Институте Рузвельта и Габриэл Зукман, ассистент профессора в Университете Беркли, Калифорния.

Опираясь на исследования экономистов XIX в., в том числе Давида Рикардо (1772–1823), а также современных экспертов, они отмечают, что многие ученые подчеркивают важную роль государства в производстве товаров широкого потребления и в корректировке недостатков рынка. Но при этом упускают из вида историю появления рынков. «Невидимая рука» рынка зависела от более «тяжелой руки» государства.

Нынешнее государство должно выполнять многостороннюю роль. И прежде всего собирать налоги. Полученные в

²⁵ Miatta Fahnbulleh. The Neoliberal Collapse. Markets are Not the Answer // Foreign Affairs, January–February 2020. P. 39.40.

результате деньги нужны, чтобы строить дороги и порты, давать образование молодым, здравоохранение для больных, финансировать научные разработки, от которых зависит всесторонний прогресс, а также оплачивать профессиональных бюрократов, которые должны обеспечивать развитие общества и экономики. Успешный рынок не может существовать без сильной поддержки государства.

В США общие налоговые поступления для оплаты государственных учреждений на всех уровнях за последние два десятилетия сократились на 4% (с 32% в 1999 г. до 28% в 2019 г.). Это привело к разрушению инфраструктуры, растущему неравенству, сокращению инноваций и снижению общего роста экономики. Результатом всего этого может стать угроза устойчивости американской демократии и глобальной экономики.

Одной из причин такого положения является то, что сегодня многонациональные корпорации переводят около 40% своих доходов в страны с низким налогообложением. За последние 20 лет фирмы США заявляли о росте доходов только в юрисдикциях с низкими доходами. Одновременно они утверждают, что их доходы в главных мировых рынках росли незначительно. Это свидетельствует о том, как умело эти фирмы перемещают капитал, чтобы избежать налогообложения. Технологический гигант Apple показал образец изобретательности в этом деле. В Ирландии он выплачивал в течение ряда лет микроскопический налог в 0,005%.

Что касается непосредственно США, то начиная с Великой депрессии 1929 г. и вплоть до 1970-х гг. в стране действовала прогрессивная налоговая система с налогообложением самых богатых около 60% их прибылей.

При президенте Рональде Рейгане (1981–1989) эта система была разрушена. В 1986 г. налог на богатых составил всего 28%. В течение последующих 40 лет этот процесс охватил многие страны, что привело к росту неравенства. Глобальный налог на доходы корпораций упал с 49% в 1985 г. до 18% в 2018 г. Сегодня, по последним данным, корпорации ежегодно перемещают около

40% их доходов из стран, где расположены их главные офисы в «налоговые гавани». Особенно преуспевают в этом богатейшие технологические фирмы. В США доля богатства одного процента населения (взрослых) в общем национальном богатстве выросла с 22% в 1970 г. до 37% в 2018 г. За тот же период доля богатства 90% взрослых снизилась с 40% до 27%.

Растущее неравенство негативно влияет на экономику страны. Оно снижает спрос. Основной массе населения не хватает денег, чтобы поддержать прежний уровень потребления. В то же время богатые накапливают значительную часть своего состояния в офшорах или для покупки дорогостоящих товаров, в том числе произведений искусства.

Общий результат – замедление экономического роста. А неравенство переходит из поколения в поколение, углубляя разделение между имущими и неимущими. «Поедая государство, капитализм поедает самого себя», – пишут Стиглиц и его соавторы. Капитализм может стать на путь восстановления, если рынки начнут функционировать в интересах всего общества, а не ограничиваться интересами его элиты²⁶.

Оппоненты увеличения налогов на богатых заявляют, что богатые корпорации станут больше инвестировать в экономику, если государство будет меньше вмешиваться в нее. По их представлениям, именно корпорации являются двигателями экономического роста и повышения оплаты труда населения.

Однако в реальной жизни в США с 1913 по 1980-е гг. размеры накопления и инвестирования составили всего около 10% национального дохода. После сокращения налогообложения в 1980 г. размеры накопления и инвестирования также снизились. Последующее сокращение налога в 2017 г. привело к минимальному повышению заработной платы и одновременно к росту на 1 трлн долл. биржевых акций, что еще больше увеличило

²⁶ Joseph E. Stiglitz, Todd N. Tucker, and Gabriel Zucman. Why Capitalism's Salvation Depends on Taxation //Foreign Affairs, Vol.99, # 1. P. 30-37.

имущество богатых игроков рынка. А экономика США заплатила тем, что бюджетный дефицит вырос на тот же 1 трлн долл.²⁷.

Одна из причин кризиса 2008 г.

В начале 2020 г. кризисное состояние в мире повлекло за собой падение цен на дома и квартиры. Только в феврале 2020 г. они снизились на 3,23% – самый низкий показатель с 2008 г. Одной из проблем, которые привели к кризису 2008 г., было строительство домов в США в кредит на 30–30 лет. Каждый год строилось около 100 млн частных домов. Низкие кредиты (под 2–3% годовых) не обеспечивали погашение стоимости этого строительства. Тем более, что владельцы домов не всегда могли выплачивать в срок взятые кредиты. Одномоментно решить эту проблему не удалось, поскольку кризис охватил многие стороны экономической жизни в развитых странах. Рецессия продолжилась и получила название – «Великая рецессия», вследствие ее глубины и охвата.

В 2017 г. глобальная оценка жилищной собственности составляла более 160 трлн долл. В то время как все сельскохозяйственные земли и леса в мире оценивались в сумму около 30 трлн долл.

Долг на жилищную собственность в мире составил около 93 трлн долл. С 1940 по 2007 г. покупка домов в кредит в развитых странах увеличилась более чем в два раза. В США, например, – с 45% до 70%, в Великобритании – с 30% до 70%. За это же время цены на землю росли, а соответственно и на дома. Их приобретение в собственность превратилось в сложную проблему.

По данным журнала *Economist*, масштабы введения в эксплуатацию нового жилья достигли своего пика в 1970-е гг. Затем началось снижение покупок жилья, которое резко упало к началу 2000-х гг. Но это не остановило начатый процесс. Тем более, что в

²⁷ Joseph E. Stiglitz, Todd N. Tucker, and Gabriel Zucman. Why Capitalism's Salvation Depends on Taxation // *Foreign Affairs*, Vol.99, # 1. P. 34.

нем участвовали теневые кредитные организации (около половины всего финансирования строительства домов). Они наживались на этих операциях. Однако не располагали финансовыми резервами, а брали в долг у банков по краткосрочным кредитам. В итоге они обанкротились, так как не смогли выплачивать эти долги. Банки, в свою очередь, стали требовать срочного возвращения кредитов у владельцев жилья. Многие из них не смогли это сделать и остались без домов. Финансовый «пузырь» лопнул и потянул за собой другие сферы экономической жизни США. Чтобы погасить этот кризис, правительство США было вынуждено вкладывать бюджетные деньги в сферу жилищного строительства, что усугубило кризис²⁸.

Этот кризис перекинулся в Европу. Сейчас в европейских странах большинство жителей арендуют жилье, а не покупают его. Притом это менее качественное жилье, и в долгосрочном плане нередко обходится дороже. Таким образом, проблема обеспечения жильем во многих странах мира остается одной из самых актуальных.

Коронавирус и социально-экономические проблемы

По данным Bank of America, в конце февраля 2020 г. США вступили в худший финансовый год по сравнению с кризисом 2008 г. Он будет отягощен проблемами коронавируса (COVID-19). Этот банк прогнозирует, что рост мирового ВВП в 2020 г. составит 2,8%, что ниже 3,2% в кризисном 2008 г. Рост экономики Китая может составить от 5,2% до 5,6%. Если исключить Китай, то рост мирового ВВП упадет до 2,2%. Такой прогноз объясняется следующими причинами: последствиями коронавируса, продолжающейся торговой войной между США и КНР, а также неясностью в исходе президентских выборов в Америке в ноябре 2020 г.

²⁸ The Economist. 16.01.2020. The Economist использовал материалы: United Nations; World Bank; Austrian Bureau of Statistics; European Mortgage Bank Federation; OECD; US Census Bureau, etc.

Подчеркивается также, что более важным фактором может стать кризис глобальной экономики, что оставляет мало возможностей для маневров по преодолению указанных проблем. 3 марта 2020 г. Федеральная резервная система США заявила на чрезвычайном заседании о снижении базовых процентных ставок для коммерческих банков на 50 пунктов – самом крупном с 2008 г.²⁹.

В декабре 2019 г. в Китае началась коронавирусная инфекция COVID-19. На начало марта 2020 г. она распространилась на 100 стран, заразив более 100 тыс. человек и став крупнейшей угрозой для человечества со времени эпидемий тяжелого острого респираторного синдрома (ТОРС, SARS), ближневосточного респираторного синдрома (MERS) и лихорадки Эбола. 80% всех случаев заражения, в том числе более 3 тыс. летальных исходов, пришлось на КНР. В Китае была объявлена «общенародная война» с новой эпидемией.

В начале марта 2020 г. пик заболеваний в КНР от этого вируса прошел. В этой связи Генеральный секретарь Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) А. Гебрейесус заявил, что принятые КНР меры не только защитили китайский народ, но и выиграли время для других стран, чтобы те смогли подготовиться к эпидемии³⁰.

11 марта 2020 г. ВОЗ объявила о пандемии коронавируса. К тому времени она охватила почти 45 тыс. человек в 112 странах (за пределами Китая), из которых 1,5 тыс. умерли.

По мере развития пандемии коронавируса усиливалась озабоченность его последствиями для глобальной экономики. В конце марта 2020 г. Международный валютный фонд предупредил, что рецессия может быть такой же или даже худшей, чем во время кризиса 2008–2009 гг. Растущее число банкротств и увольнений может подорвать восстановление мировой экономики и

²⁹ Wall Street Journal. 03.02.2020.

³⁰ Синьхуа, 11.03.2020.

нанести ей долговременный ущерб. Особенно сильно могут пострадать страны с низкими доходами населения.

Тогда же ВОЗ заявила, что пандемия охватила 180 стран. В начале апреля 2020 г. на американских фондовых рынках произошел «рекордный обвал» (Индекс Dow Jones упал на 23,3%, индекс SLP 500 снизился на 20%).

По оценке Moody's Analytics, США в результате распространения коронавируса могут потерять более 30 млн рабочих мест. А по подсчетам Федерального резервного банка Сент-Луиса (США), около 50 млн американцев могут лишиться работы во втором квартале 2020 г., и таким образом число безработных может составить более 30%. В свою очередь, Goldman Sachs полагал, что в более долгосрочной перспективе (к 2022 г.) безработица в США составит около 4%.

Для сравнения отметим, что во время Великой депрессия в США, начавшейся в 1929 г., уровень безработицы достиг 25%, а затем снизился до 15% к 1940 г. (9 млн человек). Во время Второй мировой войны безработица еще более снизилась – до 2-3%. Эту войну многие американские исследователи считали «хорошей войной», т. к. она привела к росту рабочих мест в стране. В 1945 г. бюджет США превысил 100 млрд долл. против 9 млрд долл. в 1938 г. За тот же период ВВП страны вырос с 91 млрд долл. до 166 млрд долл.³¹

Пандемия охватывает все больше сфер экономической и социальной жизни в мире. Стали появляться прогнозы и мнения о том, что будет после ее окончания. Каким станет мир, что произойдет с глобализацией, насколько глубоко разрушение, причиненное коронавирусом, и т. п.

Многие исследователи, экономисты, социологи и политики полагают, что ущерб, нанесенный пандемией, будет очень болезненным. Некоторые считают, что он будет ощущаться в

³¹ The Economist. 01.04.2020; Чарлз С. Александер, почетный профессор истории Университета Огайо, США. Хороша ли эта война была для Америки? // Война и общество в период Второй мировой войны. М. Наука, 2008, С. 240-262.

течение «целого поколения» и выразится в самом «глубоком падении» экономики с Второй мировой войны. При этом финансовые потери могут оказаться менее серьезными, чем длительный период безработицы, угроза деглобализации, усиление политического давления на рост государственных расходов и повышение налогов, а также увеличение огромных долгов в государственном и частном секторах.

Подобного мнения придерживаются проф. С. Нагель из Chicago Booth School of Business, проф. U. Malmandier из Университета Berkley, Калифорния. Проф. М. Quyang из университета Tsinghua в Пекине считает, что «разрушительный эффект рецессии может быть более жестким, чем любая другая предыдущая рецессия»³².

Известный американский политик Г. Киссинджер полагает, что после окончания пандемии мир никогда не будет таким же, как прежде. Кризис не признает национальных границ и для его преодоления требуется глобальный подход. И несмотря на то, что Америка утратила многие господствующие позиции, Киссинджер считает, что именно она должна возглавить процесс создания нового глобального мира. В том числе при помощи нового плана Маршалла³³.

Более современного и реалистичного подхода к мировому устройству после пандемии придерживаются другие авторы, в том числе и американские. Так, редакционный совет крупной консервативной газеты Wall Street Journal подверг критике президента США Д. Трампа и политических деятелей Соединенного королевства за то, что они пытались возложить ответственность за начало эпидемии на КНР³⁴.

³² Coronavirus Scars Might Weaken Economy For Years to Come // WSJ, April 4, 2020 / <https://www.wsj.com/articles/coronavirus-scars-might...> [accessed 5.04.2020]

³³ Henry A. Kissinger. April 3, 2020. The coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // WSJ, April 4, 2020. [accessed 5.04.2020]

³⁴ Politicising Coronavirus Science. A premier biology journal says the virus can't be tied to China // <https://www.wsj.com/news/opinion/10.04.2020>.

14 апреля 2020 г. Международный валютный фонд заявил, что нынешний кризис не имеет аналога, за исключением Великой депрессии 1930-х гг. МВФ прогнозирует, что в 2020 г. мировая экономика сократится на 3% по сравнению с сокращением на 0,1% в 2009 г. Менее 10% стран сохранят прежний рост экономики. Китай увеличит ВВП в 2020 г. на 1,2% (в 2019г. рост составил 6,1%). В США экономика снизится на 5,9%. В Еврозоне экономика сократится на 7,5%. Нынешний кризис связан и с торговой войной между США и КНР. В результате в 2020 г. торговля между обеими странами может сократиться на 11%, что скажется на восстановлении экономик этих стран после окончания пандемии.

МВФ также подчеркнул, что банки и другие финансовые организации в этих и других странах должны быть готовы к реструктурированию займов и выработке новых инструментов для наращивания ликвидности в финансовой системе. Он призвал все страны и международные организации к единству действий в преодолении пандемии³⁵.

К 20 апреля 2020 г. от коронавируса в мире заболело около 2,5 млн человек, из них 170 тыс. умерли и 660 тыс. выздоровели. Более всего пострадали США (заболело 760 тыс., умерло 40 тыс.), а также Испания, Италия и Франция. В ряде стран к середине апреля 2020 г., по мнению некоторых специалистов, пандемия достигла своего пика, однако борьба продолжается³⁶.

Итоги

Кризис, вызванный пандемией, не был единственным явлением, которое усилило негативные процессы, существовавшие к тому времени, когда он начался и охватил все страны. Пандемия только усилила эти процессы, обнажила слабости мировой экономической системы, особенно в отношении миллионов людей за

³⁵ Coronavirus Afflicted Global Economy is Almost Certainly a Recession // <https://www.wsj.com/articles/coronavirus-afflicted...>

³⁶ Coronavirus infections have peaked in much of the rich world // The Economist, 20.04.2020.

пределами «золотого миллиарда» как на Западе, так и на Востоке. Кризис наглядно показал масштабность задач по созданию нового мирового устройства, основанного на социальной справедливости как в развитых, так и в развивающихся странах. Последние не могут и не хотят оставаться на обочине мирового процесса, который пренебрегал их интересами и чаяниями. Решительный поворот в их сторону диктуется всем ходом исторического развития человечества.

Общий итог всех событий начала XXI в. свидетельствует о том, что нынешний мир вступает в новую эпоху, когда международный экономический порядок приобретает иные очертания по сравнению с предыдущими десятилетиями. Многие развивающиеся страны наращивают свою экономическую мощь. Поэтому развитые страны Запада вынуждены пересматривать свое отношение к растущим экономикам Востока. Проблемы бедности и неравенства становятся более острыми. Все это может повлечь за собой глубокие перемены в глобальной плане в не столь отдаленной перспективе.

§2.3. Неравенство в распределении доходов в странах Азии и Африки и роль ТНК

В последние годы весьма пристальное внимание привлекает к себе растущая неравномерность в распределении доходов не только между странами, но и между различными группами населения внутри стран.

Во второй половине 2010-х гг. многие авторитетные авторы, в том числе и российские¹, стали подчеркивать важность проблемы неравномерности в распределении доходов и еще более вопиющей проблемы неравномерности в распределении активов. Озабоченность по этому поводу высказывается в докладах международных форумов, таких как Всемирный экономический форум в Давосе. Бьют тревогу радикальные международные организации, например, OXFAM, возникают такие движения, как «OccupyWallStreet» «We are 99%»².

Весьма фундированная монография Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке», которая к тому же основана на работе большого коллектива исследователей, глубоко анализирует проблему неравномерности распределения доходов и имущества на протяжении длительного исторического периода, правда, в основном на примере развитых стран, иногда, впрочем, затрагивая и страны Азии.

Проблемы неравномерности распределения доходов рассматривались в целом ряде трудов, в том числе в трудах классиков английской классической политэкономии: Адама Смита, Дж. Ст. Милля, в трудах К. Маркса. Американский экономист, родившийся в Российской империи, Саймон Кузнец предложил

¹ Акимов А.В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке // Восток (Oriens). 2015. № 1. С. 87–96; Мельянцева В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI в. // Восток (Oriens). 2017. № 3. С. 162–180.

² An Economy for the 99%. OXFAM Briefing Paper. January 2017.

концепцию U-curve, согласно которой на начальных этапах экономического роста неравномерность в распределении доходов возрастает, но в дальнейшем, после прохождения определенного пика, сокращается. Идея С. Кузнецца заключалась в том, что неравенство увеличивается на начальных этапах индустриализации, (когда доступ к новому богатству, созданному промышленной революцией, имело меньшинство)³, а затем на дальнейших этапах экономического роста оно снижается. Такая ситуация действительно была характерна для развитых стран в годы жизни С. Кузнецца, вплоть до 1980-х гг., но затем неравномерность в распределении доходов стала возрастать.

Проблема неравномерности в распределении доходов привлекает к себе особое внимание в связи с ростом информационной открытости, когда информация о жизни миллиардеров, звезд тиражируется в электронных СМИ и становится объектом интереса для всех, кто имеет доступ к телевидению, сети, газетам. Неравенство существовало всегда и везде, но богатство не так бросалось в глаза, было встроенным в традиционную иерархию общества и не вызывало протеста (до поры до времени, вспомним восстания рабов, крестьянские войны). Сегодня же ООН ставятся, точнее, декларируются цели устойчивого развития, и они включают в себя задачи уменьшения неравномерности в распределении доходов, борьбы с бедностью. Однако реальные цифры характеризуют всю глубину пропасти между богатыми и бедными. Международная организация Oxfam, провозгласившая лозунг «Нас 99%!», приводит данные о том, что активы богатейшего 1% населения в мире равны имуществу 6,9 млрд человек. Имущество миллиардеров равно имуществу 4,6 млрд чел (60% населения земли). Половина населения мира живет менее чем на 5,5 долл. в день⁴.

³ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 34-35.

⁴ An Economy for the 99%. OXFAM Briefing Paper. January 2017. P. 10.

Важный аспект проблемы – то, как влияют на распределение доходов ТНК. Интересным представляется и вопрос о том, как повлияют на распределение доходов новые технологии Четвертой промышленной революции, преимущественно трудосберегающие.

В свое время автор настоящего раздела подробно рассмотрел вопрос о неравномерности в распределении доходов и его влиянии на привлекательность страны для иностранных инвестиций⁵. Были проанализированы данные Мирового банка о распределении доходов по ряду стран за период 1980–1990-х гг. Сегодня представляется любопытным сравнить эти данные с данными того же Мирового банка на конец 2000–2010-е гг.

Мировой банк приводит данные по квинтилям (20%-ным группам). Можно при этом сравнить долю 20% домохозяйств с самыми высокими доходами и долю 20% с самыми низкими доходами. Часто даются данные и по децилям (10%-ным группам), тогда можно сравнить долю верхнего и нижнего дециля. Т. Пикетти приводит и данные о доле 1% с самыми высокими доходами (см. табл. II-3.1).

Об уровне неравенства по схеме Т. Пикетти можно судить по доле дециля с самыми высокими доходами и по коэффициенту Джини. Доля верхнего дециля в доходах при слабом неравенстве (страны Северной Европы) по схеме Т. Пикетти составляет 25%, коэффициент Джини – 26%; при умеренном неравенстве (страны Европы, 2010 г.) – 35%, коэффициент Джини – 36%, при сильном неравенстве (США, 2010 г.) – 50%, коэффициент Джини – 49%; при прогнозируемом очень сильном неравенстве (США, 2030 г.) – 60%, коэффициент Джини – 58%. Посмотрим, как эта схема накладывается на положение с распределением доходов в развитых, развивающихся и переходных странах в 1980–2010-х гг. Используются данные Мирового банка. Правда, не всегда есть данные по

⁵ Цветкова Н.Н. Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России: опыт сравнительного анализа. Москва: ИВ РАН, 2004. С. 158-168.

децилям, по квинтилям они даются всегда. Хотя данные Мирового банка и составляются на основе данных национальных статистических служб, тем не менее, собственные публикации статистических органов ряда стран часто могут давать более благоприятную картину.

Таблица П-3.1. Общее неравенство в доходах (трудовых и с капитала) во времени и в пространстве

Высшие по доходу, доля во всех доходах	10% с самыми высокими доходами	1% с самыми высокими доходами	50% с самыми низкими доходами	Соотв. Коэф. Джини
Слабое неравенство Скандинавские страны, 1970	25%	7%	30	0,26
Умеренное неравенство Европа, 2010	35%	10%	25	0,36
Сильное неравенство, США, 2010	50%	20%	20%	0,49
Очень сильное неравенство, США, 2030	60%	25%	15%	0,58

Источник: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015, с. 249.

Особенно эгалитарное распределение доходов типично для скандинавских стран. В Швеции в 1981 г. доходы самых богатых 20% населения (37,5% всех доходов) превышали доходы самых бедных 20% населения (8% всех доходов) в 4,7 раза. К 1992 г. этот разрыв сократился до 4 раз. Доля высших по уровню дохода 20% населения в совокупных доходах в Швеции к 1992 г. понизилась до 34,5%, а доля 20% населения с самыми низкими доходами возросла до 9,6%. Однако с 1992 по 2015 г. неравномерность распределения доходов в Швеции усилилась: доля 20% с самыми высокими доходами повысилась до 37,6%, 10% с самыми высокими доходами – до 22,9%. Доля нижнего квинтиля сократилась с 9,6% до

8,2%, нижнего дециля – с 3,7 до 3,0%. Практически ситуация вернулась к тому, что было в 1981 г. Вместе с тем в 2015 г. это был самый высокий уровень равномерности распределения доходов среди рассмотренных стран. Коэффициент Джини в 2015 г. в Швеции оценивался в 29%, что вполне соответствует уровню слабого неравенства по схеме Т. Пикетти⁶.

Скандинавские страны по степени равномерности распределения доходов сходны с бывшими социалистическими странами. Доходы 20% населения с самыми высокими доходами в Польше в 1987 г. составляли 35,2% от всех доходов, в Венгрии в 1987–1989 гг. – 34,5%, в СССР в 1985 г. – 34% от всех доходов. При этом, однако, в социалистических странах неравномерность в доходах и потреблении носила скрытый характер, многие льготы привилегированной верхушки носили неденежный характер. Отсюда популярность лозунга «борьбы с привилегиями», впрочем, быстро забытого борцами, чьи новые привилегии и доходы многократно превысили привилегии бывшей номенклатуры.

После распада СССР и перехода к рыночным реформам неравномерность в распределении доходов в РФ стремительно увеличивалась. Доля верхнего квинтиля⁷ в доходах в РФ возросла с 31% в 1991 г. до 54% в 1993 г. В 1998 г. доля верхнего квинтиля, по данным Мирового банка, составляла 53,7%, по данным Росстата, – 47,6% (расхождение весьма существенное).

В 2015 г. доля верхнего квинтиля несколько понизилась: до 45%, на верхний дециль приходилось 29,7%. Неравенство в доходах

⁶ У Пикетти коэффициент Джини дан в сотых, у Мирового банка – в %.

⁷ Статистическое значение набора данных, который отражает факты о 20% данной группы населения, так что первый квинтиль представляет собой самую низкопроцентную пятую часть данных (1-20%); второй квинтиль представляет вторую по счету пятую часть (21–40%) и так далее.
<https://ru.ihodl.com/terms/Kvintil/>; Квинтили делят выборку на 5 равных частей. Словарь социологической статистики. 2004.
https://sociological_statistics.academic.ru/70 (дата обращения: 28.04.2020).

несколько смягчилось по сравнению с 1998 г. Но осталось весьма высоким. Коэффициент Джини в РФ в 2015 г. был равен 38%.

Особенно вопиющей была неравномерность в распределении доходов в столице. В 2002 г. на самые богатые 20% населения приходилось в Москве 70% всех доходов (в Бразилии в 1996 г. – 63,8%). На следующие по уровню доходов 20% населения пришлось 15% всех доходов в Москве, (в Бразилии – 18,3%). Доля остальных 60% населения в доходах составляла в Москве в 2002 г. 15% (в Бразилии – 17,9%)⁸. Налицо было явление, обозначенное термином «бразилификация», резкая неравномерность в распределении доходов⁹.

Относительно равномерным наряду со скандинавскими странами было распределение доходов в Германии. В 1984 г. в ФРГ на долю «высших» 20% населения приходилось 38,7% доходов, в 2015 г. – 39,7%, доля верхнего дециля повысилась с 23,7% в 1994 г. до 24,8% в 2015 г., коэффициент Джини в 2015 г. составлял 31% (выше, чем в Швеции, но это уровень умеренного неравенства по Пикетти). В целом для многих западноевропейских стран и Японии была характерна достаточно умеренная неравномерность в распределении доходов (коэффициент Джини – от 30 до 33%).

Большей неравномерностью отличалось распределение доходов в США. С 1985 г. по 2015 г. эта неравномерность усилилась. В 1985–2015 гг. доля в доходах верхнего квинтиля неуклонно повышалась, увеличившись с 41,9% до 46,9%, доля верхнего дециля в 1994 и 2015 гг. была примерно одинаковой – 30,5%–30,6%.

⁸ МД вчера. 3.02.2003.

⁹ Бразилификация - [англ. Brazilification < Brazil - Бразилия] - полит. термин, используемый на Западе и означающий постоянно увеличивающуюся пропасть между богатыми и бедными и сопутствующее этому исчезновение среднего класса. Словарь иностранных слов.- Комлев Н.Г., 2006.
https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/8171 (28.04.2020).

Таблица П-3.2. Распределение доходов в странах Европы, Америки, Африки (доля квинтилей и децилей в доходах, %), 1980–2016 гг.

Страна	Год	10% с самыми низкими доходами	20% с самыми низкими доходами	20% с самыми высокими доходами	10% с самыми высокими доходами
Бразилия	1983	-	2,4	62,6	-
	1989	0,7	2,1	67,5	51,3
	1996	0,9	2,5	63,8	47,6
	2016	1,0	3,2	58,3	42,4
ЮАР	1993	1,4	3,3	63,3	47,3
	2014	0,9	2,4	68,2	50,5
США	1985	-	4,7	41,9	-
	1997	1,8	5,2	46,4	30,5
	2016	1,7	5,0	46,9	30,6
Швейцария	1982	-	5,2	44,6	-
	1992	2,6	6,9	40,3	25,2
	2015	3,2	7,8	40,2	25,2
ФРГ	1984	-	6,8	38,7	-
	1994	3,3	8,2	38,5	23,7
	2015	3,1	7,8	39,7	24,8
Швеция	1981	-	8,0	37,5	-
	1992	3,7	9,6	34,5	20,1
	2015	3,0	8,2	37,6	22,9
Франция	2015	3,1	7,9	40,9	26,6
Польша	1987	-	9,7	35,2	-
	2015	2,8	7,4	39,2	24,2
Венгрия	1987/89	-	10,9	34,5	-
	2015	3,0	7,8	38,4	23,8
СССР	1985	-	10,0	34,0	-
	1991	-	11,9	30,7	-
Россия	1993	1,2	3,7	53,8	38,7
	1998 ¹	1,7	4,4	53,7	38,7
	1998 ²	-	6,1	47,6	-
	2000	-	6,0	47,6	-
	2015	2,8	6,9	45,3	29,7

Источник: Цветкова Н.Н. Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России: опыт сравнительного анализа. Москва: ИВ РАН, 2004. С. 185-186; World Development Indicators: Poverty and Shared Prosperity. Table 1.3. Distribution of income or consumption 27.09.2019 (дата обращения: 10.02.2020).

Примечания: – нет данных

¹ - по данным Мирового банка

² - по данным Росстата

Коэффициент Джини в 2016 г. оценивался в 42% (сильное неравенство по схеме Пикетти). Следует отметить, однако, что в развитых странах даже при достаточно резкой имущественной поляризации населения реальные доходы беднейших 10–20% населения выше, чем в бедных странах. К тому же практически во всех развитых странах действуют государственные программы поддержки неимущих слоев (см. табл. II-3.2).

Вопиющей неравномерностью отличалось распределение доходов в Бразилии. В 1996 г. доля 20% населения с самыми высокими доходами в совокупных доходах достигала 63,8% (в 1989 г. – 67,5%), 20% с самыми низкими доходами – 2,5%, первая превышала вторую в 25,5 раз. На долю самых богатых 10% населения приходилось 47,6% всех доходов, что в 52,9 раз превышало долю самых бедных 10%, составляющую 0,9%. В 2016 г. в Бразилии на верхний квинтиль приходилось 58,2% всех доходов, на нижний квинтиль – 3,2%. Неравномерность несколько смягчилась, но осталась очень высокой. На долю самых богатых 10% населения приходилось 42,4% всех доходов, что в 42,4 раза превышало долю самых бедных 10%, составлявшую 1,0%. По схеме Пикетти для Бразилии характерно сильное неравенство. Отсюда и упомянутый выше термин «бразилификация», обозначающий явление, типичное не только для Бразилии.

Еще более неравномерно распределение доходов в ЮАР, причем после перехода власти к правительству черного большинства эта неравномерность только увеличилась: в 1993–2014 гг. доля верхнего квинтиля в доходах возросла с 63,3% до 68,2%, а верхнего дециля – с 47,3% до 50,5%. Коэффициент Джини составил в 2014 г. 63%, что по схеме Пикетти соответствует очень сильному неравенству.

Неравномерность в распределении доходов была высокой уже в 1980-х гг. в Малайзии, на Филиппинах, в Шри-Ланке (доля верхнего квинтиля превышала 48%). В целом ряде стран Азии с середины 1980-х гг. по вторую половину 1990-х гг. неравномерность в распределении доходов усилилась, а затем к середине

2010-х гг. снизилась, однако незначительно, и в целом осталась достаточно высокой, выше, чем было в начале 1980-х гг.

Таблица П-3.3. Распределение доходов в странах Азии (доля квинтилей и децилей в доходах, %), 1980–2016 гг.

Страна	Год	10% с самыми низкими доходами	20% с самыми низкими доходами	20% с самыми высокими доходами	10% с самыми высокими доходами
Бангладеш	1985	-	10,0	37,4	-
	2016	3,7	8,6	41,4	26,8
Индия	1983	-	8,1	41,4	-
	1997	3,5	8,1	46,1	33,5
	2011	3,5	8,1	44,4	30,1
Индонезия	1987	-	8,8	41,3	-
	1996	3,6	8,0	44,9	30,3
	2016	2,9	6,9	45,8	30,4
Китай	1992	2,6	6,2	43,9	26,8
	1998	2,4	5,9	46,6	30,4
	2015	2,6	6,4	45,4	29,4
Южная Корея	1993	2,9	7,5	39,3	24,3
	2012	2,6	7,3	39,0	23,8
Малайзия	1987	-	4,6	51,2	-
	1995	1,8	4,5	53,8	37,9
	2015	2,3	5,8	47,3	31,3
Пакистан	1984/5	-	7,8	45,6	-
	1996/7	4,1	9,5	41,1	27,6
	2015	3,9	8,9	42,8	28,9
Непал	1984/5	4,0	9,1	39,5	25,0
	1995/6	3,2	7,6	44,8	29,8
	2010	3,5	8,3	41,5	26,4
Филиппины	1985	-	5,5	48,0	-
	1997	2,3	5,4	52,3	36,6
	2015	2,3	5,7	50,9	34,8
Шри-Ланка	1985/6	-	4,8	56,1	-
	1995	3,5	8,0	42,8	28,0
	2016	2,9	7,0	47,6	32,9
Вьетнам	2016	2,6	6,9	42,5	27,1
Япония	2008	2,7	7,4	39,7	24,7

Источник: Цветкова Н.Н. Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России: опыт сравнительного анализа. Москва: ИВ РАН, 2004. С. 185-186; World Development Indicators: Poverty and Shared Prosperity. Table 1.3. Distribution of income or consumption 27.09.2019 (дата обращения: 10.02.2020).

Такая ситуация характерна для Китая, Индии, Филиппин, Малайзии, Непала. Доля верхних 20% в доходах в Китае повысилась в 1987–1996 гг. с 43,9% до 46,6%, а затем с 1996 по 2015 гг. снизилась до 45,4%, верхних 10% –соответственно повысилась с 26,8% до 30,4%, а затем снизилась до 29,4% (см. табл. II-3.).

Таблица II-3.4. Коэффициент Джини в ряде стран (%), 2010-е гг.

Страна	Год	Коэффициент Джини
Бразилия	2016	54
ЮАР	2014	63
США	2016	42
Швейцария	2015	32
Германия	2015	31
Япония	2008	32
Франция	2015	33
Венгрия	2015	30
Россия	2015	38
Бангладеш	2016	32
Индия	2011	36
Индонезия	2016	39
Китай	2015	39
Республика Корея	2012	32
Пакистан	2015	34
Непал	2010	33
Филиппины	2015	44
Шри-Ланка	2016	40
Вьетнам	2016	35

Источник: World Development Indicators: Poverty and Shared Prosperity. Table 1.3. Distribution of income or consumption 27.09.2019 (дата обращения: 10.02.2020).

Коэффициент Джини в 2015 г. был равен 39%, что близко к американскому варианту. В Индии доля верхнего квинтиля в доходах в 1983–1997 гг. повысилась с 41,4% до 46,1%, а с 1997 г. по 2011 г. понизилась до 44,1%. Коэффициент Джини в 2011 г. составлял 36%, что тоже свидетельствует о достаточно высоком неравенстве. Еще более высокий уровень неравномерности в распределении доходов характерен для Филиппин: коэффициент Джини в 2015 г. достиг 44% (сильное неравенство), на верхний квинтиль

приходилось 50,9% всех доходов, на верхний дециль – 34,8% всех доходов (см. табл. II-3.3). Во всех этих странах Азии неравномерность в распределении доходов была выше, чем в странах Западной Европы, и соответствовала уровню США или приближалась к нему. У Вьетнама, Индии, Индонезии, Китая коэффициент Джини составлял от 35% до 39%, у Шри-Ланки, Филиппин – от 40% до 44% (см. табл. II-3.4).

Достаточно равномерным было распределение доходов в Южной Корее, в которой, по мнению многих исследователей, уже в 1980-х гг. сформировался средний класс со структурой потребления, аналогичной структуре потребления стран Южной Европы. В 1993 г. на долю самых богатых 20% населения в Южной Корее приходилось 39,3% всех доходов, а на долю самых бедных 20% – 7,5%. В 2012 г. ситуация практически не изменилась: на долю самых богатых 20% населения в Южной Корее приходилось 39,0% всех доходов, а на долю самых бедных 20% – 7,3%. Такое же распределение доходов по квинтилям характерно и для Японии. Коэффициент Джини в Республике Корее и в Японии был равен 32%, достаточно низким он был также у Бангладеш и Непала (32%–33%).

Неравномерность в распределении доходов и миллиардеры: схема Ручира Шармы

Среди богатейших людей мира, миллиардеров становится все больше представителей стран Востока, стран с развивающимися рынками. В последние десятилетия резко возросло число миллиардеров из стран Азии в рейтингах миллиардеров американского журнала «Форбс».

Интересным представляется подход известного экономиста Р. Шармы, индийца по происхождению, живущего в США, к прогнозированию роста экономики стран с развивающимися рынками. Анализируя перспективы экономического развития тех или иных стран, Р. Шарма рассматривает список их богатейших миллиардеров, размеры состояния этих миллиардеров и отрасли, в которых они действуют. «Если в стране слишком много миллиардеров по сравнению с размерами ее экономики, баланс нарушен.

Если «среднестатистический» миллиардер в стране с развивающимся рынком владеет десятками миллиардов, это может вести к застою. Если миллиардеры страны делают свое состояние в основном благодаря покровительству государства, а не продуктивным новым отраслям, это нередко ведет к нарастанию недовольства в обществе». Например, по мнению Р. Шармы, именно этим фактором были вызваны народные волнения в Индонезии в конце 1990-х гг. «...поскольку лица с полезными связями в верхах, получают все, что им нужно, просто благодаря установившемуся порядку, их без сомнения, следует считать врагами капитализма (рыночной экономики)». По приводимым Р. Шармой данным, в 2011 г. состояние миллиардеров составляло в США 10,2% ВВП, в Китае – 3,3%, но в Гонконге (КНР) – 63,4%, в России – 23%, в Индии – 13,4%, в Южной Корее – 3,4%, на Тайване – 12,3%, в Бразилии – 5,2%, в Германии – 6,8%, во Франции – 4,2%, в Японии – 1,3%. Шарма критически оценивает перспективы развития экономики Индии в ближайшие десятилетия в связи с тем, что по такому показателю, как доля суммарного состояния миллиардеров в экономике страны в целом, «Индия отстает только от России и Малайзии». Другой важный показатель для оценки перспектив развития страны – доля среди миллиардеров тех, кто связан с высокотехнологичными отраслями, и тех, кто сделал свое состояние без поддержки государства¹⁰.

Неравномерность в распределении доходов, рост доходов горстки самых богатых людей и в развитых, и в развивающихся странах, несомненно, усиливаются в условиях глобализации. Название книги французского автора М. Катрпуэна «Глобальный кризис: средний класс приканчивают, не так ли?» говорит само за себя, это аллюзия на название известного фильма 1970-х гг. «Занятых лошадей пристреливают, не так ли?».

¹⁰ Шарма, Прорывные экономики: в поисках следующего экономического чуда. М., 2013. С. 65–70, 119–122.

Таблица П-3.5. Число миллиардеров и их активы в % от ВВП, 2011–2014 гг.

Страна	Число миллиардеров ¹		Капитал миллиардеров (млрд долл.)	Капитал в % от ВВП страны	Среднее состояние топ-десятки (млрд долл.)
	2011	2014			
	2011	2014	2011	2011	2011
США	412	509	1529,2	10,2	30,3
Китай	115	141	230,4	3,3	6,0
Гонконг (КНР)	36	40	156,5	63,4	10,6
Россия	101	93	432,7	23,0	16,8
Индия	55	55	246,5	13,4	14,8
Бразилия	30	59	131,4	5,2	8,8
Турция	38	24	63,7	8,3	2,8
Тайвань	25	29	62,3	12,3	4,1
Южная Корея	16	26	39,6	3,4	3,2
Израиль	16	18	46,7	19,0	4,0
Индонезия	14	18	32,3	3,9	2,8
Мексика	11	15	125,1	10,6	12,4
Япония	26	24	75,8	1,3	5,1
Германия	52	83	246,4	6,8	12,7
Франция	14	39	118,5	4,2	11,2
Великобритания	32	42	93,7	3,8	5,4

Источник: Шарма Р. Прорывные экономики: в поисках следующего экономического чуда. М., 2013. С. 67 (2011 г.); за 2014 г. подсчитано по: www.forbes.com/billionaires/list/#tab:overall.

Примечание: ¹ Число миллиардеров в рейтинге «Форбс».

В первую очередь и в развитых, и в развивающихся странах растут доходы не бедняков и не среднего класса, а горстки миллиардеров, самых богатых людей. Доля национального дохода, которая приходится на 1% населения с самыми высокими доходами, в США в 1980–2007 гг. повысилась с 8% до 20% (20% она составляла и в 1929 г., в канун Великой депрессии)¹¹.

¹¹ Quatrepoint J.-M. La crise globale. On achève bien les classes moyennes et on n'en finit pas d'enrichir les élites. P., 2008. P. 270.

Итак, используя «метод Шармы», рассмотрим ситуацию с миллиардерами в азиатских странах.

В 2014 г. в рейтинг миллиардеров «Форбс» было включено 1645 миллиардеров. По числу миллиардеров в рейтинге Китай (11% от общего числа (181), среди них 141 – из континентального Китая и 40 – из Гонконга) был вторым после США, что отражает роль Китая в мировой экономике (см. табл. II-3.5). Среди миллиардеров из континентального Китая по основным сферам деятельности 22 представляли сферу информационных технологий (ИТ), 15 – фармацевтическую промышленность, 1 – сферу телекоммуникаций, 2 – альтернативную энергетику. Среди крупнейших миллиардеров Китая фигурируют предприниматели «новой экономики», представляющие три компании по производству услуг сферы информационных технологий. Это Джек Ма (компания электронной торговли «Алибаба»), Робин Ли (поисковая система «Байду») и Ма Хуатен (компания «Тенсент»). Следуя «методу Ручира Шармы», можно отметить, что о перспективах развития КНР можно судить по числу предпринимателей в инновационных отраслях экономики среди общего числа миллиардеров из данной страны. Общее число предпринимателей, связанных с инновационными отраслями (электроника, ИТ, телекоммуникации, альтернативная энергетика), среди миллиардеров континентального Китая в 2014 г. составило более четырех десятков (порядка 30% от общего числа). Таким образом, принцип Р. Шармы здесь был соблюден.

В рейтинге «Форбс» за 2014 г. 93 миллиардера было из РФ (третье место), 83 – из Германии (четвертое место), 59 – из Бразилии (пятое место), 55 – из Индии (шестое место), 42 – из Великобритании, 24 – из Японии. Кроме того, в 2014 г. в рейтинг «Форбс» вошли 29 миллиардеров с Тайваня, 26 – из Южной Кореи, 24 – из Турции, 18 – из Индонезии, 16 – из Сингапура, 13 – из Малайзии, 11 – из Таиланда, 9 – с Филиппин, 7 – из Саудовской Аравии, 6 – из Ливана, 5 – из Кувейта, 4 – из ОАЭ, 2 – из Омана, 1 – из Непала. Среди миллиардеров Форбс-2014 – около $\frac{1}{4}$ из развивающихся

стран Востока (407). Если же считать Японию (24) и Израиль (18), то это число увеличивается до 449 (27,2%) (см. табл. II-3.5).

В список «Форбс» в 2014 г. входило 55 миллиардеров из Индии, их распределение по сферам деятельности таково: 7 – сфера ИТ, 1 – телекоммуникации, 7 – фармацевтическая промышленность, 7 – конгломераты, 5 – недвижимость, 4 – автомобильная промышленность, по 3 – металлургия, финансы, по 2 – строительство и инжиниринг, нефтехимия, ювелирные изделия (огранка драгоценных камней), здравоохранение, прочая обрабатывающая промышленность, розничная торговля, 1 – пищевая промышленность. На инновационные сферы (условно относим к ним информационные технологии, фармацевтическую промышленность, телекоммуникации, хотя высокий уровень НИОКР характерен сегодня для многих отраслей) приходилось около 20% от общего числа. Общий вывод по «методу Ручира Шармы»: перспективы развития Индии представляются весьма многообещающими, но менее, чем у Китая. Сам Ручир Шарма настроен к своей родной стране Индии весьма критически. и предпринимателей, в том числе и в новых отраслях, особенно в Китае.

В апреле 2020 г. в рейтинге Форбс фигурировало 2095 миллиардеров, на первом месте находились США (614), но на втором - Китай вместе с Гонконгом и Макао, в нем насчитывалось 453 миллиардера, более 20% от общего числа по сравнению с 11% в 2014 г., их доля удвоилась¹². Сегодня ТНК и миллиардеры в странах Востока – это нередко миллиардеры и ТНК из самих стран Востока

ТНК и неравномерность в распределении доходов

Ответ на вопрос о влиянии ТНК на неравномерность распределения доходов в развивающихся странах представляется неоднозначным, а сам этот вопрос заслуживает дальнейшего, более подробного изучения. Наметим здесь вкратце основные тезисы.

Следует отметить, что прямые иностранные инвестиции, которые осуществляют ТНК, размещены крайне неравномерно.

¹² <https://www.forbes.com/billionaires/> (дата обращения: 28.04.2020).

В 2016 г. 90% балансовой стоимости ПИИ в мире приходилось на 40 стран и территорий, в их число входили среди стран Азии: Китай с Гонконгом, Сингапур, Малайзия, Индия, Индонезия, Южная Корея, Вьетнам, Таиланд¹³. Наряду с ПИИ ТНК широко используют неакционерные формы организации международного производства, контрактные формы сотрудничества. К этому списку можно добавить еще Филиппины, Тайвань, даже Бангладеш, Камбоджу, вовлеченные в орбиту деятельности ТНК, если не западных, то ТНК из стран Востока. Однако наименее развитые страны, не обладающие востребованными на рынке природными ресурсами, ТНК обходят стороной. Создавая свои производственные предприятия только в ограниченном числе стран, ТНК способствуют углублению неравномерности развития стран, те страны, которые остались в стороне от их производственных операций, получают меньше доходов. Инвестиции ТНК способствуют экономическому росту, созданию рабочих мест, росту доходов, но в достаточно небольшом числе стран (на 170 стран приходится лишь 10% их инвестиций), а в этих странах – в небольшом числе отраслей.

В результате перемещения производств, осуществлявшегося ТНК, и развития собственных предприятий страны Восточной и Юго-Восточной Азии заняли в международном разделении труда место ведущих экспортеров готовой продукции. Трудоемкие отрасли обрабатывающей промышленности стали важной сферой занятости в странах Азии. Так, в 2015 г. в производстве компьютеров и электронной промышленности было занято 10% работающих в обрабатывающей промышленности в Таиланде, 16% – на Филиппинах. В швейной и обувной промышленности в середине 2010-х гг. было занято 3/4 всех занятых в обрабатывающей промышленности в Камбодже, 2/5 – во Вьетнаме¹⁴.

¹³ Подсчитано по: World Investment Report 2017. UNCTAD. N.Y. – Geneva, 2017. P. 226–229.

¹⁴ ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation. ILO, Geneva, 2016. P. 18-19.

Известный тезис гласит, что ТНК усугубляют неравномерность распределения доходов в развивающихся странах, поскольку «рабочая аристократия», работники их филиалов, получают более высокую зарплату, чем средняя зарплата по стране. Это действительно имеет место, но только в отношении некоторых предприятий, некоторых отраслей и отдельных категорий работников.

Латиноамериканский экономист О. Сункель выделял два типа эволюции социальной структуры в «международной глобальной экономической системе». Первый – развитые страны – «центр», где в динамично развивающуюся систему экономического процветания включено подавляющее большинство населения. В развивающихся странах – «на периферии», представляющих второй вариант этой схемы, выгоды от развития «глобальной системы экономического процветания» получает незначительная часть населения, интегрированная в динамично развивающиеся рыночные структуры. Чилийский экономист О. Сункель заявлял, что это в основном структуры, находящиеся под контролем ТНК¹⁵. Подавляющее же большинство населения развивающихся стран остается за бортом «системы экономического процветания», как бы в стороне от экономического роста, его материальное положение ухудшается, часть этого населения просто маргинализируется. Целые пласты общества, отдельные уклады, обширные регионы, если и испытывают на себе воздействие глобализации, в первую очередь благодаря демонстрационному эффекту, не интегрируются в этот процесс, не получают никаких выгод, оказываются исключенными из глобальной системы экономического процветания¹⁶.

Однако не стоит причислять к рабочей аристократии всех, кто работает на ТНК. В последние годы, как уже отмечалось, ТНК

¹⁵ Transnational Enterprises: Their Impact on Third World Societies and Cultures. Boulder (Col.), 1980. P. 65-67.

¹⁶ См. подр.: Цветкова Н.Н. Международные монополии и социальная эволюция в развивающихся странах Азии. М., 1983. С. 117-133.

все шире используют контрактные формы сотрудничества, так называемые контракты о производстве с формально независимыми предприятиями. И в этом случае зарплата на предприятиях субподрядчиках совсем не высокая. Так, в 2011 г. привлекли к себе внимание протестные выступления рабочих предприятия тайваньской компании «Фоксконн» в китайском Шэньчжэне. Когда после волны протестов администрация компании решила пойти на уступки, глава «Фоксконн» Терри Го объявил о повышении зарплаты до 300 долл. (это совсем не высокий уровень для электронной промышленности Китая, а до протестов зарплата была еще ниже).

Действительно высокий уровень зарплаты характерен для «транснациональных менеджеров», для руководителей предприятий. Зарплата топ-менеджера одной из 100 компаний, чьи акции котируются на Нью-Йоркской бирже, равна зарплате 10000 рабочих швейной фабрики в Бангладеш. Зарплата генерального директора ИТ-фирмы в Индии (заметим, речь идет об индийской компании) равна зарплате 416 сотрудников¹⁷.

Еще больший разрыв существует между дивидендами, получаемыми владельцами контрольных пакетов акций, доходами крупнейших предпринимателей и зарплатами рабочих филиалов, доходами бедняков. Так, в компании «Зара» дивиденды ее владельца Амансио Ортеги равны 800000 годовых зарплат рабочего работающей на «Зара» по контракту фабрики в Индии. Во Вьетнаме доход богатейшего вьетнамского миллиардера за день равен доходу бедняка за 10 лет¹⁸.

ТНК (и владельцы крупных состояний) усугубляют положение принимающих стран, да, и стран своего происхождения тем, что используют налоговую оптимизацию, укрывая часть своих прибылей в офшорах. Они недоплачивают налоги. Так, в 2014 г.

¹⁷ An Economy for the 99%. OXFAM Briefing Paper. January 2017. P. 10, 13.

¹⁸ An Economy for the 99%. OXFAM Briefing Paper. January, 2017. P. 17, 2.

«Эппл» заплатила с прибылей, полученных в Европе, всего 0,005%. ТНК добиваются от развивающихся стран предоставления им чрезмерных налоговых льгот. Так, южнокорейская «Самсунг электроникс» получила во Вьетнаме 15 лет налоговых каникул. Только 4% налоговых поступлений в мире дает налог на богатство (активы)¹⁹. ТНК используют в своих интересах коррупцию (но не всегда коррупция связана только с ТНК).

Распределение имущества отличается гораздо большей неравномерностью, чем распределение доходов. Т. Пикетти делает вывод о том, что в 2010 г. неравномерность в распределении имущества была такой же, как в 1910 г. (заметим, в канун великих потрясений)²⁰.

Следует отметить, что многие последствия деятельности ТНК – это последствия действия социального механизма рынка. Социальный механизм рынка довольно жесткий, его действие сходно с действием механизма естественного отбора по Чарльзу Дарвину. Американские экономисты П. Самуэльсон, лауреат Нобелевской премии по экономике, и его соавтор В. Нордхауз (отнюдь не марксисты и даже не сторонники дирижизма, государственного вмешательства в экономику) пишут: «людей интересует, насколько справедливым и объективным можно считать распределение доходов в условиях рыночного капитализма. В некотором смысле ставить вопрос подобным образом – все равно, что спрашивать, насколько справедливым и объективным можно считать распределение пищи между животными в джунглях. Точно так же, как борьба за выживание между обитателями джунглей приводит к такому распределению пищи между ними, которое

¹⁹ An Economy for the 99%. OXFAM Briefing Paper. January, 2017. P. 17.

²⁰ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 248,

бессмысленно рассматривать в категориях “справедливо” и “несправедливо”, конкурентный рынок распределяет заработные платы и прибыли между людьми согласно их производительности, а не каким-либо этическим нормам. ... В рыночной экономике распределение доходов и потребления отражает не только умение людей упорно трудиться, их врожденные способности и проворство, но и такие факторы, как расовая и половая принадлежность, место жительства, состояние здоровья и, наконец, удача. ... когда мы видим безработного, нам, наверное, стоит подумать: “Между прочим, еще неизвестно, не окажусь ли я – в результате действия хваленых рыночных механизмов – на месте этого бедняги”»²¹.

В чем же выход? Вопрос остается открытым. Т. Пикетти, например, видит выход во введении прогрессивного налога на капитал. Несомненно одно: для смягчения высокой неравномерности в распределении доходов, которую генерирует механизм свободного рынка, императивами являются регулирующая роль государства, эффективная налоговая и социальная политика.

²¹ Самуэльсон П., Нордхауз В. Экономика. Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2007, с. 462, 463.

§2.4. Проблемы социального неравенства в современной Японии

Практически все индустриальные общества сталкиваются с проблемой социального неравенства. Не является исключением и Япония. Однако особенность японского кейса заключается в том, что на фоне сложившегося в постиндустриальный период стереотипа о стране «среднего класса» в мировом академическом дискурсе не наблюдалось сколько-нибудь значимого расхождения мнений по вопросу о социальном неравенстве в Японии, а сама эта проблема не стала объектом серьезной научной дискуссии.

Действительно, политика правительства Японии, основываясь на общенациональном консенсусе, в период как высоких, так и умеренных темпов экономического роста, была направлена на создание в стране сильного среднего класса, главным образом, за счет перераспределения избыточных бюджетных доходов, поступавших в страну в результате успешной экспортной модели экономики. Курс правящей Либерально-демократической партии заключался в том, чтобы не допустить появления в стране сильных социальных контрастов. В числе черт национального характера прочно закрепилось понятие эгалитаризма как одной из базовых национальных ценностей.

С середины 1970-х до конца 1980-х гг., несмотря на некоторое снижение темпов роста, доходы большинства населения продолжали расти; основная часть граждан получила в собственность различные виды дорогостоящих потребительских товаров, включая бытовые электроприборы и автомобили. В ходе сравнительного исследования доходов населения, проведенного в 1976 г., Организация экономического сотрудничества и развития заключила, что Япония является наиболее «эгалитарной» страной мира. Это было воспринято не только в контексте успеха государственной политики создания среднего класса, но и как свидетельство японской «исключительности», в основе которой в числе прочего

лежит гомогенность общества, члены которого осознают свою принадлежность к среднему классу¹.

Крах «экономики мыльного пузыря» в 1990 г. и переход на новую модель развития подорвал экономическую основу «общества среднего класса» и вызвал в Японии и за ее пределами сомнения в незыблемости постулата о наличии в стране эгалитарного общества. Во многом это было связано с внедрением в экономическую систему элементов рыночности, глобализацией и открытием японского внутреннего рынка, усилением конкуренции между производителями, а также обострением ранее нехарактерных для Японии проблем безработицы и социального неравенства.

Общепринятым критерием имущественного неравенства является индекс Джини, определяемый как по доходам, так и по располагаемому богатству. Этот индекс считается показателем остроты проблемы социального неравенства в той или иной стране мира. В международной статистической практике имеется три основных подхода к оценке неравенства в доходах: по рыночным (первичным) доходам (до вычета налогов и предоставления трансфертов); по промежуточным доходам (после вычета налогов, но до предоставления трансфертов); по располагаемым доходам – после вычета налогов и предоставления трансфертов². Кроме того, используется показатель индекс Джини по накопленному богатству, отражающий неравенство в доступе к материальным и нематериальным ценностям.

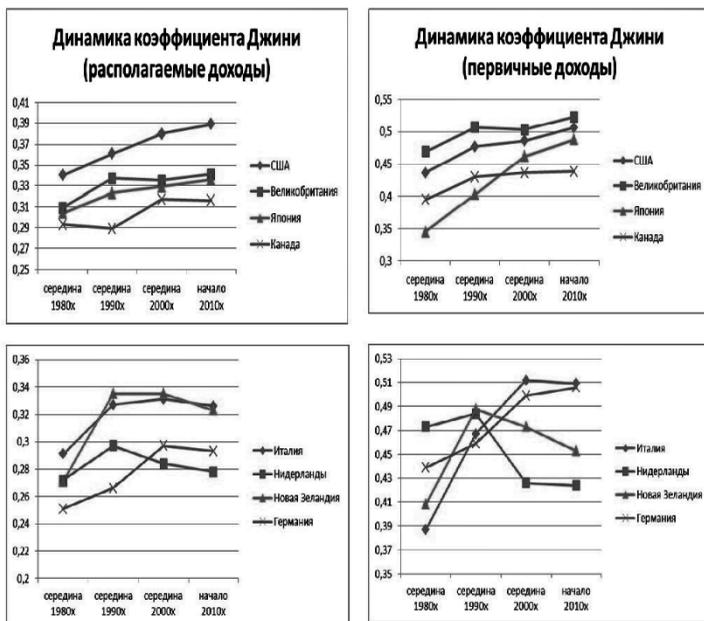
Для Японии периода умеренных и низких темпов экономического роста было характерно постоянное увеличение показателя индекса Джини по всем позициям, что свидетельствовало о

¹ Sawako Shirahase. Social Inequality in Contemporary Japan. 2013, Volume 3, Issue 3. <http://globaldialogue.isa-sociology.org/social-inequality-in-contemporary-japan/>

² Капелюшников Р.Т. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов [Текст] : препринт WP3/2020/01 / Р. И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С.16.
https://wp.hse.ru/data/2020/01/09/1510560534/WP3_2020_01_26_12_2019_F.pdf

нарастании остроты проблемы имущественного неравенства. Так, индекс Джини по первичным доходам увеличился за три десятилетия (с 1984 по 2014 гг.) почти в полтора раза – с 0,39 в 1984 г. до 0,58 в 2014 г.

Рисунок П-4.1. Япония в международном сравнении по первичным и располагаемым доходам.

Источник: А.А. Горшков, «Великое расхождение»: рост неравенства в распределении доходов домохозяйств и перераспределение в странах ОЭСР. Проблемы современной экономики 2016. С.49. <https://cyberleninka.ru/article/n/velikoe-rashozhdenie-rost-neravenstva-v-raspredelenii-dohodov-domohozyaystv-i-pereraspredelenie-v-stranah-oesr>

Существенно в меньшей степени, но все же показывал тенденцию к росту и индекс Джини по располагаемому доходу – с 0,32 до 0,35 (см. табл. П-4.1), а также индекс Джини по

накопленному богатству – с 0,58 до 0,64³. В результате Япония вышла из числа мировых лидеров по показателям социального равенства, хотя и не оказалась в числе «отстающих», закрепившись в середине списка развитых стран (см. рис. П-4.1). Однако даже несмотря на некритичность показателей индекса Джини и относительной бедности, тенденция к росту имущественного неравенства, наблюдаемая в Японии на протяжении нескольких последних десятилетий, стала источником социального напряжения в обществе, потребовав решительных мер государственной политики для ее исправления.

Таблица П-4.1. Индекс Джини Японии по располагаемым доходам в динамике

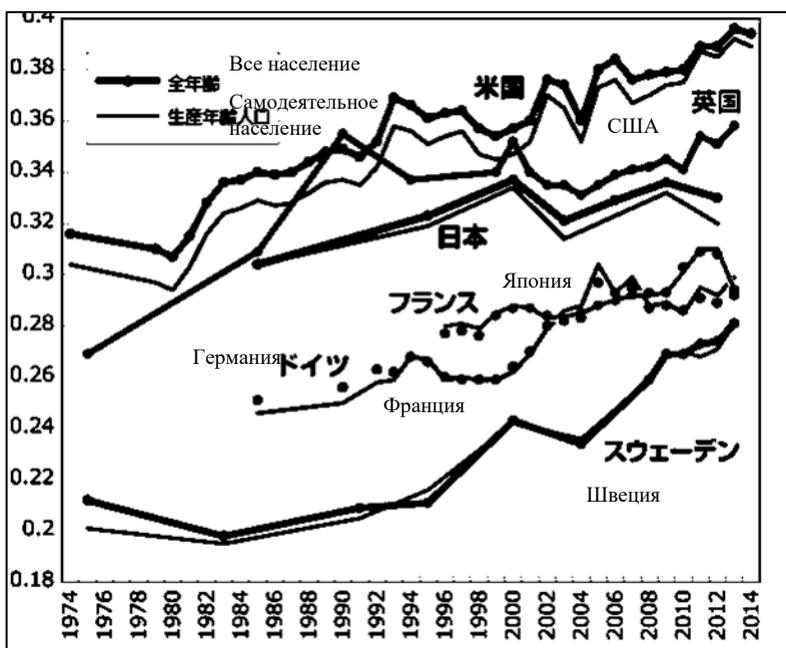
	1985	1995	2000	2003	2006	2009	2012
Все население	0,304	0,323	0,337	0,321	0,329	0,336	0,330
Самодельное население	0,304	0,319	0,334	0,314	0,323	0,332	0,320

Источник: Хонгава Ютака. Нихон-дэ ва сётоку какуса мо хинкон исики мо какудайсите инай кэтэйтэки дэта (Данные, подтверждающие отсутствие в Японии роста неравенства в доходах и ощущения бедности). Diamond online. 28.09.2016. <https://diamond.jp/articles/-/103116>

Показательно, что индикаторы индекса Джини Японии стали заметно выше большинства крупных европейских стран, за исключением Великобритании, что противоречило установившемуся стереотипу о Японии как стране «социального равенства». Особенно обращает на себя внимание то, что неравенство в доходах было в Японии было выше других стран не только в период экономической стагнации 1990-х гг., но и в предшествующий ему период «экономики мыльного пузыря», который считается эпохой социального благополучия.

³ Kitao Sagiri, Yamada Tomoaki. Dimensions of Inequality in Japan: Distributions of Earnings, Income and Wealth between 1984 and 2014. CAMA Working Paper. 2019. No.36. P.3. https://crawford.anu.edu.au/sites/default/files/publication/cama_crawford_anu_edu_au/2019-06/36_2019_kitao_yamada.pdf

Рисунок П-4.2 Индекс Джини некоторых развитых стран по располагаемым доходам

Источник: Хонгава Ютака. Нихон-дэ ва сётоку какуса мо хинкон исики мо какудайсите инай кэтгэйтэки дэта (Данные, подтверждающие отсутствие в Японии роста неравенства в доходах и ощущения бедности). Diamond online. 28.09.2016. <https://diamond.jp/articles/-/103116>

Из приведенного графика следует и то, что индекс Джини достиг своего пика примерно в 2000 г., после чего он вошел в плато, показывая небольшие колебания (см. рис. П-4.2). В этот период, как представляется, данный показатель определялся в первую очередь различием в доходах экономически активного населения, а не фактором постарения общества. Хотя подавляющее большинство японцев в опросах общественного мнения продолжали относить себя к «среднему классу», в ходе опросов общественного мнения в полной мере стало проявляться ощущение массового недовольства уровнем оплаты труда. Например, в ходе

опроса NHK проведенного в 2019 г., уровнем своего дохода остались полностью удовлетворены лишь 7,4% опрошенных, «в целом удовлетворены» – 44,9%, тогда как полностью или частично неудовлетворёнными остались соответственно 11,6 и 34,0%⁴. Вместе с тем темпы роста показателя Джини были после 2000 г. в Японии в тот период существенно ниже, чем в европейских странах, где наблюдался более существенный рост имущественного неравенства.

Имеются различные «непреходящие», т.е. не зависящие от исторического контекста факторы имущественного неравенства, имеющие социальное звучание. К их числу можно отнести уровень и вид образования (выпускники крупных и известных университетов всегда имеют существенно лучшие возможности для поступления на работу и карьерного роста); место проживания (жители крупных городских агломераций всегда имеют зарплаты выше, чем жители маленьких городов); семейный статус (вступление в брак и появление детей всегда снижает уровень материального достатка); возраст (отличия в уровне оплаты труда между разными возрастными группами работающих: молодые получают существенно меньшую зарплату в силу присущей Японии системы оплаты по старшинству). Попытаемся более подробно остановиться на тех факторах, которые имели наибольшее значение для ситуации в сфере социального неравенства в том виде, в каком оно сформировалось к концу 2010-х гг. Можно выделить следующие факторы обострения проблемы имущественного неравенства в Японии в 2000–2020-е гг.:

- 1) Увеличение доли старших возрастов в демографической структуре общества;
- 2) Увеличение доли непостоянного найма и рост различий в доходах разных категорий работающих;
- 3) Сохранение и увеличение различий в карьерных возможностях и оплате труда мужчин и женщин.

⁴Кокумин сэйкацу-ни кансуру сэрон тёса (Опрос общественного мнения относительно жизни народа). Канцелярия кабинета министров. Июнь 2019 г. https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/3_chosahyo.html

Рост совокупного неравенства доходов и доходов в течение последних трех десятилетий в значительной степени обусловлен *ростом доли старших возрастов в демографической структуре общества*. Средний размер одной семьи (домохозяйства) имеет тенденцию к сокращению: в 1984 г. он составлял 3,4 чел., в 2014 г. – 2,6 чел. Эта цифра отражает не только демографическое старение и увеличение доли пожилых домохозяйств с меньшим числом членов, но и тенденцию к снижению уровня вступления в брак и рождаемости.

Поскольку неравенство доходов имеет тенденцию возрастать с возрастом, смещение возрастного распределения демографической структуры общества в сторону старших возрастов ведет к увеличению национальных показателей имущественного неравенства. В 2018 г. медианный возраст в Японии составлял 47,3 года, т.е. более 50% населения Японии были старше 47 лет.⁵, 28,7% населения Японии составляли пенсионеры старше 65 лет, это является самым высоким показателем в мире.⁶

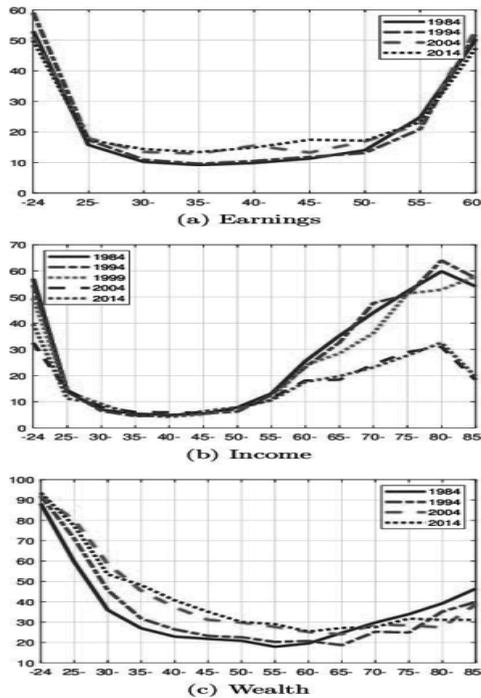
Следует отметить, что первичный доход пенсионеров старше 65 лет по понятным причинам существенно сокращается (Япония здесь не является исключением, но исключительные темпы постарения населения, безусловно, выделяют особую для нее роль этого фактора). Средний показатель дохода семей, состоящих из лиц старше 65 лет, составил в 2018 г. около 1 млн иен по сравнению с 4,29 млн иен для семей в среднем по стране⁷.

⁵ Countries by Median Age 2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/median-age/>

⁶ Дзинко суйкэй 2020нэн 5гацу-хо (Оценка численности населения Японии, 05.2020. Статистическое бюро Японии) [Электронный ресурс] <https://www.stat.go.jp/data/jinsui/pdf/202005.pdf>

⁷ Japan's household income gap down slightly but remains near record level, 2017 survey finds. The Japan Times. 07.09.2019. <https://www.japan-times.co.jp/news/2019/09/07/national/japans-household-income-gap-remains-near-record-level-2017-survey-finds/#.XkkWFGzYuV>

Рисунок П-4.3. Относительная доля бедности в зависимости от возраста (процент домохозяйств ниже уровня бедности к общему их количеству)

Источник: Kitao Sagiri, Yamada Tomoaki. Dimensions of Inequality in Japan: Distributions of Earnings, Income and Wealth between 1984 and 2014. CAMA Working Paper. 2019. No.36. https://crawford.anu.edu.au/sites/default/files/publication/cama_crawford_anu_edu_au/2019-06/36_2019_kitao_yamada.pdf. P.94.

Примечания:

- (a) Earnings – Первичные доходы
- (b) Income – Располагаемые доходы
- (c) Wealth – Накопленное богатство

Как видно графика показателей относительной бедности, после 65 лет доля бедных существенно возрастает, что по мере старения населения неизбежно приводит к усилению имущественного неравенства на общенациональном уровне (см. рис. П-4.3).

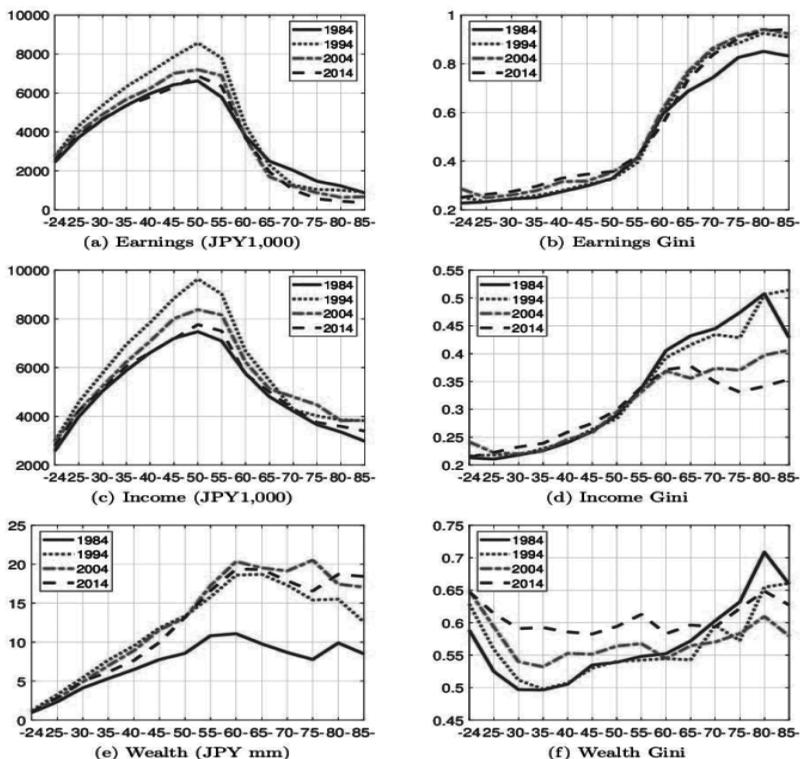
Тот же тренд, а именно – рост имущественного неравенства среди старших возрастов – заметно проявляется и при использовании показателя индекса Джини, как по первичным, так и по располагаемым доходам (рис. П-4.4). Следует признать, впрочем, что по индексу Джини по накопленному богатству ситуация по понятным причинам не столь серьезная, так как после выхода на пенсию у людей остается накопленная за всю их жизнь собственность, в том числе недвижимость. Примечательно также, что в Японии показатели неравенства по располагаемым доходам среди получателей пенсии по возрасту выше, чем во многих других странах Запада, где пожилыми людьми активнее используются доходы негосударственных пенсионных фондов и иных долгосрочных инвестиций, сделанных в ходе активной трудовой деятельности.

Существенным фактором обострения проблемы имущественного неравенства в Японии являются *изменения в системе найма*. Как и в других странах мира, диверсификация форм занятости неизбежно приводит к усилению стратификации самостоятельного населения по доходам. Активное внедрение рыночных принципов в систему корпоративного управления привело к постепенному внедрению рыночных элементов в систему оплаты труда для постоянных работников и отходу от ориентации на принципы оплаты по старшинству, а также к сокращению доли постоянного найма и увеличению доли непостоянных работников (работающих по временному контракту, на условиях почасовой или сдельной оплаты труда и т.д.).

Среди различных категорий наемных работников всегда имеются различия в уровне оплаты труда, что неизбежно сказывается и на показателях социального неравенства. В период 1970-1980-х гг. именно этот фактор, как представляется, был определяющим при объяснении причин социального неравенства: компании предпочитали тратить наиболее значительную часть фонда оплаты труда на работников предпенсионного возраста работников, поддерживая тем самым принципы пожизненного найма и оплаты по старшинству. Особенность традиционной японской системы менеджмента заключается в том, что перед выходом в отставку работник получает максимальный за свою жизнь уровень зарплаты,

тогда как, например, в США после 54 лет заработная плата растет лишь незначительно⁸.

Рисунок П-4.4. Коэффициент Джини по отдельным семьям в динамике жизненного цикла в 1984-2014 гг.

Источник: Kitao Sagiri, Yamada Tomoaki. Dimensions of Inequality in Japan: Distributions of Earnings, Income and Wealth between 1984 and 2014. CAMA Working Paper. 2019. No.36. https://crawford.anu.edu.au/sites/default/files/publication/cama_crawford_anu_edu_au/2019-06/36_2019_kitao_yamada.pdf. P.85.

⁸ Aizawa, Toshiaki; Dekle, Robert; Helble, Matthias . Sources of income inequality: A comparison of Japan and the United States Working Paper. ADBI Working Paper, No. 663. Asian Development Bank Institute (ADBI), Tokyo, 2017. P.9. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/163162/1/881174378.pdf>

Примечания:

- (a) Earnings – Первичные доходы (тыс. иен)
- (b) Earnings Gini – Индекс Джини по первичным доходам
- (c) Income – Располагаемые доходы (тыс. иен)
- (d) Income Gini – Индекс Джини по располагаемым доходам
- (e) Wealth – Накопленное богатство
- (f) Wealth Gini – Индекс Джини по накопленному богатству

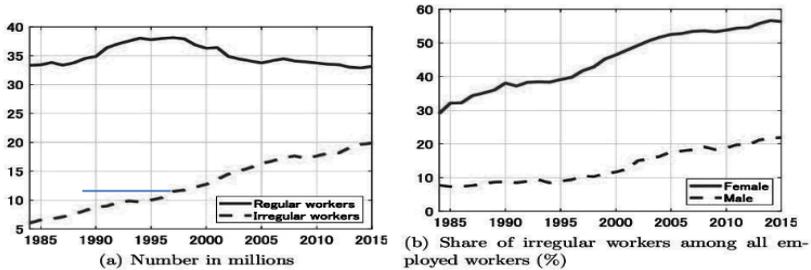
Однако в результате структурных реформ первой половины 2000-х гг. эти принципы перестают действовать в полной мере. В силу внедрения рыночных механизмов и глобализационных трендов в систему найма наиболее высокооплачиваемые работники старших возрастов стали раньше уходить на пенсию и довольствоваться более низкой зарплатой, что в свою очередь вело к сокращению показателей социального неравенства между отдельными возрастными категориями работающих. Примечательно, что структурные реформы в этом контексте ударили в первую очередь по многочисленному послевоенному поколению т.н. бэби-бумеров – лиц, родившихся в конце 1940-х – 1950-е гг. (*данкон сэдай*): именно они лишились существенной прибавки к зарплате перед уходом на пенсию. Сократилась и разница по располагаемым доходам между наиболее высокооплачиваемыми и наименее высокооплачиваемыми работниками корпораций: достигнув к 1999 г. уровня 4,85, она в результате «структурных реформ» резко снизилась, составляя в 2010-е гг. примерно 4,5⁹.

В условиях продолжительной рецессии, начавшейся в конце 1990-х гг., многие японские фирмы сократили найм на постоянную работу, который традиционно черпается из выпускников университетов. Одновременно стали больше нанимать работников на неполный рабочий день или по временному контракту, что привело к увеличению неравенства доходов, так как

⁹ Хонгава Ютака. Нихон-дэ ва сётоку какуса мо хинкон исики мо какудайсите инай кэтгэйгэки дэта (Данные, подтверждающие отсутствие в Японии роста неравенства в доходах и ощущения бедности). Diamond online. 28.09.2016. <https://diamond.jp/articles/-/103116>

временные работники имеют существенно более низкий уровень оплаты труда (см. рис. П-4.5).

Рисунок П-4.5. Количество постоянных и непостоянных работников и доля непостоянного найма

Источник: Kitao Sagiri, Yamada Tomoaki. Dimensions of Inequality in Japan: Distributions of Earnings, Income and Wealth between 1984 and 2014. CAMA Working Paper. 2019. No.36. https://crawford.anu.edu.au/sites/default/files/publication/cama_crawford_anu_edu_au/2019-06/36_2019_kitao_yamada.pdf. P.73.

Примечания:

- (a) Number in millions – Количество непостоянных работников (млн чел.)
- (b) Share of irregular workers among all employed workers – Доля непостоянных работников в общем количестве занятых (%)
- Regular workers – Постоянные работники (млн чел.)
- Irregular workers – Непостоянные работники (млн чел.)
- Female – Доля женщин среди непостоянных работников (%)
- Male – Доля мужчин среди непостоянных работников (%)

Непостоянные работники, общая доля которых в структуре найма достигает 40%, имеют существенно меньший гарантированный уровень оплаты труда и гораздо худшие условия социального страхования. Например, проведенный в 2015 г. опрос министерства труда и социального благосостояния опрос показал, что непостоянные работники, как правило, недовольны своей зарплатой, отсутствием профессиональной подготовки и образования, дополнительными льготами и условиями найма. Большинство непостоянных работников по сравнению с постоянными работниками лишены или имеют ограниченный доступ к корпоративным схемам социального страхования и ряду других механизмов социальной защиты. Согласно опросу, только 67,7% непостоянных работников были охвачены страхованием по безработице (по сравнению

с 92,5% постоянных работников), 54,7% непостоянных против 99,3% постоянных – национальным медицинским страхованием, 52% против 99,1% – национальным пенсионным страхованием, 9,6% против 80,6% получали выходные пособия, 31% против 86,1% – бонусы к зарплате¹⁰.

Примечательно и то, что разница между постоянными и непостоянными работниками наблюдается не только по уровню заработной платы, но и по уровню пенсионного обеспечения. Так, средняя сумма пенсии постоянных работников в стране составляет более 154 тыс. иен, непостоянных – лишь 64 тыс. иен в месяц¹¹. Это связано не только с разницей в заработной плате, но и в отсутствии у непостоянных работников доступа к корпоративной пенсионной системе.

Например, на сайте рекрутингового агентства Willof помещены расчеты, согласно которым постоянный работник при средней зарплате в 321 тыс. иен, которую он получал в течение 35 лет, и его подключении к национальной и корпоративной пенсионной системе, получит пенсию 125 тыс. иен в месяц. В то же время ежемесячная пенсия непостоянного работника при полном стаже составит всего 65 тыс. иен в месяц¹², что для Японии является явно недостаточной суммой для удовлетворения минимальных потребностей.

Таким образом, фактор социально-экономической дискриминации непостоянной рабочей силы стал постепенно основной причиной социального неравенства в стране, вытесняя факторы, связанные со специфической системой менеджмента.

¹⁰Plight of irregular workers. The Japan Times. 05.01.2016. <https://www.japan-times.co.jp/opinion/2016/01/05/editorials/plight-of-irregular-workers/#.Xtfo9jzYUv>

¹¹ Нихон-но хинконсо-но тэйги то ва? Сётоку-но какуса-га синкоку (Каково определение бедности в Японии? Обострение проблемы различий в доходах. Gooddo. 28.10.2019. https://gooddo.jp/magazine/poverty/asia_poverty/japan_poverty/4455/

¹² Хатараку хито-но якудати дзёхо (Полезная информация для работающих) <https://willof.jp/column/knowledge/dispatch-useful-information/1946/>

Острой формой социального неравенства стала обострившаяся с начала 2000-х гг. проблема детской бедности. Она проявляется в том, что значительное число детей в Японии относится к семьям с низкими доходами, и в первую очередь к тем из них, где родители работают на условиях непостоянной занятости, а также к семьям с одним родителем. Согласно обследованию ЮНИСЕФ за 2016 г., 15,8% детей попадали в категорию «бедных», а Япония по этому показателю занимала 15 место с конца из 44 обследованных стран ОЭСР¹³.

При этом стигматизация бедности (т.е. моральный дискомфорт, который испытывают носители ярлыка «бедного», не желающие признавать за собой этот статус, даже если они относятся к нему по формальным критериям) не позволяет многим семьям с детьми обращаться к государству за целевой помощью, даже имея на это право. В результате из 3,5 миллионов детей, имеющих право на государственную поддержку, получают ее только 200 тыс.¹⁴. Бедность является также фактором снижения рождаемости. Например, в 2018 г. в Японии было сделано 161741 абортов¹⁵, причем подавляющее большинство делается именно по экономическим причинам.

Еще одним фактором имущественного неравенства в Японии является *гендерное неравенство*. В противоположность традиции ухода женщин с работы после замужества с целью посвятить себя семье и воспитанию детей, в постбиполярный период наблюдается значительное увеличение доли домашних хозяйств, в

¹³ What Worries Japan. Briefing Japan.

https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2019-02/japan_briefing_what_worries_japan_web.pdf. P.2

¹⁴ What Worries Japan. Briefing Japan.

https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2019-02/japan_briefing_what_worries_japan_web.pdf. P.2

¹⁵ Хэйсэй 30нэндо эйсэй гёсэй хококурэй-но дзёкё (Доклад Министерства здравоохранения о состоянии общественной гигиены).

https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/eisei_houkoku/18/dl/gaikyo.pdf

которых супруга главы семьи продолжает сохранять свою занятость, либо вновь поступает на работу. Причина этого заключается в нестабильности или недостаточным уровне заработка главы семьи для ее содержания, а также в нехватке рабочей силы в стране на фоне снижения рождаемости и старения населения, которая позволяет женщинам подбирать для себя наиболее оптимальную форму занятости. В результате доля женщин в структуре найма в последние три десятилетия стабильно увеличивалась во всех возрастных группах. Однако большинство работающих женщин, составляющих около 12 миллионов человек, имеют непостоянную форму найма, получая существенно меньшую зарплату, чем мужчины, работающие на постоянной основе. По данным Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии, более 40% женщин, работающих неполный рабочий день, зарабатывают менее 1 млн иен в год¹⁶, что в несколько раз меньше средней зарплаты постоянного работника. Особую уязвимость для этой категории работников создают отсутствие льгот и гарантий занятости, а также возможностей для продвижения по службе, являющихся атрибутом системы постоянной занятости в Японии. Положение становится особенно тяжелым, если у таких женщин отсутствует партнер, с которым можно было бы разделить расходы.

Проблема гендерного неравенства, таким образом, тесно связана с проблемой дискриминации непостоянных работников, среди которых основную часть составляют женщины.

Еще одно проявление проблемы социального неравенства - сильное материальное неблагополучие матерей-одиночек. Если во всех японских домохозяйствах среднегодовой доход до уплаты налогов и социальных пособий составлял в 2016 г. 4,29 млн иен, то в домохозяйствах с матерью-одиночкой он составил 2,37 мл иен¹⁷.

¹⁶ Japanese women face a future of poverty, as confluence of factors conspire against them. The Japan Times. 12.01.2020. <https://www.japan-times.co.jp/news/2020/01/12/national/social-issues/japan-women-workforce-poverty-aging-birthrate/#.XtdWfTozYuU>

¹⁷ Japan's household income gap down slightly but remains near record level, 2017 survey find. The Japan Times. 07.09.2019.

Большую роль в обострении проблемы социального неравенства сыграли проводившиеся в первой половине 2000-х гг. структурные реформы кабинетов Дз. Коидзуми, которые подорвали относительную социальную стабильность японского общества и привели к появлению проблемы социального расслоения (*какуса мондай*). «Общество социального неравенства» (*какуса сякай*) в выступлениях общественных деятелей и ученых стало противопоставляться «обществу среднего класса» (*тюрю сякай*).

Говоря более конкретно, в результате структурных реформ в стране произошло существенное повышение уровня бедности. В соответствии с методикой расчета относительного уровня бедности, опубликованной Министерством здравоохранения, труда и социального обеспечения, к категории «бедных» относятся домохозяйства, которые имеют менее половины медианного эквивалентного располагаемого дохода. По состоянию на 2015 г., средний располагаемый годовой доход физических лиц составлял в стране 2,45 млн иен (более 22 тыс. долл. по текущему курсу), а домохозяйства с располагаемым доходом менее 1,22 млн иен, или около 11 тыс. долл. (сумма дохода минус налоги и расходы на социальное обеспечение и т. д.), относились к категории «бедных».

Доля относительной бедности в 2003 г. составляла 14,9%, но к 2011 г. она возросла до 16,1%. В 2015 г. показатель немного снизился, но, тем не менее, составил более 15%¹⁸. Это означает, что за чертой бедности в настоящее время находится каждый шестой японец.

Обеспокоенность проблемой бедности нашла отражения в социологических опросах, где она постепенно заняла первое место в списке проблем, вызывающих наибольшую тревогу (см. рис. П-4.6).

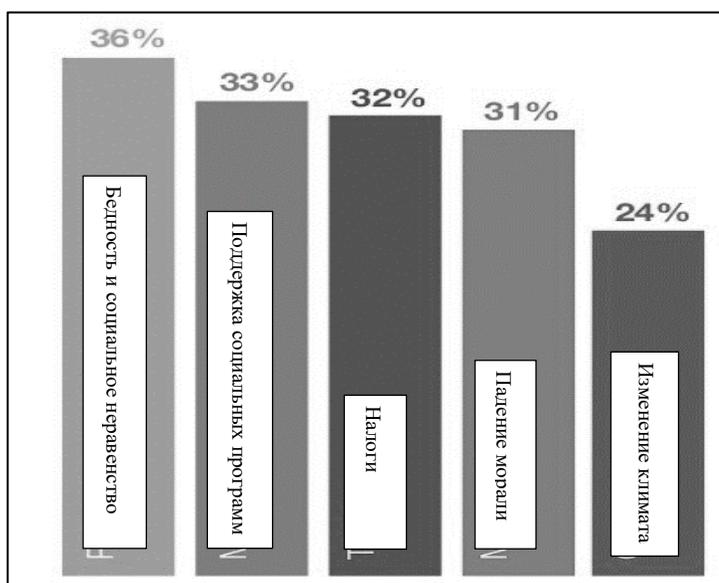
<https://www.japantimes.co.jp/news/2019/09/07/national/japans-household-income-gap-remains-near-record-level-2017-survey-finds/#.XkkWFGgzYuV>

¹⁸Нихон-но хинконсо-но тэйги то ва? Сётоку-но какуса-га синкоку (Каково определение бедности в Японии? Обострение проблемы различий в доходах. Gooddo. 28.10.2019.

https://gooddo.jp/magazine/poverty/asia_poverty/japan_poverty/4455/

Хотя подавляющее большинство японцев в опросах общественного мнения по-прежнему относит себя к «среднему классу», в ходе опросов очевидным стало массовое ощущение недовольства уровнем оплаты труда. Например, в ходе опроса NHK проведенного в 2019 г., уровнем своего дохода остались полностью довольны лишь 7,4% опрошенных, «в целом удовлетворены» – 44,9%, тогда как полностью или частично неудовлетворёнными остались соответственно 11,6 и 34,0%¹⁹.

Рисунок П-4.6. Проблемы, вызывающие среди жителей Японии наибольшее беспокойство (социологический опрос, 2018 г.)

Источник: What Worries Japan. Briefing Japan. https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2019-02/japan_briefing_what_worries_japan_web.pdf. P.2

¹⁹Кокумин сэйкацу-ни кансуру сэрон тэса (Опрос общественного мнения относительно жизни народа). Канцелярия кабинета министров. Июнь 2019 г. https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/3_chosahyo.html

Справедливости ради следует признать, что усиление неравенства в доходах населения осознается правительством в качестве серьезной социально-экономической проблемы, которую следует решать методами налогово-финансовой политики. За счет мер налогового регулирования и целевого финансирования социальных программ власти на протяжении многих лет проводят курс на сокращение наиболее сильных различий в располагаемых доходах между различными категориями населения. Важным показателем эффективности этой политики является процент перераспределения, отражающий относительную разницу индексов Джини по первичным и по располагаемым доходам. Этот показатель постоянно увеличивается: если в 1999 г. он составлял 19,2%, то в 2011 г. – 31,5%, в 2014 г. – 34,1%, в 2017 г. – 33,5%²⁰. Основной вклад в «исправление» индекса Джини вносят меры социальной помощи (30,1%), остальное приходится на налоговую политику²¹.

Как видно из рисунка П-4.7, в 2017 г. в результате перераспределения сократилась доля семей с годовым доходом до 1 млн иен и более 10 млн иен (на графике линия сокращения обозначена стрелкой), тогда как доля семей со «срединными» доходами, наоборот увеличилась.

Проблема с перераспределенческой политикой для Японии заключается в том, что различные налоги и отчисления на социальное страхование в Японии оказываются существенно более болезненными для семей с низкими доходами, чем в других странах. Это связано с тем, что, в отличие от многих стран Запада (США, Австралии, Великобритании), в Японии применяется плоская шкала налогообложения, и семьи с низкими доходами, также как

²⁰Нихон-но хинконсо-но тэйги то ва? Сётоку-но какуса-га синкоку (Каково определение бедности в Японии? Обострение проблемы различий в доходах. Gooddo. 28.10.2019. https://gooddo.jp/magazine/poverty/asia_poverty/japan_poverty/4455/

²¹Хэйсэй 29нэн сётоку сайхайбун тёса хококусё (Доклад 2017 г. Министерства здравоохранения о перераспределении доходов). <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf> С. 7

и все прочие домохозяйства, помимо подоходного налога, должны заплатить фиксированную сумму выплат медицинской, пенсионной страховок и страховки на уход за лежачими больными.

В результате бедные слои общества вынуждены изымать на оплату страховок существенно большую долю своего дохода, чем представители среднего класса. Между тем в силу особенностей налоговой системы, а именно – сознательного отказа от высоких ставок подоходных налогов и упора на корпоративные налоги, Япония по сравнению с другими развитыми странами не располагает стабильными источниками фондов для социальной поддержки низкодоходных слоев населения, что неизбежно сказывается на их материальном положении²².

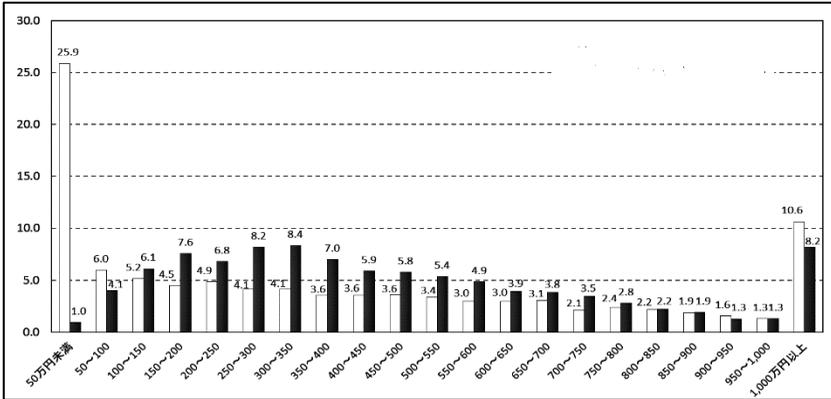
Можно прогнозировать увеличение с течением времени разрыва в доходах различных возрастных категорий населения в связи с ростом числа пенсионеров, живущих исключительно на пенсионные доходы. Для решения этих вопросов на политическом уровне обсуждается важность перераспределения через налог на доходы физических лиц и налог на имущество.

Проблема социального неравенства дает пищу для нового дискурса по вопросу о социальной стратификации японского общества, которое все активнее отдалается от стереотипизированной модели «среднего класса», ставшей одним из зримых результатов успеха японской экономической модели. Уже достаточно давно даже в рамках «среднего класса» социологи выделяют различные подклассы, включая «нижний средний класс», «средний средний класс» и «высокий средний класс». В последние годы все более активное звучание приобретают теории дифференцированного классового общества, в котором категориальный аппарат теории

²² Сётоку сайхайбун-дэ надзэ сара-ни мадзусику нару но ка. Нивано хэйва дзайдан кокай симпозиуму «Какуса-о коэтэ» «Почему перераспределение только усиливает бедность?» Данные открытого симпозиума Фонда мира Нивано «Преодолевая расслоение общества» <https://shimbun.kosei-shuppan.co.jp/tokusyu/5151/>

«среднего класса» либо не используется вообще, либо находит только ограниченное применение.

Рисунок П-4.7. Изменение доли семей по категориям доходов после перераспределения (выплаты налогов и получения социальных выплат), 2017 г.

Источник: Хэйсэй 29-нэн сётоку сайхайбун тёса хококусё (Доклад 2017 г. Министерства здравоохранения о перераспределении доходов). <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf> С.3

Этому способствует и изменение классового сознания японцев, которое в последние годы все больше основывается на их самоидентификации по критериям, скорее, не уровня доходов, а образования, семейного статуса, форме найма (постоянный или непостоянный) и т.д.²³

В качестве примера можно привести теорию «нового классового общества», выдвинутую социологом Кэндзи Хасимото²⁴. По его мнению, в современной Японии наблюдается усиление классовой дифференциации общества, в основе которого лежат

²³ Sudo Naoki. Why Do the Japanese Still See Themselves as Middle Class? The Impact of Socio-structural Changes on Status Identification. Social Science Japan Journal. Volume 22, Issue 1. Winter 2019. P. 25–44. <https://doi.org/10.1093/ssj/jyy047>

²⁴ Хасимото Кэндзи. Син нихон-но кайкю сьякai (Новое классовое общество Японии). Токио: Коданся гэндай синсё, 2018.

различия в доходах, образе жизни, самосознании и т.д.²⁵. Население К. Хасимото делит на пять классов. *Класс предпринимателей*, по его мнению, включает бизнесменов, собственников собственных компаний, имеющих не менее пяти человек наемных работников. Его численность составляет около 2,5 миллиона человек, или около 4,1% трудоспособного населения, а средний годовой доход составляет более 6 млн иен. *Новый средний класс* насчитывает 12,85 млн чел. (около 20,6% трудоспособного населения) и включает в себя людей, занятых в администрации предприятий, инженерно-технической сфере и высшем образовании. Их средний годовой доход составляет чуть меньше 5 млн иен. Затем идет наиболее многочисленный *класс наемной рабочей силы*, составляющий около 22 млн чел., или около 35% самодеятельного населения. Затем следует *класс самозанятых, или традиционный «средний класс»* (около 8 млн чел.). Ниже всего в этой социальной лестнице стоит *класс непостоянных работников*, составляющих около 9,3 млн чел., или около 15% самодеятельного населения. Данный класс, который К. Хасимото причисляет к «нижнему классу» (*underclass*), существенно вырос в последние годы по мере увеличения доли непостоянных работников в общей структуре найма, составляя наиболее болезненную точку в проблеме социального неравенства. Представители «нижнего класса» в Японии имеют доход на уровне около 40% среднего по стране, тогда как в развитых странах Европы доход лиц, причисляемых к «нижнему классу», составляет от 60 до 70% от среднего дохода.

Именно эта категория оказывается в японском обществе в наиболее бедственном положении, будучи неспособной создать семью и завести детей по причине нестабильности своего материального положения. В возрастном отношении к этой когорте относятся в первую очередь представители «потерянного поколения», которые в 1990-е гг. окончили университеты и не смогли

²⁵ Хасимото Кэндзи. Син нихон-но кайкю сьякай (Новое классовое общество Японии). Токио: Коданся гэндай синсё, 2018. С.12.

устроиться на работу на условиях постоянного найма, что отнесло их в категорию «изгоев», так как второго такого шанса японская система найма не предоставляет. В настоящее время это работники в основном от 40 до 50 лет – их иногда называют «младшими бэби-бумерами», поскольку они являются детьми поколения бэби-бума.

Сложное положение этой когорты породило так называемую «проблему 70-40»: 40-летние холостяки вынуждены жить со своими 70-летними родителями, питаясь за счет их пенсий. Особенно такая ситуация распространена среди одиноких женщин, многие из которых традиционно поступают на непостоянные виды офисной работы, а в настоящее время лишены такой возможности, так как подходящие для них должности заняты 40-летними мужчинами – представителями «потерянного поколения». По опросам общественного мнения, 66,8% одиноких женщин в возрасте 40-50 лет, живущих со своими родителями, зависят от них в материальном отношении, и только 26,6% живут за счет собственных заработков. При этом они не считаются бедными, так как официальная статистика ведет подсчет доходов по домохозяйствам, а не по отдельным лицам. Это приводит к парадоксальной ситуации, когда 40-летний иждивенец учитывается официальной статистикой в той же категории, что и 10-летний иждивенец²⁶. В этих условиях проблема заключается в том, что после смерти родителей такие экономически несамостоятельные холостяки оказываются в полном смысле слова в бедственном положении и не могут выжить без государственной помощи.

Таким образом, проблема социального неравенства проявляет себя в Японии в полной мере как следствие нерешенности (а часто и принципиальной нерешаемости) целого комплекса социально-экономических, управленческих и культурно-нравственных проблем. Главная из этих проблем заключается в том, что традиционная система найма и оплаты труда оказалась недостаточно

²⁶ Poverty in Japan: Underclass struggles to achieve upward mobility. The Japan Times. 13.07.2018. <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/07/13/business/poverty-japan-underclass-struggles-achieve-upward-mobility/#.XtdyYDozYuV>

жизнеспособной перед вызовами глобализации, и корпорации решают вопросы своего выживания в новых условиях за счет непостоянных работников, которых особенно много среди «потерянного поколения» и женщин. Мер государственной политики социальной защиты для решения этой проблемы пока оказывается явно недостаточно.

§2.5. Индикаторы социального расслоения в Японии

До начала 1990-х гг. Япония отличалась весьма высокой степенью социального равенства в плане стартовых возможностей и уровня доходов различных слоев населения. Большинство семей имели примерно одинаковый уровень благосостояния, ориентировались на одну и ту же систему ценностей (уважение к труду, высокий престиж образования, ценность работы на условиях пожизненного найма, поддержка пожилых родителей, приоритет групповых интересов и т.д.) и вели схожий образ жизни. Однако с начала 1990-х гг. японская экономика погрузилась в глубокую депрессию, которая продолжалась более двух десятилетий и сильно осложнила экономическую ситуацию в стране. На экономические неурядицы наложились неблагоприятные демографические изменения, а именно быстрое старение населения и снижение рождаемости. Кроме того, под влиянием как субъективных, так и объективных факторов происходила все большая диверсификация жизненных стилей и ценностных ориентиров японцев, прежде всего, молодежи. Все это привело к заметным изменениям в японском обществе: начались процессы социального расслоения населения не только по уровню доходов, но и по всем составляющим понятия «образ жизни».

В данной работе мы рассмотрим вопрос о том, насколько далеко зашли процессы расслоения населения в плане распределения доходов. В этой связи, прежде всего, следует отметить, что, несмотря на два «потерянных десятилетия» уровень жизни населения Японии за последнюю четверть века заметно повысился, и она по-прежнему входит в группу наиболее богатых государств мира. Как показывают данные табл. II-5.1, за период 1990–2018 гг. валовой национальный доход на душу населения по обменному курсу возрос почти в полтора раза, а по паритету покупательной

способности (ППС) – в 2,3 раза¹. Это означает, что процессы рас-
слоения по доходам происходят в условиях повышения уровня
жизни, что, безусловно, сглаживает их остроту и смягчает негатив-
ные социальные последствия.

Таблица П-5.1. Валовой национальный доход Японии
(по обменному курсу и по ППС)

	1990	2000	2010	2018
Валовой националь- ный доход (по об- менному курсу, млрд долл.)	3440,8	4595,2	5562,9	5226,6
Валовой националь- ный доход на душу населения (по об- менному курсу, тыс. долл.)	27,850	36,230	43,443	41,310
Валовой националь- ный доход (по ППС, млрд долл.)	2423,3	3453,0	4598,8	5615,7
Валовой националь- ный доход на душу населения (по ППС, тыс. долл.)	19,620	27,220	35,900	44,380

Источник: World Development Indicators. Japan. The World Bank.
<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD?view=chart> (дата обра-
щения: 2.02.2020).

Как известно, показателем, который позволяет достаточно
объективно судить о том, насколько велика дифференциация до-
ходов среди различных групп населения, служит коэффициент
Джини. Он показывает степень отклонения фактического распре-
деления доходов от теоретически абсолютно равного их распреде-
ления (чем он выше, т.е. чем ближе к 1, тем выше и расслоение).

¹Различия в динамике этих показателей отражают влияние дефляции, которая
началась в японской экономике в конце 1990-х гг. и продолжалась вплоть до по-
следних лет.

О том, как обстояли дела в этой области в Японии, дают представление приводимые ниже данные (см. табл. II-5.2).

Таблица II-5.2. Динамика коэффициента Джини

	1965	1996	1999	2002	2005	2008	2011	2014	2016
По первичным доходам	–	0,376	0,408	0,419	0,435	0,454	0,470	0,482	–
По доходам после перераспределения	0,300	0,310	0,333	0,322	0,323	0,319	0,316	0,308	0,330
Степень снижения коэффициента за счет перераспределения доходов (%), в том числе:									
за счет системы социального страхования (%)	–	13,7	15,3	19,9	22,8	26,2	28,6	–	–
а за счет системы налогообложения (%)	–	4,7	3,7	4,3	4,1	4,7	5,8	–	–

Источник: Токэй дэ миру Нихон (Япония через призму статистики). Т. 2008. С. 63; Labor Situation in Japan and Its Analysis 2015/2016. P.189. Japan Institute for Labour Policy and Training. <http://www.jilpt.go.jp/>; Косэй родо хакусё 2017 (Белая книга по здравоохранению, труду и благосостоянию 2017). С. 59. Министерство здравоохранения, труда и благосостояния. <http://www.mhlw.go.jp/>; OECD . <http://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm> (дата обращения: 12.12.2018).

Недопущение усиления расслоения населения по располагаемым доходам важно как в экономическом плане, так и с точки зрения сохранения социальной стабильности. Как отмечают авторы «Белой книги по здравоохранению, труду и благосостоянию», последние исследования специалистов ОЭСР и МВФ показывают, что усиление расслоения населения по доходам после перераспределения отрицательно влияет на экономический рост, поскольку ограничивает инвестиции в человеческий капитал в

семьях, относящихся к получателям низших доходов². Одновременно в обществе нарастает недовольство властями, усиливается ощущение несправедливости существующего общественного устройства, что чревато подрывом социально-политической стабильности.

Свою перераспределительную функцию государство осуществляет через систему социального обеспечения и систему налогообложения, при этом ведущую роль играет первая из них.

Основным ее элементом в настоящее время является пенсионная система, на которую приходится около половины всех расходов на социальное обеспечение. В Японии существуют три схемы пенсионного страхования: для работников частных предприятий (пенсия благосостояния – *косэй нэнкин*), для государственных служащих и работников частных школ и университетов (пенсии ассоциаций взаимопомощи – *кёсай кумиай*) и для остальных граждан, не попадающих под первые две схемы (национальная пенсия – *кокумин нэнкин*). Между этими тремя схемами существуют заметные различия и в условиях страхования, и в размерах пенсий, и в плане соотношения между числом подписчиков и получателей пенсий. Не вдаваясь в детали, отметим лишь те механизмы, через которые происходит перераспределение средств в пользу наименее обеспеченных граждан.

Во-первых, в то время как в системах *косэй нэнкин* и *кёсай кумиай* пенсии покрываются целиком за счет взносов самих застрахованных, в системе *кокумин нэнкин* половину расходов на ее выплату берет на себя государство. Социальная значимость этого механизма заключается в том, что пенсия *кокумин нэнкин* является основным источником дохода в старости для наименее обеспеченных слоев населения, составляющих основную часть ее подписчиков. Во-вторых, определенным категориям подписчиков *кокумин нэнкин* предоставляется право частичного или полного

²Косэй родо хакусё 2017 (Белая книга по здравоохранению, труду и благосостоянию 2017). С. 32. Ministry of Health, labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/17> (дата обращения 10.02. 2020).

освобождения от уплаты взносов, но при этом право на получение пенсии за ними сохраняется.

В еще большей степени функцию перераспределения финансовой нагрузки в пользу наименее защищенных слоев населения выполняет система медицинского страхования. Она состоит из нескольких звеньев, но по способам страхования ее можно разделить на две группы: 1) страхование по месту работы или в привязке к профессии и 2) страхование по месту жительства через муниципалитеты. Под первую схему подпадают все лица, работающие по найму, а также члены их семей, а под вторую – все прочие категории граждан (фермеры, самозанятые, пенсионеры, студенты).

Функцию перераспределения доходов в рамках системы медицинского страхования и медицинского обслуживания обеспечивают следующие механизмы.

Во-первых, учет уровня дохода и материального положения застрахованных при определении величины страховых взносов. Так, в системах страхования, привязанных к месту работы или виду профессии, взносы зависят от уровня дохода. А в системе страхования здоровья по месту жительства, где застрахованы наименее обеспеченные граждане, взносы состоят из двух частей – фиксированной части, одинаковой для всех домохозяйств, и части, рассчитываемой муниципалитетами с учетом уровня доходов, объема активов, состава семьи, т.е. разной для разных домохозяйств.

Во-вторых, перераспределение финансовых ресурсов между различными системами страхования. С 1983 г. осуществляется перевод средств из более благополучных систем (привязанных к страхованию по месту работы или виду профессии) в менее благополучные (привязанные к страхованию по месту жительства).

В-третьих, солидарная поддержка наиболее уязвимых слоев населения. Хотя для всех схем страхования установлена одинаковая доля страховых выплат в покрытии расходов граждан на медицинские услуги (70%), сделаны исключения для

определенных категорий. Так, для лиц старше 70 лет и детей в возрасте до 15 лет эта планка повышается до 80%, а для граждан старше 75 лет – до 90%. При этом граждане с высокими доходами независимо от возраста оплачивают услуги по обычной схеме (30% от их стоимости), а для граждан с низкими доходами, напротив, предусмотрены разного рода льготы вплоть до освобождения от уплаты взносов при сохранении права доступа к медицинским услугам³.

Еще одним каналом перераспределения доходов через систему социального обеспечения является оказание государством материальной помощи наиболее уязвимым категориям граждан. С середины 1990-х годов объем средств, направляемых на эти цели, стал довольно быстро возрастать (в связи с расширением круга лиц, имеющих право на получение этой помощи, и повышением размеров самих пособий). И хотя по объему расходы на материальную поддержку граждан уступают расходам на пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание, они являются прямой и немалой нагрузкой на государственный бюджет, поскольку не предусматривают хотя бы частичного возмещения за счет страховых взносов (за исключением услуг по долговременному уходу, о которых речь пойдет ниже). Основными адресатами этой помощи являются пожилые граждане и семьи с детьми. В последние годы на оказание материальной поддержки пожилым гражданам направлялось порядка 60% общей суммы расходов по этой статье, а на поддержку семей с детьми – около 40%⁴.

Особо следует сказать о системе услуг по долговременному уходу, которая статистикой учитывается как один из видов материальной поддержки. Она начала функционировать с 2000 г.

³Annual Health, Labour and Welfare Report 2017.P. 28. Ministry of Health, Labor and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/english/wp/wp-hw11/dl/10e.pdf> (дата обращения: 4.02.2020).

⁴Handbook of Health and Welfare Statistics 2017.Table 6-6, 6-7. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hh/6-1.html> (дата обращения: 4.02. 2020).

и предусматривает оказание услуг по долговременному уходу лицам в возрасте старше 75 лет, страдающим деменцией или прикованным к постели, а также лицам в возрасте от 65 до 74 лет с определенными заболеваниями. О важности этой системы говорит тот факт, что в последние годы эти услуги получали более 5,5 млн человек. В организации ее финансирования ярко проявляется принцип солидарной поддержки обществом уязвимых слоев населения: так, половину расходов на эти цели берет на себя государство (25% – центральное правительство, 25% – префектурные и муниципальные власти), а другая половина покрывается взносами, которые обязаны уплачивать все граждане страны старше 40 лет. Причем основная их часть приходится на долю работающих граждан (в возрасте от 40 до 64 лет), которые отчисляют на поддержание этой системы в среднем около 1,5% от суммы заработной платы и бонусов⁵.

Что касается системы налогообложения, то главными инструментами выравнивания доходов являются прогрессивная шкала налогообложения доходов физических лиц, а также дифференцированные ставки налога на наследство. Так, до 2007 г. ставки налога на доходы физических лиц составляли 10% для лиц с наименьшими доходами и 37% для получателей наивысших доходов. В 2007 г. они были дифференцированы в еще большей степени: для получателей низших доходов (менее 1 млн 950 тыс. иен в год) они составляют 5%, а для получателей наивысших доходов (более 18 млн иен в год) – 40%. При этом применяются разного рода скидки и вычеты из налогооблагаемой базы на иждивенцев, инвалидов и т.д.⁶.

Что касается налога на наследство, то он дифференцирован в зависимости от величины наследства. Например, в случае

⁵Annual Health, Labour and Welfare Report 2017. P. 236. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/english/wp/wp-hw11/dl/10e.pdf> (дата обращения: 4.02.2020).

⁶Кокудзэйтё токэй нэмпоё. Хэйсэй 26 нэндохан (Статистический ежегодник налогового управления. 2014 фин.г.). Т. 2016. С. 52.

небольших состояний (до 10 млн иен или менее 90 тыс. долл.) налог составляет 10%, при сумме наследства от 10 до 30 млн иен – 15%, от 30 до 50 млн иен – 20% и т.д. А получатели наиболее крупных состояний – более 300 млн иен (порядка 2,7 млн долл.) – выплачивают государству до 50% от стоимости наследуемого имущества⁷.

Очевидно, что столь высокие ставки налога не только служат инструментом перераспределения доходов, но и побуждают наследников к активной деятельности, а не к мотовству и «проеданию» нажитых предыдущими поколениями состояний, поскольку в этом случае уже в третьем-четвертом поколении от полученных богатств мало что остается.

Таким образом, благодаря усилению перераспределительной функции государства Японии пока удастся сдерживать процессы расслоения населения по доходам. Однако неизбежным следствием этих усилий является все большее перенапряжение государственных финансов и нарастание размеров государственного долга. В последние годы расходы на социальную сферу стали поглощать уже порядка 1/3 общих расходов бюджета страны, а отношение объема государственного долга к ВВП (более 200%) является самым высоким в группе высокоразвитых государств⁸.

Если посмотреть на ситуацию с расслоением населения в международном контексте, то окажется, что среди стран «семерки» Япония занимает срединные позиции. Как показывают приводимые ниже данные, по коэффициенту Джини по доходам после перераспределения она находится примерно на одном уровне с Канадой и Италией. Лучшие, чем у нее показатели имеют Франция и Германия, а менее благоприятные – США и Великобритания (см. табл. II-5.3).

⁷Кокудзэйтё токэй нэмпоё. Хэйсэй 26 нэндохан (Статистический ежегодник налогового управления. 2014 фин..г.). Т. 2016. С. 246.

⁸Japan Statistical Yearbook 2020. Table 3-3, 5-7. Statistics Bureau. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/69nenkan/1431-03.html> (дата обращения: 5.02.2020).

Таблица П-5.3. Коэффициент Джини по доходам после перераспределения в странах G7

	Канада	Франция	Германия	Италия	Япония	Велико-британия	США
2015	0,313	0,293	0,289	0,326	0,336	0,360	0,390
2016	0,318	0,295	0,293	0,333	0,330	0,351	0,391
2017	0,31	0,292	0,289	0,334	-	0,357	0,390

Источник: OECD. <http://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm> (дата обращения: 5.02.2020).

Таблица П-5.4. Доля налогов и выплат в систему социального обеспечения в национальном доходе, %

Япония	США	Велико-британия	Германия	Франция	Швеция
42,8	33,1	46,9	53,4	67,2	58,8

Источник: Databook of International Labour Statistics 2019. Table 9-5. Japan Institute for Labour Policy and Training. <https://www.jil.go.jp/english/estatis/databook/2019/09.html> (2.03.2020).

Примечание: По Японии данные за 2016 г. и 2019 г., по другим странам – за 2016 г.

С этими показателями тесно коррелируют данные о величине налогового бремени, т.е. о доле налогов и выплат в систему социального обеспечения в национальном доходе страны: чем выше этот показатель, тем ниже степень расслоения по располагаемым доходам. По этому показателю Япония также занимает срединное положение (см. табл. П-5.4).

Возвращаясь к Японии, следует отметить, что поскольку коэффициент Джини отражает расслоение по доходам в расчете на домохозяйство, при его оценке необходимо учитывать изменения в соотношении между разными типами семей, так как уровень их доходов различен (см. табл. П-5.5).

Анализируя данные таблицы, можно сделать вывод, что повышение в структуре домохозяйств доли семей с доходами ниже средних показателей (состоящих из одного человека, из одного

родителя с детьми, из бездетных супругов) и одновременное снижение доли семей с доходами выше средних (состоящих из родителей с детьми, трех поколений, супружеской пары с родителями) способствовали усилению расслоения японских домохозяйств по доходам.

Таблица П-5.5. Сдвиги в структуре японских домохозяйств и уровень их дохода

Семьи, состоящие из:	Число семей соответствующего типа (тыс.)		Их доля в общем числе семей (%)		Доход семьи в месяц (тыс. иен)
	2000 г.	2015 г.	2000 г.	2015 г.	2015 г.
одного человека	12911	18418	27,5	34,5	255,2
одного родителя и не состоящих в браке детей	3536	4748	7,6	8,9	414,9
супругов без детей	8823	10718	18,9	20,1	499,0
супругов с детьми	14904	14288	31,9	26,8	731,1
из трех поколений	3517	1924	7,5	3,6	877,0
прочие ¹	3091	3236	6,6	6,1	638,1
Всего	46782	53332	100,0	100,0	545,4 (средний)

Источник: Japan Statistical Yearbook 2020. Table 2-14. Statistics Bureau. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/69nenkan/1431-02.html>; Handbook of Health and Welfare Statistics 2017. Table 1-58. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hh/6-1.html> (дата обращения: 6.02.2020).

Примечание: ¹ Прочие типы семей включают в основном семьи, состоящие из супружеской пары и одного или двух родителей.

Эти сдвиги, в свою очередь, произошли под влиянием целого комплекса факторов. Так, быстрое старение населения привело к росту числа домохозяйств, состоящих из одного пожилого

человека – их число возросло с 3 млн 95 тыс. в 2000 г. до 6 млн 59 тыс. в 2015 г., т.е. удвоилось. В то же время наблюдался заметный рост доли не состоящих в браке молодых японок и японцев (см. табл. II-5.6).

Таблица II-5.6. Доля молодых людей, не состоящих в браке, %

Возрастные группы	25–29 лет		30–34 года		35–39 лет	
	1985	2015	1985	2015	1985	2015
Мужчины	60,6	72,7	28,2	47,1	14,2	35,0
Женщины	30,6	61,3	10,4	34,6	6,6	23,9

Источник: Хэйсэй 30 нэмпан сёсика сякай тайсаку хакусё (Белая книга о политике в обществе со снижающейся рождаемостью 2018). С. 13, 23. Cabinet Office. <https://www8.cao.go.jp/shoushi/shoushika/whitepaper/measures/w-2018/30pdfgaiyoh/30gaiyoh.html> (дата обращения: 2.03.2020).

При этом многие молодые люди обоих полов по завершении образования предпочитают жить отдельно от родителей, т.е. организовывать отдельное домохозяйство, что на фоне роста безбрачия среди них также способствовало увеличению общего числа домохозяйств, состоящих из одного человека (получателя одного дохода).

Быстрое старение населения привело также к росту числа и доли домохозяйств, в составе которых есть пожилые люди (старше 65 лет). При этом доля семей, состоящих только из пожилых граждан (одиноких или супружеской пары) поднялась с 8,9% в 1992 г. до 26,2% в 2017 г., а их число – с 3 млн 688 тыс. до 13 млн 233 тыс. Поскольку месячный доход таких семей (318,6 тыс. иен в 2016 г.) составляет лишь 57% от среднего дохода японских семей (560,2 тыс. иен), очевидно, что быстрый рост их числа и доли приводит к усилению расслоения населения по доходам⁹.

⁹Хэйсэй 29 нэн кокумин сэйкацу киси тёса-но гайкё (Результаты базового обследования жизни населения 2018 г.). С. 4, 9. Ministry of Health, Labour and Welfare.

Еще одним фактором, действующим в этом же направлении, стало нарастание масштабов непостоянной занятости, так как в Японии заработная плата непостоянных работников существенно ниже (почти в два раза) зарплаты постоянных работников. Доля семей, главы которых являются непостоянными работниками, постепенно повышается, но пока не превышает 10% от общего числа домохозяйств. Однако поскольку доходы таких семей в среднем составляют 50–60% от уровня доходов семей постоянных работников, возрастание их доли, пусть и незначительное, также приводит к усилению расслоения по доходам. При этом в молодежной группе, где возраст глав семей не превышает 30 лет, доля непостоянно занятых среди них составляет более 15%, а в группе старше 60 лет – более 20%¹⁰.

К факторам, которые, напротив, сдерживают расслоение населения по доходам, можно отнести увеличение числа семей, где работают оба супруга, а также рост экономической активности пожилых граждан.

Число семей, в которых работают оба супруга, возросло с 9 млн 420 тыс. в 2000 г. до 11 млн 290 тыс. в 2016 г., а число семей с *сэнгё сюфу* (профессиональными домохозяйками, занимающимися домашним хозяйством и воспитанием детей), напротив, сократилось с 9 млн 160 тыс. до 6 млн 640 тыс. При этом доля семей, где работают оба супруга, в 2000 г. составлявшая чуть более половины от общего числа домохозяйств семейных пар, к 2016 г. приблизилась к 2/3. Хотя линейной зависимости между долей работающих замужних японок и уровнем доходов их супругов не прослеживается, тем не менее, в целом картина достаточно очевидна. Так, в 2016 г. в семьях, где доход мужа составлял от 2 до 5 млн иен

<https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/k-tyosa/k-tyosa17/dl/02.pdf> (дата обращения: 10.03.2020).

¹⁰Хэйсэй 29 нэмпан косэй родо хакусё (Белая книга по здравоохранению, труду и благосостоянию 2017). С.55-57. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/17> (дата обращения: 10.02.2020).

в год, работали почти 70% женщин, при доходе мужа от 5 до 10 млн иен – порядка 2/3, а при доходе свыше 10 млн иен – 55%¹¹. Понятно, что эти особенности структуры женской занятости способствуют сдерживанию процессов социального расслоения.

Что же касается эффекта от расширения занятости пожилых граждан, то статистика показывает, что за счет доходов от работы по найму, занятия бизнесом и т.д. совокупный доход домохозяйств пожилых граждан в среднем прирастает на ¼. При этом экономическая активность пожилых японцев достаточно высока. Так, среди японцев обоих полов в возрасте 60–64 лет работают 2/3, в возрасте 65–69 лет – 45%, а в возрасте 70–74 лет – более ¼. Среди мужчин эти показатели выше: в возрасте 60–64 лет работают почти 80%, 65–69 лет – 55%, 70–74 лет – более 1/3¹².

Как отмечалось выше, усиление расслоения японских домохозяйств по первичным доходам, которое наблюдалось с начала 1990-х годов, было практически нивелировано за счет перераспределения через систему социального обеспечения и налогообложения, а показатель Джини по доходам после перераспределения находится в пределах, которые обозначают невысокую степень расслоения. Этот показатель, безусловно, полезен для уяснения ситуации в целом, но очевидно, что в реальной жизни картина выглядит гораздо сложнее. Для получения более полной картины воспользуемся квантильными показателями дифференциации доходов и других характеристик уровня жизни, которые исчисляются путем разбивки совокупности домохозяйств на равные по численности, но различающиеся по уровню дохода группы. Вот каковы

¹¹ Хэйсэй 29 нэмпан родо кэйдзай хакусё (Белая книга по экономике труда 2017). С. 129, 132. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/17> (дата обращения: 10.02.2020).

¹² Хэйсэй 30 нэмпан корэй сякай хакусё (Белая книга о стареющем обществе 2018). С. 21. Cabinet Office. https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/w-2018/zenbun/pdf/1s1s_01.pdf (дата обращения: 10.03.2019).

были показатели по пяти группам японских домохозяйств в 2016 г. (см. табл. II-5.7).

Таблица II-5.7. Доходы и расходы японских домохозяйств, тыс. иен в месяц

	Годовой доход домохозяйств (млн иен)					
	средний	менее 3,4	3,4 -4,9	4,9 – 6,4	6,4-8,4	более 8,4
Число членов семьи	2,68	1,55	2,43	2,93	3,15	3,33
Число иждивенцев	1,52	1,14	1,38	1,55	1,66	1,87
Возраст главы семьи	46,6	43,4	45,3	46,3	47,8	50,2
Доход (тыс. иен в месяц)	461,6	221,2	333,4	417,9	535,1	800,3
Доход главы семьи	376,8	191,6	276,7	344,3	443,1	628,4
Потребительские расходы, в том числе:	268,3	152,0	212,7	257,8	308,6	410,4
продовольствие	65,5	40,4	56,3	65,8	74,8	90,3
жилье	21,8	25,8	24,1	18,9	20,7	19,5
услуги ЖКХ	17,2	11,7	15,2	17,8	19,8	21,8
одежда, обувь	11,2	5,6	7,8	10,4	12,8	19,2
культура, отдых	51,2	21,5	35,7	46,0	61,0	91,9
образование	13,7	1,4	5,7	11,9	17,4	32,3
медицинские услуги	9,5	5,6	7,1	9,7	10,9	14,2
Располагаемый доход (тыс. иен в месяц)	376,6	191,4	282,1	346,6	434,7	628,1
Отношение располагаемого дохода к первичному(%)	81,6	86,6	84,6	82,9	81,2	78,5

Источник: Japan Statistical Yearbook 2018. Table 22-1. Statistics Bureau.
<https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/1431-22.html> (дата обращения: 10.03.2019).

Примечание: Данные по семьям наемных работников.

В целом материалы таблицы подтверждают вывод, который был сделан, основываясь на динамике коэффициента Джини: разница в доходах между первыми двадцатью процентами семей (группа с наименьшими доходами) и последними двадцатью процентами (группа с наивысшими доходами), по первичным доходам составляющая 3,62, по располагаемым доходам уменьшается до 3,28. По отношению располагаемого дохода к первичному можно видеть, что чем выше последний, тем большая его часть перераспределяется через систему налогообложения и социального обеспечения. Еще больше сокращается разрыв между наиболее богатыми и наиболее бедными семьями по уровню потребительских расходов – до 2,7. И, наконец, если скорректировать потребительские расходы по числу членов семьи, то разрыв становится почти символическим – 1,25 (123,2 тыс. иен в группе с наивысшими доходами и 98,1 тыс. иен в группе с наиболее низкими доходами). Иными словами, при значительной разнице в доходах уровень потребления японских домохозяйств примерно одинаков, и это – наглядное свидетельство того, что государство в Японии не на словах, а на деле является социально-ориентированным.

Конечно, нельзя не заметить различий в структуре потребления семей с разным уровнем дохода. Например, в наиболее бедных семьях на питание уходит 26,6% общей суммы потребительских расходов, а в наиболее богатых – 22,0%, на отдых и развлечения первая группа направляет 14,2%, а вторая – 22,4% этой суммы, на оплату жилья и услуг ЖКХ – 24,6% и 10,1% и т.д. Но в целом эти различия не отменяют сделанного выше вывода.

Небезынтересно посмотреть, как в этом плане выглядит Япония на фоне других развитых стран. При всех трудностях и условностях, связанных с международными сравнениями, достаточно объективную картину можно получить путем сопоставления

данных о распределении доходов населения по квинтильным и децильным группам (т.е. по пяти и десяти равным по численности группам домохозяйств). При этом очевидно, что показатели Японии целесообразно сопоставлять с данными по странам, сравнимым с ней и по масштабам экономики, и по численности населения, т.е. странам, входящим в G7 (см. табл. II-5.8).

Таблица II-5.8. Распределение доходов в странах G 7

Страны	Квинтильные и децильные группы (доля в доходах, %)						
	Первая децильная группа (10% наиболее бедных)	Первая квинтильная группа (20% наиболее бедных)	Вторая квинтильная группа (следующие 20%)	Третья квинтильная группа (следующие 20%)	Четвертая квинтильная группа (следующие 20%)	Пятая квинтильная группа (20% наиболее богатых)	Десятая децильная группа (10% наиболее богатых)
Япония (2014)	1,9	5,4	10,7	16,3	24,1	43,5	27,0
США (2013)	1,7	5,1	10,3	15,4	22,7	46,4	30,2
Канада (2010)	2,4	6,6	12,4	17,0	23,3	40,8	25,3
Великобритания (2012)	2,9	7,3	12,0	16,6	22,9	41,3	26,2
Германия (2011)	3,3	8,1	12,9	16,9	22,4	39,8	24,9
Франция (2012)	3,2	8,0	12,7	16,8	22,0	40,5	26,0
Италия (2012)	2,0	6,2	12,3	17,2	23,3	41,0	25,5

Источник: Databook of International Labour Statistics 2018. P. 189. Japan Institute for Labour Policy and Training. <https://www.jil.go.jp/english/estatis/databook/2018/index.html> (дата обращения: 10.03.2019).

При некоторых различиях, в целом приведенные показатели отражают довольно однотипную структуру распределения доходов, характерную для стран с высокоразвитой социально-ориентированной рыночной экономикой, главная черта которой – концентрация доходов в средних слоях при достаточно высокой доле наиболее обеспеченных семей. Как показывают материалы таблицы, Япония в этом плане является типичным представителем этой группы стран.

Таблица П-5.9. Уровни относительной бедности в странах G7, %

Годы	1995	2000	2005	2010	2012	2014	2016
Япония	13,7	15,3	15,7	16,0	16,1	15,6 ¹	16,1
США	16,7	16,9	17,0	17,4	17,2	16,8	17,8
Канада	11,8	12,0	12,3	13,1	13,3	12,6	14,2
Великобритания	10,5	11,0	12,0	11,0	10,5	10,5	11,1
Германия	7,2	7,6	9,1	8,8	8,4	9,5	10,1
Франция	7,6	7,2	7,2	7,9	8,5	8,2	8,1
Италия	14,6	12,2	12,6	13,4	13,0	13,7	14,4

Источник: Databook of International Labour Statistics 2018. P.190. Japan Institute for Labour Policy and Training. <https://www.jil.go.jp/english/estatis/databook/2018/index.html>; OECD. <http://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm> (дата обращения: 10.03. 2019).

*Примечание:*¹ Данные за 2015 г.

Однако картина несколько меняется при сопоставлении стран по такому индикатору социального расслоения, как соотношение между доходами десяти процентов самых богатых семей и десяти процентов самых бедных семей. Вот как выглядят эти показатели: США – 17,8, Япония – 14,1, Италия – 12,5, Канада – 10,5, Великобритания – 9,0, Франция – 8,0, Германия – 7,5. Иными словами, будучи страной с эгалитарным сознанием, ориентированной на групповые интересы и групповые ценности, Япония, тем не

менее, по этому показателю близка к США – стране, известной резкими социальными контрастами.

Довольно неожиданно выглядят и позиции Японии по еще одному показателю социального расслоения, а именно по уровню относительной бедности, который отражает долю граждан, чьи доходы составляют менее половины от уровня медианного для данной страны располагаемого дохода (см. табл. II-5.9).

В международной статистике уровень относительной бедности считается высоким, если доля получателей доходов, составляющих менее половины медианного, превышает 15%. Как показывают данные таблицы, среди представленных стран лишь две – США и Япония – относятся к этой категории. В остальных странах, особенно в Германии, Франции и Великобритании, ситуация гораздо более благополучна.

Весьма высок в Японии и такой чувствительный показатель, как относительный уровень детской бедности. Он представляет собой долю детей в возрасте до 17 лет, на которых приходится доход, составляющий менее половины медианного уровня, в общем числе детей этого возраста (см. табл. II-5.10).

Таблица II-5.10. Доля детей в возрасте до 17 лет, на которых приходится доход, составляющий менее половины медианного уровня, в общем числе детей этого возраста, %

1985	1988	1991	1994	1997	2000	2003	2006	2009	2012	2015
10,9	12,9	12,8	12,2	13,4	14,4	13,7	14,2	15,7	16,3	13,9

Источник: Databook of International Labour Statistics 2018.Р. 190. Japan Institute for Labour Policy and Training. <https://www.jil.go.jp/english/estatis/databook/2018/index.html> (дата обращения: 10.03. 2018).

Специалисты связывают повышение этого показателя, главным образом, с ростом числа семей, состоящих из матери и ребенка, доходы которых не достигают и половины от средних доходов японских домохозяйств.

Таким образом, по одним индикаторам распределения доходов Япония выглядит вполне благополучно, по другим – примыкает к США, «классической» стране резких социальных контрастов. Но в целом налицо усиление расслоения населения по текущим доходам.

Тем не менее, на уровне общественного сознания, в самооценках японцев эти изменения практически не фиксируются. Такой вывод позволяют сделать результаты опросов общественного мнения, проводимых ежегодно Канцелярией премьер-министра. Согласно этим данным, на протяжении уже более полувека абсолютное большинство населения страны – порядка 90% – относят себя к среднему классу. В 60–м, юбилейном, опросе, проведенном летом 2016 г., 1,3% опрошенных граждан оценили свой уровень жизни как «высокий», 4,8% – как «низкий», а почти 94% – как «средний»¹³.

Столь благоприятная картина объясняется следующими причинами.

Во-первых, многие японские семьи, оценивая свой уровень жизни, учитывают не только текущие доходы, но и другие составляющие благосостояния (собственный дом или квартиру, банковские депозиты, ценные бумаги, автомобили и т.д.). Так, в собственных домах проживает более половины (55%) японских семей, а еще 7% живут в собственных квартирах. Что касается финансовых активов, то пожилые граждане, по уровню текущих доходов уступающие другим возрастным когортам, по объему накоплений, напротив, оказываются наиболее благополучны. Так, по данным за 2014 г., на семьи граждан в возрасте старше 70 лет приходилось 30,9% от общей суммы финансовых активов населения, в возрасте

¹³Overview of the Public Opinion Survey on the Life of the People. August 2016. P. 2-9. Cabinet Office. <http://www.cfo.go.jp/> (дата обращения: 10.03. 2018).

60–69 лет – 33,6%, 50–59 лет – 18,9%, 40–49 лет – 11,7%, 30–39 лет – 4,5%, моложе 30 лет – 0,5% ¹⁴.

Во-вторых, как было показано выше, государство оказывает ощутимую материальную поддержку наиболее уязвимым группам населения. По данным за 2015 г. разного рода материальную помощь получали около 1 млн 600 тыс. домохозяйств, а общая сумма расходов на эти цели составила порядка 150 млрд долл. ¹⁵. Эта помощь носит сугубо адресный характер и предоставляется на основе оценки местными властями материального положения семьи, с учетом ее состава, состояния здоровья и возраста ее членов.

И, наконец, в-третьих, на оценки и самоощущения японцев оказывает влияние и тот факт, что Япония во многих отношениях является одной из наиболее благополучных стран мира. Уровень безработицы здесь в последние годы составлял 2,2–2,4%, около 90% мужчин – основных добытчиков в японских семьях – вплоть до 60 лет являются постоянными работниками, т.е. имеют гарантированный доход, почти вся молодежь получает законченное среднее образование, а более половины – поступают в университеты. Практически все население охвачено системой медицинского страхования и имеет доступ к системе медицинского обслуживания. К этому следует добавить чистоту японских городов, высокий уровень санитарии и гигиены, крайне низкий уровень преступности, а также отсутствие таких острых социальных проблем, как бездомные дети, расовые конфликты, наплыв мигрантов.

Иными словами, высокий уровень жизни и в целом весьма благополучное положение современного японского общества позволяют сглаживать и компенсировать отрицательные последствия расслоения населения по доходам и не допускать обострения социально-политической обстановки в стране.

¹⁴Хэйсэй 30 нэмпан корэй сякай хакусё (Белая книга о стареющем обществе 2018).Р. 19. Cabinet Office. https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/w-2018/zenbun/pdf/1s1s_01.pdf (дата обращения: 10.03.2019).

¹⁵Handbook of Health and Welfare Statistics 2017. Table 6-3, 3-20. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hh/6-1.html> (дата обращения: 4.03.2020 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение к §1.1. Большие (Кондратьевские) циклы в агросфере стран Востока и Запада

В фокусе данного исследования будет циклическая неравномерность экономического роста в агросфере Японии, Индии, Пакистана, Казахстана, Узбекистана, России, США в период с конца XIX в. до начала XXI в. Будут рассмотрены эмпирическим путем выявленные больше (Кондратьевские) сельскохозяйственные циклы – первый и второй циклы XX в. и первый (незавершенный) цикл XXI в. Сельскохозяйственные циклы определялись на основе динамики урожайности зерновых культур и хлопка и производительности труда в хозяйствах агросферы за означенный период. Графики больших (Кондратьевских) циклов динамики урожайности основной возделываемой культуры и производительности труда в означенных странах представлены на рисунках в приложениях 1.1.1 – 1.1.10.

Отметим несколько обстоятельств. Во-первых, на основе расчетов можно констатировать существование единого сельскохозяйственного цикла для исследованных стран, однако, в конфигурации цикла наблюдаются определенные лаги (5–10 лет) в начальных точках фаз подъема и спада, связанные с особенностями воспроизводства в хозяйствах агросферы в различных странах. В частности, на такие сдвиги, по-видимому, оказывает влияние скорость восприятия новых технологий хозяйствами агросферы той или иной страны.

Во-вторых, так как циклические изменения в хозяйстве агросферы в конечном итоге обусловлены общестрановыми макроэкономическими циклическими изменениями, большой цикл

развития аграрного хозяйства изучаемой страны отличается определенной автономией и может иметь свои временные границы в пределах фаз единого сельскохозяйственного цикла. В-третьих, в некоторых случаях графики длинных волн «выскакивают» за пределы границ единого сельскохозяйственного цикла, что обусловлено незавершенностью фазы цикла, а точнее – с ситуацией, когда хозяйства агросферы частично выходят их цепей натуральной экономики, входя одной своей частью в открытый мир мирового рынка.

На представленных графиках мы четко видим общую особенность циклически-волновой динамики XX и начала XXI вв., характерную для всех отобранных нами стран. На них нашли отражение: 1) длительный отрезок фазы подъема первого цикла XX в.; 2) фаза спада первого цикла, завершившаяся к середине XX в.; 3) фаза подъема второго цикла в XX в., начало которой фиксируется (с «запаздывающим» лагом у бывших колониальных и зависимых стран) концом 1940-х – первой половиной 1950-х гг., а пик фазовой активности выпадает, как правило, на различные временные отрезки, относящиеся к периоду от начала 1970-х до начала 1980-х гг.; 4) фаза спада второго цикла XX в., завершившаяся к концу 1990-х гг.; 5) фаза подъема нового – первого цикла в XXI в., хотя и не равномерно проявившаяся в различных странах. Подчеркнем, что вся совокупность данных, собранных по национальным (т.е. независимым друг от друга) источникам, свидетельствует о временном единообразии повышательной фазы второго цикла XX в. и первого цикла XXI в. Иначе говоря, закономерности движения больших циклов приняли более стройный характер вместе с распространением и усилением влияния на хозяйство (в частности, сельское хозяйство и его отрасли) глобальных процессов.

Важнейший вопрос, который возникает в связи с использованием «циклически-волновой» методики анализа, состоит в отборе параметров, изменение значений которых максимально надежно свидетельствовало бы о характере изменений в изучаемом объекте на стороне производства. Для целей настоящей

работы мы отобрали два, как думается, наиболее существенных («результатирующих») параметра.

К ним относится урожайность, в изменениях которой отражается длительный исторический прогресс в производительных сил человечества. По значениям показателей волновой динамики урожайности определяются границы единого сельскохозяйственного большого цикла в агросфере.

Второй используемый параметр – производительность труда (она для графического построения больших циклов рассчитывалась в физических показателях объема выхода продукта на единицу затраченного рабочего времени). В изменениях данного параметра отражается прогресс в экономии труда как целеполагающем факторе экономического роста, а также фиксируются сдвиги в смене технологического этапа развития (ТЭР) производительных сил.

Рассмотрим циклическую динамику движения урожайности и производительности труда в рисопроизводящем хозяйстве Японии (см. приложение 1.1.1). Фаза подъема первого в XX в. большого цикла урожайности стартовала в конце XIX в. и достигла точки верхнего экстремума в середине 1910-х гг. Пройдя пик, цикл с начала 1920-х гг. вступил в фазу спада, которая закончилась в конце 1940-х гг. (достигнув нижнего экстремума). С этого периода начался второй в XX в. большой цикл урожайности. Его фаза подъема завершилась в начале 1970-х гг. Фаза спада этого цикла продолжалась до конца 1990-х гг. Преодолев нижнюю точку экстремума, стартовал новый большой цикл урожайности – первый в XXI в., который пока еще не завершен. Если сравнивать циклическую динамику урожайности риса в Японии с конфигурацией большого цикла урожайности зерновых культур в России, показанного на рис. I-1.1 (см. §1.1), то отмечается безусловное совпадение фазовых переходов, а также верхних и нижних экстремумов в XX–XXI вв.

Фазы цикла производительности труда в рисопроизводящем хозяйстве Японии имеют запаздывание относительно фаз

цикла урожайности, причем сдвиг верхнего и нижнего экстремума в первом цикле XX в. составляют 10–15 лет, во втором цикле XX в. – примерно 5 лет, а в новом цикле XXI в. экстремумы практически полностью совпадают (см. приложение 1.1.1). В таком отставании фаз подъема и спада проявляются законы землесберегающего технологического способа производства (ТСП), сложившегося в сельском хозяйстве Японии, когда целевой установкой агропроизводства исторически был рост фактора продуктивности земли (урожайности), а фактор производительности труда изначально не играл никакой роли (подробнее см. §1.3). Только с середины XX в. и особенно в XXI в. циклическая динамика производительности труда стала изменяться, что было результатом увеличения ее абсолютных величин.

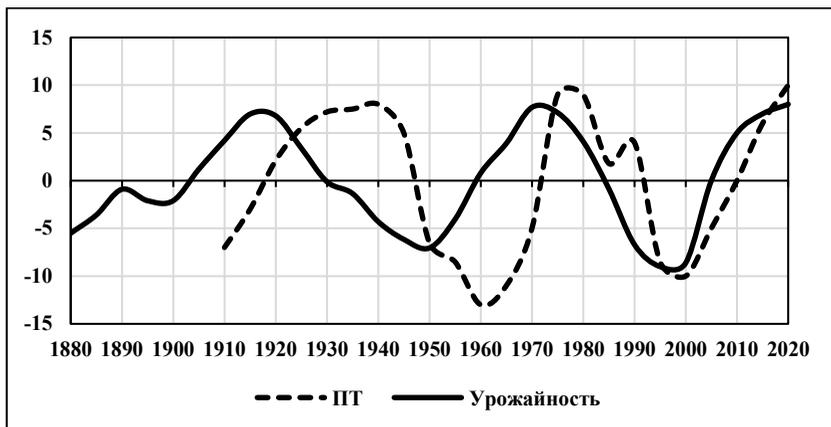
Изучая график циклической динамики урожайности и производительности труда в рисопроизводящем хозяйстве Индии, можно заметить несколько другую конфигурацию волны (см. приложение 1.1.2). Первый в XX в. цикл урожайности стартовал в середине 1900-х гг. и достиг верхнего экстремума в 1930 г., а если сравнивать с аналогичным циклом в Японии, то – на 15 лет позднее. Фаза спада первого цикла урожайности в рисопроизводящем хозяйстве Индии длилась до начала 1950-х гг., сменившись компенсационным ростом после обретения независимости и проведения аграрной реформы. В конфигурации волны видны небольшой подъем до середины 1960-х гг., сменившийся некоторым спадом до середины 1980-х гг., и рост до середины 1990-х гг. – точки верхнего экстремума второго цикла XX в. Таким образом фаза подъема второго большого цикла урожайности растянулась почти на 40 лет (включая компенсационный рост и период «зеленой революции»). Однако фаза спада второго цикла заняла всего 10 лет и цикл закончился в середине 2000-х гг. С точки нижнего экстремума в середине 2000-х гг. начался новый цикл XXI в. Таким образом длина первого цикла XX в. в рисопроизводящем хозяйстве Индии составила примерно 50 лет, второго – 55 лет. Конфигурация волны производительности труда с небольшими отклонениями

соответствует большим циклам урожайности, дихотомии, свойственной рисопроизводящему хозяйству в Японии, в Индии не наблюдается.

Большие циклы урожайности в пшеницепроизводящем хозяйстве Пенджаба (штат Индии) и Пакистана являют собой практически полное единообразие (см. приложения 1.1.3 и 1.1.4). Будучи до 1947 г. единой провинцией Пенджаб, циклическая динамика урожайности пшеницы в первом цикле XX в. имеет одинаковую конфигурацию. Фаза спада, длившаяся с середины 1900-х гг. до начала 1930 г., сменилась фазой подъема до середины 1940-х и затем резкой фазой спада до середины 1960-х гг. Политические события, связанные с разделом провинции на Пенджаб (штат Индии) и Пакистан соответствовали фазе спада, а фаза подъема была обусловлена внедрением технологий «зеленой революции». С фазы подъема середины 1960-х начался второй большой цикл XX в., причем в Пенджабе он проявил себя более активно, чем в Пакистане. Большой цикл производительности труда в Пенджабе по точкам экстремумов, фазам подъема и спада соответствовал циклу урожайности, что свидетельствует о том, что преобразование технического оснащения агропроизводства началось практически одновременно с внедрением био-химических средств производства, свойственных «зеленой революции». Также необходимо отметить, что рамки двух больших циклов урожайности XX в. соответствуют эталонному циклу, показанному на рис. I-1.1 (см. §1.1).

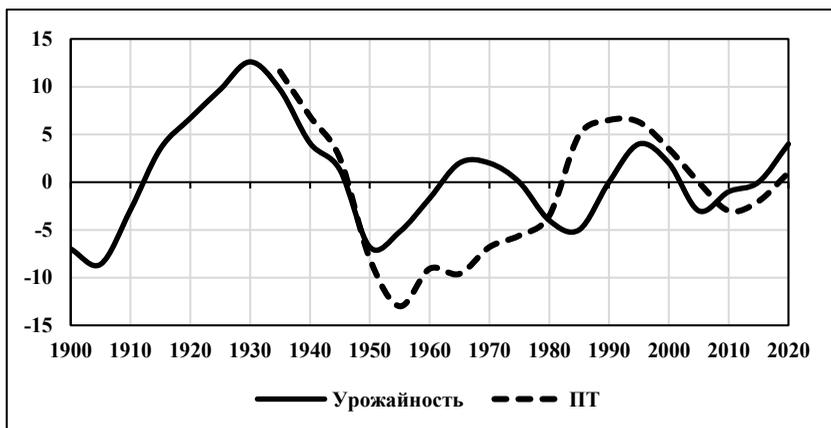
Рассмотрим большие циклы динамики хозяйства агроферры в Казахстане, Узбекистане и России, бывшие до 1991 г. в составе единой страны – СССР (см. приложения 1.1.5 – 1.1.8). Конфигурация волн больших циклов имеет почти полную идентичность эталонному сельскохозяйственному циклу по России, периоды и экстремумы которого представлены в таблице I-1.2 (см. §1.1). Это свидетельствует, помимо прочего, о воздействии единой аграрной политики СССР на циклическую динамику в сельском хозяйстве.

Приложение 1.1.1. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности и производительности труда (ПТ) в рисопроизводящем хозяйстве Японии

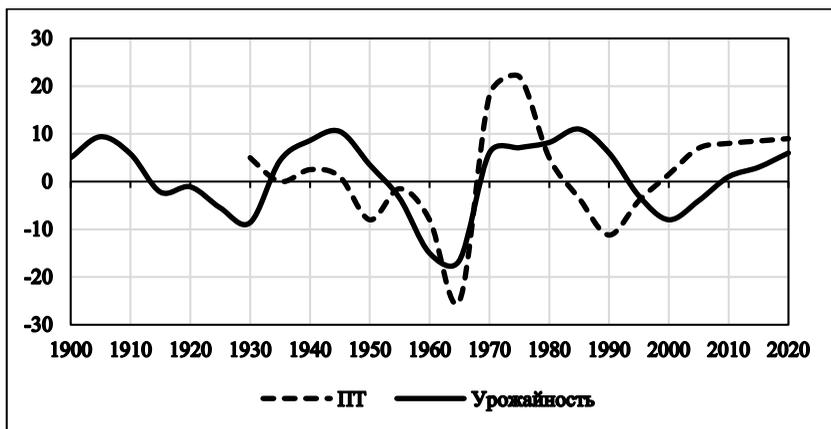
Источник: Расчеты автора

Приложение 1.1.2. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности и производительности труда (ПТ) в рисопроизводящем хозяйстве Индии

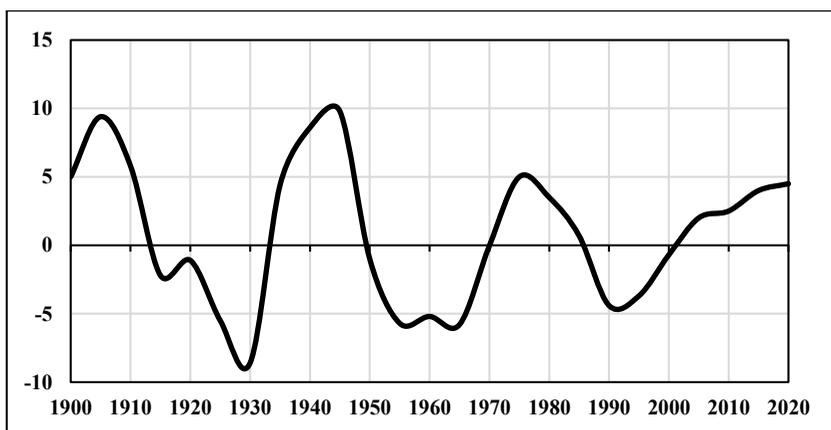
Источник: Расчеты автора

Приложение 1.1.3. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности и производительности труда (ПТ) в пшеницепроизводящем хозяйстве Пенджаба в Индии

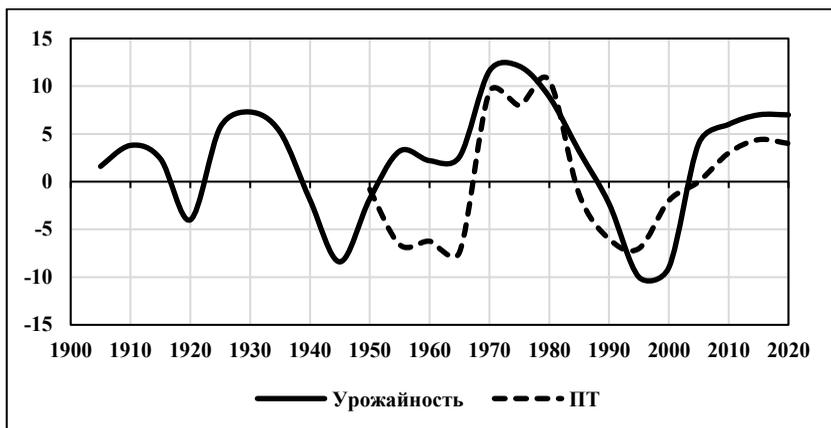
Источник: Расчеты автора

Приложение 1.1.4. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности в пшеницепроизводящем хозяйстве Пакистана

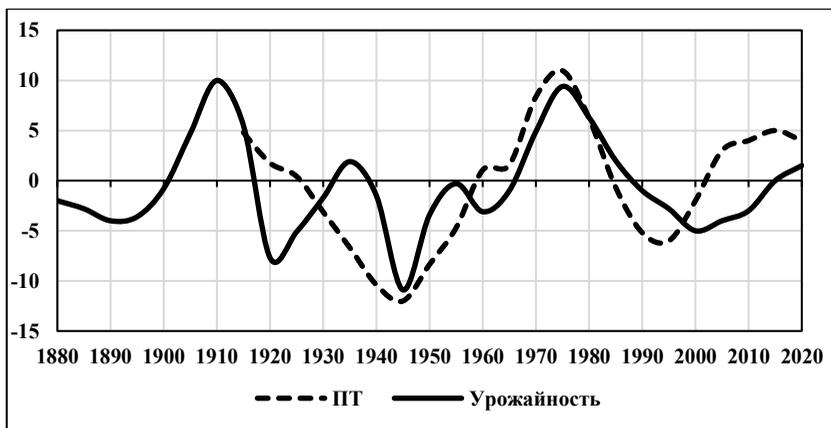
Источник: Расчеты автора

Приложение 1.1.5. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности и производительности труда (ПТ) в пшеницепроизводящем хозяйстве Казахстана

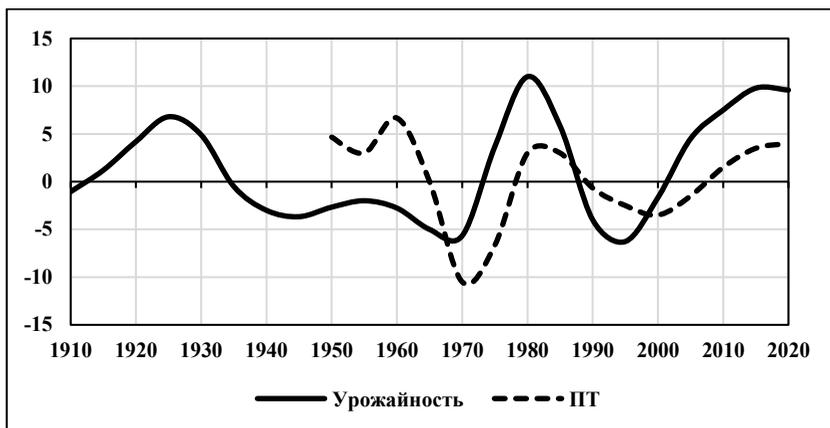
Источник: Расчеты автора

Приложение 1.1.6. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности и производительности труда (ПТ) в хлопкопроизводящем хозяйстве Узбекистана

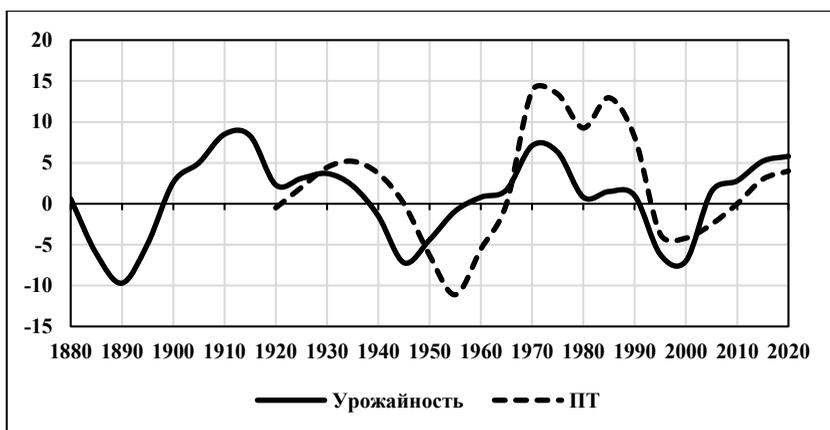
Источник: Расчеты автора

Приложение 1.1.7. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности и производительности труда (ПТ) в зернопроизводящем хозяйстве Узбекистана

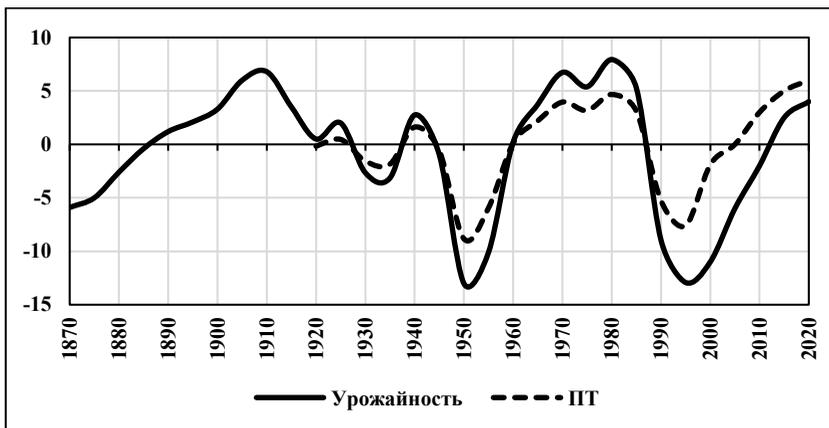
Источник: Расчеты автора

Приложение 1.1.8. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности и производительности труда (ПТ) в зернопроизводящем хозяйстве России

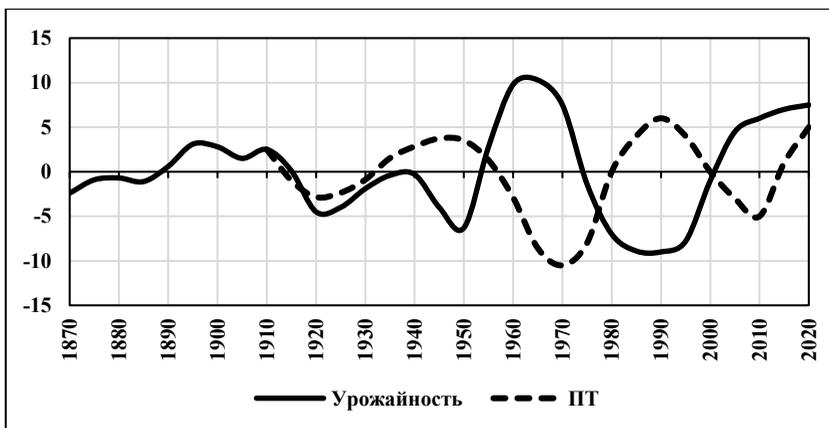
Источник: Расчеты автора

Приложение 1.1.9. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности и производительности труда (ПТ) в пшеницепроизводящем хозяйстве США

Источник: Расчеты автора

Приложение 1.1.10. Большие (Кондратьевские) циклы урожайности и производительности труда (ПТ) в хлопкопроизводящем хозяйстве США

Источник: Расчеты автора

Среди этих графиков несколько выделяется график циклической динамики зернопроизводящего хозяйства Узбекистана (см. приложение 1.1.7). Здесь фазовые переходы и точки экстремумов имеют некоторое запаздывание по отношению к эталонному циклу, что объясняется отсутствием усиленного внимания центральной власти СССР к зерновому сектору Узбекистана, такого внимания, которое уделялось хлопкопроизводящему сектору. Однако с началом нового цикла XXI в. в независимом Узбекистане зерновой сектор получил приоритетное развитие, соответственно подъем волны в нем обозначен более выпукло.

На графиках циклической динамики в агросфере США фиксируются также два цикла в XX в. и начавшийся новый цикл XXI в. (см. приложения 1.1.9 и 1.1.10). Первый цикл XX в. достигает своего верхнего экстремума на рубеже 1990–1910 гг., а нижнего – на рубеже 1940–1950-х гг. Второй цикл в XX в. более интенсивно проявляется в хлопкопроизводящем хозяйстве – здесь по сравнению с пшеницепроизводящим хозяйством быстрее (на 5 лет) цикл достигает верхнего и нижнего экстремума, соответственно, на 5 лет раньше начинается новый цикл XXI в. Хлопковая отрасль в течение XX в. получала от правительства США больше поддержки, чем пшеницепроизводящий сектор. Однако в новом цикле XXI в. приоритетное внимание и финансовая поддержка была отдана кукурузопроизводящему сектору.

Оценивая с высоты птичьего полета результаты циклической неравномерности динамики сельского хозяйства в течение XX–XXI вв., можно выделить следующие важные моменты.

Особенность первого большого сельскохозяйственного цикла XX в. (конец XIX в. – середина XX в.) состояла в том, что резко усилился процесс международного разделения труда, начавший в этот период расширение включения результатов и средств аграрного производства в мировой рынок. В тех странах, где этот процесс быстрее захватывал различные сектора сельского хозяйства, подъем волны первого цикла проявился более выпукло. Примером усиления интенсификации международного разделения

труда выступает сельское хозяйство России. В конце XIX в. резко возросли продажи российского зерна на мировой рынок, были переоборудованы Одесский и Новороссийский порты, построены к ним новые (по преимуществу частные) железные дороги. В Российской империи существенно увеличился импорт сельскохозяйственного оборудования. В результате в 1913 г. хорошо виден верхний экстремум первого большого цикла XX в. Также в хлопкопроизводящем хозяйстве Узбекистана достаточно выпукло фиксируется фаза подъема этого цикла.

При интерпретации отображений первого большого цикла XX в. нужно учитывать то обстоятельство, что применяемые в земледелии технологии пока еще весьма стабильны, а происходящие в них изменения совершаются медленно и в сравнительно небольших объемах. И, напротив, второй цикл XX в. представляет собой в этом отношении прямо противоположное явление. Более того, циклическая динамика урожайности в период первого цикла XX в. в огромной степени подчинена «капризам» природы, обнаруживая большие годовые колебания. Условно можно сказать, что наличие или отсутствие такого рода колебаний свидетельствует о степени технологической зрелости хозяйства.

Как отмечено выше, разброс на временной оси страновых вариантов циклических волн составляет важнейшую отличительную черту первого большого цикла XX в. Такая «разногласица» объясняется, помимо прочего, тем, что аграрные сферы весьма одновременно включались в процесс хозяйственных связей, регулируемых рыночными детерминантами вообще, и детерминантами мирового рынка в особенности.

Также уникальность первого большого цикла XX в. состоит прежде всего в отставании циклической волны в бывших колониальных и зависимых странах от аналогичной волны в промышленно развитых странах – метрополиях. Временные границы фазового лага были обусловлены, с одной стороны, значительной протяженностью времени, необходимого для технологического трансферта – переноса усовершенствованных технологий

возделывания тех или иных сельскохозяйственных культур из метрополии на почву колониальных и зависимых стран, а, с другой стороны, длительностью времени адаптации таких технологий, дающих импульс повышательной волне на стороне технологического потенциала, к специфическим условиям стран–реципиентов. То есть, говоря иначе, циклически–волновая динамика в хозяйстве агросферы в бывших колониях и зависимых странах, по меньшей мере в конце XIX – первой половине XX века, имела во многом рефлекторную природу. Основные характеристики этой динамики обуславливались влиянием процессов, генерировавшихся метрополией.

Наиболее впечатляющим и самым общим результатом повышательной фазы второго большого цикла XX в., которая началась по разным странам в конце 1940-х – середине 1950-х гг. и завершилась в начале 1970-х – середине 1980-х гг., является то, что достижения НТР и современная промышленность стали определять циклическую неравномерность не только в промышленно развитых, но и в развивающихся странах (в последних, однако, с определенными исключениями). В результате существенно обогатились и стали качественно иными связи, посредством которых хозяйство агросферы обеих групп стран включается в международное разделение труда.

В ходе повышательной волны цикла в одной группе стран (развивающихся) были заложены и упрочены основы принципиально новых технологических (и одновременно экономических) систем производства, ориентированных в первую очередь на обеспечение максимального выхода сельскохозяйственного продукта; впервые получили практическое (массовое) распространение «пакетные» технологии, определяемые стандартами НТР; существенно углубился процесс распада традиционного хозяйства; в другой группе стран (промышленно развитых) осуществлялся ширококомасштабный переход от раннеиндустриальных технологий, используемых в сельском хозяйстве, к индустриальным и частично постиндустриальным технологиям.

Повышательная фаза второго «большого цикла» XX в. примечательна и тем, что благодаря НТР развитие мировых интеграционных процессов, охвативших аграрные экономики стран мирового сообщества, получило сильнейший импульс.

Вместе с тем для повышательной фазы второго цикла характерно резкое усиление неравномерности развития аграрных секторов различных групп стран. Ко времени завершения фазы изучаемые страны оказались на разных горизонтах технологической трансформации этих секторов. Различия обнаруживаются прежде всего между странами с исходно разными технологическими способами производства (ТСП). В самом деле, НТР стимулировала в инерционных аграрных системах всех стран с землесберегающим ТСП (Япония, Индия, Пакистан) резкий (в некоторых случаях – скачкообразный) рост продуктивности, значительную интенсификацию экономической отдачи природных факторов производства – в 1960–1970-х годах, причем внесла в процесс развития сельского хозяйства ранее отсталых стран то, что называют «догоняющим» типом развития.

Однако фаза подъема производительности труда, едва поднявшись, разбилась в этих странах об утес, именуемый «встроенным депрессором» землесберегающего ТСП. В результате аграрная экономика данной группы стран до сих пор так и не выбралась из оков аномального для современной стадии мировых производительных сил состояния – непомерно большого влияния на экономический рост непроизводительного ручного труда.

В странах с исходным трудосберегающим ТСП (Россия, США, Казахстан) в ходе фазы подъема второго большого цикла XX в. сформировались качественно новые механизмы экономии труда и материальных ресурсов производства. Подлинный прорыв к новому качеству ТСП на повышательной волне цикла осуществили США, ставшие одним из лидеров технологических преобразований в странах зоны «трудосберегающего» ТСП.

С начала 1980-х гг. (а в ряде случаев – и ранее) во всех рассматриваемых странах отчетливо просматривается формирование

фазы спада второго большого цикла XX в. с ее консервирующей результаты предшествующей фазы потенциалом. В странах с рыночной экономикой определяющее влияние на формирование фазы спада в агросфере оказывал к концу XX в. факт нарастающего истощения мощности технологического ресурса положительного роста. Производство в сельском хозяйстве в такие периоды остро нуждается в новых сортах культур, в разработке новых технологических процессов (в частности, «пакетных» технологий), в адаптационной инфраструктуре, способствующей их массовому распространению. И такое накопление нового ресурса роста активно происходило с конца 1980-х гг. практически повсеместно. Т.е. на фазе спада шло накопление ресурса новых технологий, которые в результате сформировали новый большой цикл XXI в.

Фаза подъема нового большого цикла XXI в. в динамике агросферы стартовала в большинстве стран в конце 1990-х гг. Здесь в первую очередь необходимо отметить высокую синхронность ее начала, однако, в связи с тем, что большой цикл XX в. не завершен, пока технически невозможно определить даже точку верхнего экстремума. Большой цикл XXI в. генерируется переходом хозяйства агросферы на наукоемкий этап технико-экономического развития (ТЭР). Иначе говоря, на данной фазе подъема мирового экономического процесса в сельском хозяйстве произошло превращение науки в реальную производительную силу. В развитых странах высокоточные наукоемкие технологии заняли место основного движителя сельскохозяйственного роста, в мировом сельском хозяйстве стартовал переход к информационным производительным силам, распространение которых по различным странам, как видно из определения, может быть практически моментальным. Именно поэтому мы наблюдаем высокую степень синхронности в конфигурации нового большого цикла XXI в.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдаков Игорь Юрьевич – Кандидат экономических наук, Ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Igor Yu. Avdakov – PhD (Economics), Leading Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Акимов Александр Владимирович – Доктор экономических наук, Заведующий Отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Alexander V. Akimov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – Доктор исторических наук, Кандидат экономических наук, Профессор, Заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky – Doctor of Sciences (History), PhD (Economics), Professor, Head of Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Бойцов Валерий Васильевич – Кандидат исторических наук, Доцент Кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Valery V. Boitsov – PhD (History), Associate Professor, Department of Economics and Economic Geography of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Борисов Михаил Глебович – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН

Mikhail G. Borisov – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Бочаров Иван Александрович – Референт, Российский совет по международным делам, Москва

Ivan A. Bocharov – Referent, Russian International Affairs Council, Moscow

Гукасян Гурген Левонович – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Gurgen L. Ghukasyan – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Дерюгина Ирина Владимировна – Кандидат экономических наук, Ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Irina V. Deryugina – PhD (Economics), Leading Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Замараева Наталья Алексеевна – Кандидат исторических наук, Старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва

Natalia A. Zamaraeva – PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Кандалинцев Виталий Геннадиевич – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН

Vitaly G. Kandalintsev – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Лебедева Ирина Павловна – Доктор экономических наук, Главный научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Irina P. Lebedeva – Doctor of Sciences (Economics), Chief Research Fellow, Centre for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Максимова Елена Ивановна – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Elena I. Maksimova – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Матюнина Лиана Хафисовна – Кандидат экономических наук, Доцент Кафедры МЭО, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Liana H. Matyunina – PhD (Economics), Associate Professor, Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Мельянцеv Виталий Альбертович – Доктор экономических наук, Профессор, Заведующий кафедрой МЭО, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Vitalii A. Meliantsev – Doctor of Sciences (Economics), Honored Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Орлов Илья Александрович – Стажёр-исследователь, НУЛ экономики изменения климата, НИУ Высшая школа экономики, Москва

Ilya A. Orlov – Research Intern, Research and Training Laboratory of Climate Change Economics, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Растянникова Елизавета Викторовна – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Elizaveta V. Rastyannikova – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Семенова Нелли Кимовна – Кандидат политических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Nelli K. Semenova – PhD (Politics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Соловьева Зоя Александровна – Кандидат экономических наук, Научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Zoya A. Solovieva – PhD (Economics), Research Fellow, Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Стрельцов Дмитрий Викторович – Доктор исторических наук, Ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Dmitry V. Streltsov – Doctor of Sciences (History), Leading Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Ульченко Наталья Юрьевна – Доктор экономических наук, Доцент, Ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Natalia Yu. Ulchenko – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Department of Economy and Economic Geography of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov

Moscow State University; Head of the Department of Turkish Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow

Филоник Александр Оскарович – Кандидат экономических наук,
Ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований,
Институт востоковедения РАН, Москва

Alexander O. Filonik – PhD (Economics), Leading Research Fellow,
Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Цветкова Нина Николаевна – Кандидат экономических наук, Ведущий научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, Москва

Nina N. Tsvetkova – PhD (Economics), Leading Research Fellow, Centre of Studies Common Problems of Contemporary East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Юрлов Феликс Николаевич – Доктор исторических наук, Главный научный сотрудник Центра индийских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Felix N. Yurlov – Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow, Centre for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Научное издание

**Экономический рост в странах Востока:
тенденции, неравномерность,
неравенство социального развития**

Книга 1

Верстка И.В. Дерюгиной

Подписано в печать 02.07.2020
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл.-печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 14,4
Тираж 500 экз. Заказ № 423

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел.
Зав. отделом И.В. Федулов
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии «ПАО Т8»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д.42, корп.5, ком. 6.
Тел. (499) 332-38-30. E-mail: info@T8print.ru